ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ
ИГУМЕНА
ПАРѲЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ скончался жившій на покоѣ старецъ, бывшій игуменомъ Гуслицкаго монастыря, о. Парѳеній. Происходя изъ раскольниковъ, онъ не получилъ никакого образованія научнаго, не былъ ни въ какихъ школахъ; но природныя дарованія и любознательность развили въ немъ то, чего не даетъ и школа: его «Странствованія» по св. мѣстамъ Востока и другія сочиненія обращали на себя вниманіе не только такихъ цѣнителей духовной литературы, какимъ былъ святитель Московскій Филаретъ, но и такихъ свѣтскихъ критиковъ, какъ покоиный Говоруха-Отрокъ, который въ своихъ «Литературныхъ замѣткахъ», помѣщавшихся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, съ увлеченіемъ говоритъ о «Странствованіяхъ инока Парѳенія», какъ о произведеніи писателя-самородка, раскрывающаго своеобразнымъ языкомъ духовные идеалы русскаго человѣка.

Покойный о. игуменъ оставилъ послѣ себя неизданный пятый томъ «Сказаній» о странствованіяхъ своихъ, заключающій въ себѣ его собственную автобіографію. Эта авто-

біографія доведена имъ до того времени, когда въ Томскъ прибылъ преосвященный Парѳеній, слѣдовательно до 26 іюня 1854 года. Конецъ этого тома заключаетъ въ себѣ чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности преосвященнаго епископа Аѳанасія Томскаго, которыя представляютъ характеристику пастырскаго служенія этого святителя въ далекой Сибири и рисуютъ намъ его свѣтлую личность въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ. Семь лѣтъ прожилъ о. Парѳеній подъ одною кровлею съ преосвященнымъ Аѳанасіемъ и привязался къ нему всею душой. Нужно впрочемъ сказать, что преосвященный при первой встрѣчѣ съ о. Парѳеніемъ принялъ его очень холодно, сказавъ: «зачѣмъ пріѣхалъ сюда? Поѣзжай отсюда». Но о. Парѳеній былъ не изъ такихъ, которые останавливаются предъ первыми препятствіями: «владыка святый,— сказалъ онъ:—куда мнѣ ѣхать? Я и то ѣхалъ сюда двѣнадцать тысячъ верстъ»... Онъ прибылъ въ Томскъ съ Аѳона.—«А когда не поѣдешь по волѣ, то по неволѣ поѣдешь»,—сказалъ преосвященный. Цѣлыхъ два мѣсяца о. Парѳеній провелъ въ самомъ неопредѣленномъ положеніи: преосвященный его не принималъ; однажды, когда владыка ходилъ по монастырю, Парѳеній хотѣлъ было взять отъ него благословеніе, но владыка отвернулся отъ него; тогда о. Парѳеній сказалъ ему:—«владыка святый, хоть ты бѣгай, но отъ меня не убѣжишь: я твой, а ты мой»... Только въ декабрѣ 1847 г. владыка наконецъ сжалился надъ бѣднымъ странникомъ и милостиво принялъ его, а потомъ въ іюлѣ 1848 года поселилъ и у себя въ архіерейскомъ домѣ.

Предлагаемъ читателямъ *Душеполезнаго Чтенія* ту часть рукописи о. Парѳенія, въ которой онъ говоритъ о преосвященномъ Аѳанасіи.

Архимандритъ Никонъ.

... Еще болѣе всего тщался утѣшить меня мой архипастырь; старался загладить пятно, которое онъ положилъ противъ меня сначала; воистину загладилъ тысящекратно, ибо онъ когда дома, то все время проводилъ болѣе со мною и ежедневно дѣлалъ меня участникомъ своей трапезы и никакого фрукта, привезеннаго ему изъ Россіи, безъ меня не ѣлъ, и каждую ночь часовъ по 5 и 8 бесѣдовалъ со мною. Бесѣды наши все были душеспасительныя — болѣе читали книги, ибо у него библіотека очень значительная, всѣ творенія св. отецъ древнихъ имѣетъ на греческомъ, латинскомъ, сирскомъ; еврейскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, какія есть на русскомъ и славянскомъ—всѣ есть; ибо онъ греческій, латинскій и еврейскій очень хорошо знаетъ, читаетъ по-нѣмецки, по-французски и по-англійски. Мы всѣ эти книги читали, переводили и толковали, такъ что 8 часовъ и не замѣтишь, когда пройдутъ.

Отъ этого архипастыря я много узналъ и о прочихъ наукахъ: о философіи, богословіи, исторіи, географіи и астрономіи, ибо прожить 7 лѣтъ не бездѣлица, и для меня все это приносило мнѣ великое утѣшеніе; безпрестанно благодарилъ Господа, что послалъ меня къ такому архипастырю, ученому и любознающему, простосердечному и словоохотливому, ибо я на него завсегда смотрѣлъ какъ ангела Божія и путеводителя, не только мнѣ одному, и всей обширной своей паствѣ. Часто онъ любилъ разговаривать и воспоминать лѣта своей юности и свою нищету, родителей своихъ и ихъ великую бѣдность. Здѣсь надобно кое-что о немъ воспомянуть отъ его же собственныхъ разсказовъ, — хотя онъ еще благодатію Божіею и во здравіи обрѣтается, и дай же ему Господи прожить до самой древней старости, до 100 лѣтъ, ибо его жизнь полезна для всѣхъ православныхъ христіанъ и для церкви Христовой, ибо онъ второй Златоустъ; этого архипастыря недостанетъ ни словъ, ни мыслей описать его жизнь и попечи-

тельность о пастве, подвиги и труды его. Прежде скажу о юныхъ его лѣтахъ, что онъ мнѣ многажды разсказывалъ:

Родомъ онъ изъ Костромской губерніи, уѣзднаго города Буя, сынъ пономаря Григорія Соколова; матерь его звали Еленой. Отъ этой-то благочестивой двоицы Григорія и Елены родился знаменитый отрокъ Андрей, такъ его было мірское имя. Родители его были очень бѣдны, ибо гор. Буй самый бѣдный, а приходъ еще бѣднѣе; болѣе они пропитывались своими трудами, нежели отъ церкви: мать ходила лѣтомъ наниматься у крестьянъ жать хлѣбъ, а отецъ косить, такъ что часто не имѣли куска хлѣба, но очень были благочестивы и богобоязливы, ибо каждую ночь вставали по нѣсколько разъ Богу молиться и что имѣли пополамъ дѣлили съ нищими и бѣдными. Вотъ эта-то благочестивая двоица родила великаго мужа и святителя, и онъ завсегда со сладостію ихъ воспоминалъ и со слезами о нихъ разговаривалъ. Родивши сего отрока Андрея, мать до безконечности его любила. Когда еще ему было 6-ть лѣтъ, весной было великое наводненіе, ибо въ Буѣ протекаетъ рѣка Кострома; отрокъ Андрей пошелъ по переходамъ, упалъ въ воду и потонулъ. Потомъ его хватились — гдѣ Андрюнька, а его не тутъ-то было, видѣлъ его одинъ крестьянинъ, что онъ шелъ по перекладамъ, и бросились искать въ водѣ,—нашли и вытащили уже мертваго.

Потомъ откачали; видно Господь самъ былъ попечитель о его жизни, ибо Онъ хранилъ сего отрока и предуготовлялъ его пастыремъ своей церкви. Когда онъ былъ малымъ отрокомъ, лѣтъ 4-хъ, стоялъ онъ у озера, которое было посреди улицы, — подходитъ къ нему одинъ чиновникъ и спрашиваетъ его: мальчикъ, что ты тутъ стоишь и смотришь? Онъ ему отвѣтилъ: стою и смотрю на гусей. Чиновникъ: чего же смотрѣть на гусей, пусть они плаваютъ. Мальчикъ: смотрю, что они бѣлы и я хочу быть бѣлъ, какъ эти гуси. Чиновникъ посмотрѣлъ на него, головой покачалъ и сказалъ: это будетъ великій философъ;— какой далъ чудный отвѣтъ. Что же? Этотъ чиновникъ всю

его жизнь слѣдилъ; потомъ уже, когда, бывши епископомъ, владыка проѣзжалъ свой городъ Буй, этотъ чиновникъ пришелъ его поздравить съ великимъ святительскимъ саномъ,—и самъ все ему разсказалъ.

5-ти лѣтъ родитель самъ его выучилъ грамотѣ, послѣ уже набиралъ мірскихъ мальчиковъ и Андрей, отрокъ ихъ, и этимъ пособлялъ пропитываться родителямъ; въ церкви вмѣсто отца читалъ и пѣлъ, а отецъ занимался крестьянскою работой. Съ 8 лѣтъ началъ проситься въ семинарію, но родители по бѣдности не могли его свезти; много онъ пролилъ слезъ, все просился въ семинарію, но не получалъ желаемаго.

Однажды, когда онъ копался въ отцовыхъ бумагахъ, попалась ему греческая азбука, и онъ былъ очень радъ этому; потомъ самъ выучился греческой азбукѣ. 10-ти лѣтъ отецъ совсѣмъ было собрался везти его въ семинарію въ Кострому, чтобы съ полуночи выѣхать; что́ же, вечеромъ пріѣхали родные звать отца его на свадьбу, и сколько Андрей ни плакалъ, но его не послушали и отложили ѣхать въ Кострому до другого дня. Что же, протекло 2 года, и уже 12-ти лѣтъ отвезли его въ семинарію.

О! какой радости онъ исполнился: ему уже казалось, что онъ окончилъ курсъ. Родитель привезъ его въ семинарію и вручилъ учителю. Учитель спросилъ: а что, старикъ, выучилъ ли ты сына своего чему-нибудь дома? Онъ отвѣтилъ: я и самъ ничего не знаю, чему же я его научу—вы спросите его самого. Учитель началъ его экзаменовать,—потомъ сказалъ его родителю: благодарю, старикъ, сынъ твой будетъ человѣкомъ, только молитесь о его здоровьѣ. Потомъ сказалъ своимъ ученикамъ: вотъ вы, дураки, сидите по 3 года, а вотъ мальчишка Андрей Соколовъ только пріѣхалъ, да уже и больше васъ знаетъ. Потомъ опять обратился къ отцу: благодарю, благодарю, старикъ, что позаботился о сынѣ. Старикъ отвѣтилъ: батюшка, я право самъ ничего не знаю, а онъ все самъ

копался въ бумагахъ. Поступилъ въ семинарію 12 лѣтъ въ 1812 г.

Началъ продолжать ученіе съ большимъ успѣхомъ, такъ что всѣ профессоры удивлялись и каждый годъ давали похвальныя грамоты и часто выражались: только у насъ и учениковъ, что Андрей Соколовъ. Но много ему еще препятствовала бѣдность, ибо не имѣлъ на что купить свѣчъ, бумаги, чернилъ, перьевъ и сургучу. Бывало говоритъ: товарищи обѣдать, а я къ присутственнымъ мѣстамъ, гдѣ выбрасываютъ соръ, и выбираешь тамъ лоскутки бумаги и старыя перья и конверты, а кто-нибудь дастъ грошъ на свѣчу; такъ-то я учился въ семинаріи;—это слова самого владыки:—бывало отпустятъ къ празднику Рождества Христова, а ты бѣжишь въ однихъ сапогахъ безъ чулковъ, а пальцы наружи, въ одномъ кафтанѣ безъ шубы, а на головѣ кожаный картузъ, а морозъ 30 град., бывало весь побѣлѣешь и возьмешь снѣгомъ оттираться. Охъ, Боже мой! всего натерпѣлся! Однажды пріѣхали за нами и мы четверо на одной лошади, а ѣхали всю ночь, и до конца перезябли и устали бѣжавши; пріѣхали на квартиру,—бросились всѣ на печь, а изба сдѣлана по черному, и мы всѣ въ теплѣ уснули крѣпко. Потомъ хозяева затопили печь, а про насъ и забыли, что мы на печи, — потомъ уже надобно ѣхать,—хвать, а мы уже всѣ мертвецки угорѣли и вытаскали насъ на дворъ на снѣгъ; начали оттирать снѣгомъ, а мы ничего не чувствуемъ; потомъ стала замѣтна въ насъ жизнь, и насъ втащили опять въ избу, положивъ среди пола на солому; тутъ-то мы пришли въ себя и смотримъ: мы лежимъ всѣ голые въ снѣгу, тутъ уже и ночевали, а домой привезли больными. Вотъ уже дважды Господь спасалъ отъ напрасныя смерти будущаго пастыря церкви.

Мать, бывало, говоритъ: учись, Андрюша, какъ хочешь, а на насъ не надѣйся, а не будешь учиться, то готовься подъ красную шапку, т.-е. въ солдаты.

Бывало надобно отправляться въ семинарію, а мать

плакать, что нечего дать на дорогу,—бѣгаетъ, бѣгаетъ никто не даетъ,—схватитъ свой кокошникъ и заложитъ; принесетъ 70 коп. ассигн. и скажетъ: вотъ, Андрюша, заложила послѣдній кокошникъ, да надобно кринку масла отдать проценту.—Вотъ какъ учился великій іерархъ.

Однажды позвали насъ въ консисторію сказывать стихи; когда я началъ говорить, протоіерей каѳедральный былъ старикъ, оглянулся назадъ и сказалъ: это ты, Соколовъ, говоришь, вѣдь ты, Соколовъ, будешь архіерей,—это слово такъ меня поразило, что полились слезы изъ глазъ.

Когда сталъ восходить изъ класса въ классъ выше и выше, тогда придешь домой на вакацію, то мать говоритъ: Андрюша, что меня стали очень уважать и почитать бѣдную пономарскую жену; начали звать въ гости и протопопши и не знаютъ гдѣ меня посадить, это видно чрезъ тебя, что ты хорошо учишься и всѣ готовятъ тебѣ невѣстъ: вотъ Елена въ какую попала честь. Я уже началъ часто заниматься учительскими должностями, хотя бы не много чего добыть и послать родительницѣ гостинецъ; она когда стала получать отъ меня гостинцы, то каждый гостинецъ омочала слезами.

Обучилъ я одного нѣмца читать и говорить по-русски; у него были жена и свояченица, которыя хотѣли иногда со мною пошутить, какъ съ молодымъ студентомъ; но я никогда никакого не обращалъ вниманія на нихъ. Онѣ начнутъ браниться: это монахъ нелюдимый! Нѣмецъ скажетъ: дуры, это не только монахъ, но и архіерей будетъ; а я все это слагалъ въ сердцѣ своемъ.—Когда я окончилъ курсъ въ семинаріи, ректоръ тогда былъ архимандритъ Макарій, послѣ бывшій миссіонеръ Алтайской миссіи, подъ начальствомъ своего ученика епископа Аѳанасія, бывшаго Андрея Соколова.

Этотъ ректоръ, архимандритъ Макарій, назначалъ въ С.-Петербургскую Академію своего ученика Андрея Соколова, безъ спросу его самого, и вдругъ нечаянно ему объявляетъ, чтобы скоро былъ готовъ въ дорогу, въ Ака-

демію. Соколовъ испугался и обрадовался, что сдѣлано безъ его спросу; однако противиться власти не сталъ— почелъ это волею Божіей, и въ Академіи благополучно кончилъ курсъ наукъ. Потомъ пожелалъ въ монахи и спросилъ на это благословеніе отъ родителей. Родители ему отписали: какъ самъ знаешь, ты самъ уже умнѣе насъ, а мы на все доброе дѣло благословляемъ. И онъ постригся въ монашество и переименованъ Аѳанасіемъ. Потомъ проходилъ всѣ степени учительскія: баккалавромъ, инспекторомъ и ректоромъ во многихъ семинаріяхъ: во Псковѣ, Харьковѣ, Черниговѣ, Твери и наконецъ въ С.-Петербургѣ ректоромъ Семинаріи, и тамъ въ 1841 г. посвященъ во епископа Томскаго и Енисейскаго.

Когда оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ пріѣхалъ съ поздравленіемъ великаго сана и съ царскою милостію, тогда я, говоритъ, перекрестился и сказалъ: «буди воля Господня надо мной, какъ тебѣ, Господи, угодно, тако да будетъ, только одного прошу: дай мнѣ еже любити паству, мнѣ назначенную. Услышалъ меня Господь, и до днесь такъ люблю свою паству, что и выразить не могу.

До сего мѣста все писалъ со словъ самого преосвященнаго, ибо онъ въ теченіе 7 лѣтъ нѣсколько разъ это помянулъ.

Но родитель не видалъ его уже епископомъ, а только архимандритомъ; родительница же раба Божія Елена сподобилась его встрѣтить епископомъ, ибо онъ проѣздомъ въ Томскъ заѣзжалъ въ свой городъ Буй и погостилъ нѣсколько дней у своей родительницы, ибо она уже жила у зятя, протопопа Буйскаго, со внучатами, ибо у него была одна сестра, по уваженію къ брату, попала за протопопа; имѣлъ еще брата Никанора Соколова, который тоже окончилъ курсъ по милости брата, но вышелъ въ свѣтское званіе и женился на дворянкѣ и живетъ въ помѣстьѣ. Итакъ родительница проводила своего сына-архіерея въ Томскъ; еще на смертномъ одрѣ получила радость, что преосвященный Аѳанасій Томскій получилъ отъ Царя на-

гражденіе: орденъ святыя Анны 1-й степени; она перекрестилась и заплакала; поблагодарила Бога за милости и скончалась.

Этотъ неусыпный архипастырь трудился въ Томской епархіи 12 лѣтъ съ половиною, оставивъ по себѣ вѣчную память, ибо въ теченіе 12 лѣтъ открылъ 85 приходовъ съ церквами, построенными вновь, а 20 церквей тоже съ новыми приходами заведено дѣло,—итого 105; ибо онъ каждую недѣлю служитъ и ни одного праздника и табели не пропускалъ безъ службы и каждую литургію говоритъ проповѣдь безъ приготовленія, и говоритъ со слезами—всѣхъ до единаго заставитъ плакать; а когда идетъ изъ церкви, то всѣхъ благословляетъ, большихъ и малыхъ, и очень любитъ за литургіей причащать дѣтей—это первое его утѣшеніе. Каждому до безконечности доступенъ, ибо съ малымъ и великимъ, богатымъ и бѣднымъ, входитъ въ разговоръ и милостивъ до безконечности, ибо совершенный безсребренникъ; ибо никогда не заведетъ у себя денегъ,—безпощадно ихъ раздаетъ, а наипаче ежели узнаетъ, что кто очень нуждается, то и 100 руб. сер. даетъ; но книги любитъ до крайности, ибо библіотека очень у него великая: когда мы отправляли въ Иркутскъ, то вышло 145 пудовъ вѣсу. Даже тѣхъ людей до крайности любилъ, кто любитъ книги; въ церквахъ по своей епархіи собралъ великія библіотеки и обогатилъ книгами, ибо принуждалъ всѣхъ священниковъ книги выписывать, а этимъ онъ память по себѣ оставилъ вѣчную въ Томской епархіи; но онъ обогатилъ всѣ церкви и вкладами, серебряными окладами, церковною утварью, облаченіемъ и колоколами, ибо до него Сибирь была самая бѣдная; но какъ его всѣ очень любили, то что бы онъ ни сказалъ гдѣ: надо бы вамъ такіе-то колокола, или ризы, или иное что, и уже черезъ 3 мѣсяца все готово, ибо его слово было законъ, что сказалъ, то и будетъ; даже самые раскольники его очень любили, ибо 6 церквей поставилъ единовѣрческихъ. Когда первый разъ поѣхалъ онъ по епархіи прямыми дорогами,

самыми глухими, то раскольники всѣ изъ деревень разбѣжались:—«вотъ, батюшка, послѣднее время, уже и къ намъ антихристъ ѣдетъ!»—такъ они величали Христова пастыря. Но онъ ихъ побѣдилъ, такъ что они послѣ сами всѣ раскаявались и лежали у него въ ногахъ, прося прощенія и благословенія.

Какъ же это онъ могъ сдѣлать? Своимъ смиреніемъ и любовію и ласковымъ обхожденіемъ, ибо онъ въ проѣздъ по епархіи въ каждомъ селѣ служитъ всенощную и литургію, на всенощной между каѳизмъ самъ читаетъ житія св. отецъ по Четіи-Минеи и со своимъ объясненіемъ, ибо онъ всѣ Четіи-Минеи перевелъ на русскій языкъ; а на литургіи говоритъ проповѣдь и самъ плачетъ, а народъ больше его плачетъ и даже кричитъ: «вотъ Богъ какого намъ послалъ пастыря. Бывало только слышимъ, что какіе-то есть архіереи, а теперь мы батюшку нашего видимъ и съ нимъ разговариваемъ». Гдѣ на дорогѣ случится деревня, то онъ, подъѣзжая, самъ вылазитъ изъ кареты и идетъ пѣшій, и благословляетъ народъ, и съ нимъ разговариваетъ, и обо всемъ распрашиваетъ; пришедши на средину деревни скажетъ: «выносите изъ домовъ иконы сюда, ко мнѣ, я вамъ отслужу молебенъ съ водосвятіемъ». Народъ отвѣчаетъ: «батюшка, ваше владычество, у насъ иконъ нѣтъ писаныхъ, а все маленькія мѣдныя». Владыка скажетъ: «какія есть, выносите всѣ». Всѣ вынесутъ и встанутъ въ кругъ, а владыка отслужитъ молебенъ и освятитъ воду и всѣхъ ихъ покропитъ, чего они съ роду не видали и пѣвчихъ не слыхали, и бываютъ внѣ себя отъ радости, а владыка съ ними разговариваетъ и спроситъ: «далеко ли отъ васъ церковь и часто ли бываете въ ней?» Они отвѣтятъ: «ваше владычество, до церкви-то 150 верстъ, да мы никогда въ ней и не бываемъ». Владыка: «вы бы свою выстроили—это для васъ бы было лучше, у васъ бы была своя церковь и свой священникъ и къ вамъ стали бы ѣздить другіе и ваше бы селеніе была не деревня, но село,—это бы для васъ была большая слава». Они отвѣ-

тятъ: «ваше владычество! да, это бы хорошо, да этого невозможно сдѣлать: мы люди бѣдные, да неученые—церковь сдѣлать не бездѣлица». Владыка: «какъ-нибудь вамъ Богъ поможетъ: пріѣзжайте въ Томскъ я вамъ дамъ сборную книгу и добрые люди вамъ помогутъ». Что же? Мужички-сибирячки согласятся и скажутъ: «ну, ваше владычество, мы васъ такого ангела не прогнѣваемъ; вашъ совѣтъ добрый, какъ-нибудь будемъ стараться». Что же? Уже черезъ годъ владыку приглашаютъ на освященіе. Владыка спроситъ: «развѣ уже готова?» Они отвѣтятъ: «посмотрика, владыко, за ваши святыя молитвы и за благословеніе выстроили какую матушку, какъ невѣсту прекрасную, иконостасъ вызолотили и колоколовъ накупили». И владыка радуется, и завсегда освящать ѣздилъ самъ.

Эти сибиряки говорятъ: «куда наши-то дуботолки разбѣжались и чего они устрашились:—это къ намъ пріѣхалъ не человѣкъ, а ангелъ». Послѣ тѣ, которые разбѣгались, очень сожалѣютъ о томъ, что убѣжали и не видали архіерея, котораго они съ роду не видали.

Что же? Ежели на другой годъ поѣдетъ, то уже первые выбѣгутъ встрѣчать и сами признаются, что они противъ него прегрѣшили; а ежели въ которой деревнѣ есть законоучитель раскольническій, то сами они его приведутъ къ владыкѣ и скажутъ: «вотъ, ваше владычество, этотъ-то все насъ и сбиваетъ, не велитъ намъ ходить въ церковь». А владыка имѣлъ даръ слова необыкновенный: съ двухъ словъ заградитъ уста его, а тотъ и молчитъ, а мужички всѣ закричатъ: «ей, братъ, дядя Иванъ, это видно не съ нами, дураками, говорить, теперь видимъ, что ты ничего не знаешь; да можешь ли ты простецъ и говорить со Христовымъ святителемъ?» Это очень радовало владыку, ибо когда не было Томской епархіи, то всѣ эти люди писались раскольниками и въ самомъ Томскѣ въ Пасху болѣе 10-ти человѣкъ въ церкви не бывало, а теперь почти ни одного раскольника не осталось; каждое воскресенье полны всѣ церкви народу. Первый епископъ

Агапитъ мало что успѣлъ; человѣкъ былъ безпрестанно больной, ни съ кѣмъ не занимался и по епархіи ѣздилъ очень мало. Съ начала и Аѳанасія боялись и бѣгали изъ деревень въ лѣса, но послѣ только его возлюбили, что каждый за счастіе почиталъ принять благословеніе. Когда онъ проѣзжалъ по епархіи, то узнавали его тракты, гдѣ онъ поѣдетъ, и на ту дорогу изъ стороны верстъ за 100 выѣзжали принять благословеніе съ женами и дѣтьми. Самъ владыка разсказывалъ: «бывало здѣсь по пустынѣ и по степи вдругъ толпа народу,—спросишь: что это за люди? онѣ скажутъ, что выѣхали верстъ за 100 только принять отъ васъ благословеніе. Владыко мимо толпы никогда не проѣдетъ, но остановится, вылѣзетъ и всѣхъ благословитъ и поговоритъ съ ними. Этимъ самымъ всѣхъ привлекъ сердца; до того его любила паства, что имя Аѳанасія для каждаго было дорого, и никакъ заглаза не звали, какъ батюшка нашъ владыка.

Въ Томскѣ, когда онъ дома, то каждое воскресенье и праздникъ выходилъ на литію и величаніе, и во всѣ праздники самъ помазывалъ масломъ отъ лампады праздника, а между каѳизмъ самъ читалъ житіе святого или какое слово праздничное; ходило столько народа, что не только не могла вмѣстить церковь, но и зало, и паперть не вмѣщали. На литургіи всегда говорилъ проповѣди безъ приготовленія и очень хорошо объяснялъ тексты священнаго писанія, Евангелія, Апостола, пророчества и псалмы, такъ что я подобнаго въ жизни не видалъ и не слыхалъ и не читалъ; гласъ у него пространный, открытый, выразительный и громогласный, говоритъ всегда со слезами, очень уже слезливъ. Я самъ прежде не такъ-то любилъ нынѣшнихъ проповѣдниковъ, даже и пользы никогда не получалъ, но Аѳанасія 7 лѣтъ не могъ насытиться, хоть онъ и безпрестанно говорилъ, ибо онъ всю Библію могъ говорить на память и очень любилъ самъ пѣть,—это первое его утѣшеніе было.

Воскресные антифоны всегда самъ съ дьяконами пѣлъ, а другой разъ пѣвчіе на хорахъ. Вотъ къ такому-то пастырю Господь меня послалъ, хоть и потерпѣлъ много скорбей, но уже до преизбытка былъ и утѣшенъ. Но только о томъ много я сожалѣлъ, что онъ своихъ проповѣдей не пишетъ,—и это все придетъ въ забвеніе; но впрочемъ Богъ вѣсть, можетъ быть, что нибудь останется, потому что онъ, бывало, начнетъ меня ублажать, что я написалъ свое странствіе и путешествіе. Я скажу: «владыка святый! я хоть и неученый, невѣжда, но все-таки какъ нибудь да написалъ, но тебя намъ чѣмъ будетъ помянуть, что ты мужъ ученый и Богъ тебѣ далъ великіе таланты, но ты ничего намъ не оставишь. Какъ хочешь, владыка, а Богъ съ тебя спроситъ талантовъ, что ты всѣ съ собой возьмешь въ землю». Онъ же, выслушавъ сіе, скажетъ: «Охъ, отецъ, отецъ Парѳеній! когда и Аѳанасій помретъ, то что нибудь найдутъ послѣ него». И это меня немного утѣшитъ; а точно, у него рукописей воза два есть. Когда спросишь: что это, владыко, у васъ за рукописи? Онъ отвѣтитъ: все мои бывшіе переводы.

Еще и то замѣчательно, что онъ очень мало спитъ, иногда цѣлую недѣлю не спитъ; уже начнетъ ему дѣлаться дурно; но чѣмъ онъ занимается,—ему только самому извѣстно; но я жилъ подъ его спальнею и то не могъ узнать. Первую недѣлю Великаго поста самъ всю читаетъ службу, и въ среду и пятокъ служитъ преждеосвященную; ничего не ѣстъ, развѣ не много холодной воды выпьетъ, а послѣ преждеосвященной съѣстъ просфору съ теплою водой; а въ субботу и въ воскресенье служитъ въ соборѣ и самъ причащаетъ всѣхъ до одного—человѣкъ сотъ по пяти. Такъ же и Страстную недѣлю самъ прочитаетъ въ 3 дня Евангеліе, всѣхъ 4-хъ Евангелистовъ, а ежедневно служитъ литургію, три дня преждеосвященную; такожде и на Пасхѣ ежедневно служитъ по разнымъ приходскимъ церквамъ и каждую литургію говоритъ проповѣди. Во всѣ

публичные крестные ходы и на встрѣчу иконъ, приносимыхъ,—всегда самъ присутствуетъ: ни грязи, ни морозы его не останавливаютъ. 27-го мая 1850 г., встрѣтивши икону чудотворную, приносимую изъ села Спасскаго, за 18 верстъ, икону Спасителя Нерукотвореннаго, и послѣ встрѣчи онъ служилъ литургію въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Послѣ обѣдни пришелъ на закуску къ отцу архимандриту Виктору, начальнику монастыря, и только хотѣли чай пить, какъ приходитъ почтмейстеръ Михайло Матвѣевичъ. Владыка вынимаетъ изъ кармана просфору и даетъ, говоря: «вотъ вамъ, М. М., просфора», а почтмейстеръ, принявъ просфору, вынимаетъ изъ кармана посылку и даетъ владыкѣ, говоря: «Владыко святый, пріими же и ты отъ меня просфору». Владыка, принявъ, посмотрѣлъ, поцѣловалъ и заплакалъ; и сейчасъ же пошелъ онъ въ церковь, и сказалъ: «идите со мною всѣ—пѣть благодарный молебенъ». Это онъ получилъ отъ царя земнаго орденъ св. Владиміра 1-й степени. Послѣ молебна опять возвратились къ архимандриту,—тутъ сказалъ онъ: «когда Спаситель такъ меня утѣшилъ и принесъ мнѣ такую царскую милость, то я всѣ три иконы, приносимыя въ Томскъ, провожу до мѣста». Такъ и сдѣлалъ. 23 іюня, прямо послѣ литургіи пошелъ провожать икону Божія Матери на рѣку Обь, въ село Богородское, 60 верстъ; все шелъ пѣшкомъ въ митрѣ и мантіи, всю дорогу шелъ проливной дождь; послѣ литургіи, 12 верстъ отойдя, въ дер. Зерцалахъ пилъ чай и обѣдалъ. Потомъ ночевать пришелъ въ село Нелюбино—еще 13 верстъ, пришедши прямо въ церковь, началъ всенощную, а по утру литургію служилъ, говорилъ проповѣдь. И я его сопровождалъ. Послѣ литургіи прямо изъ церкви въ путь, а дождь льетъ да и только. 15 верстъ отойдя, среди бора обѣдалъ; потомъ еще 20 вер. и переправившись р. Обь, въ село Богородское, прямо въ церковь,—началъ всенощную, а поутру литургію и проповѣдь, немного за-

кусивъ, поѣхалъ домой на коняхъ. До того устанетъ, что людей не узнаетъ. Слава Богу, всѣ 3 иконы проводилъ до мѣста: Спасителя,—18 верстъ до села Спасскаго; Николая Чудотворца икону до села Семилужнаго,—30 вер. Вотъ и прошла у нашего владыки радость: теперь наступаютъ скорби, и скорби великія, что едва-едва перенесъ, чуть жизни не лишился... Скорби слѣдующія...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ИГУМЕНА

ПАРѲЕНІЯ.*)

Пріѣхавъ въ Томскъ, преосвященный Аѳанасій нашелъ необходимымъ строить новый соборъ, потому что въ Томскѣ старый Троицкій соборъ былъ древній, деревянный; но онъ давно уже сломанъ, а теперь на время приходскую Благовѣщенскую церковь обратили въ соборъ; но она очень тѣсна. Въ одно время, служивъ литургію въ соборѣ, сказалъ проповѣдь, что для города необходимъ соборъ, и просилъ у всѣхъ помощи. Потомъ приказалъ подать блюдо; снялъ съ головы свою митру собственную и пожертвовалъ на соборъ. Потомъ тутъ же снялъ съ шеи часы золотые, въ 300 р. с., положилъ на соборъ. Тутъ же еще положилъ всѣ свои деньги, 1.500 руб. с. и сказалъ: «вотъ, православные, что я имѣлъ собственное, все пожертвовалъ на соборъ вашъ, теперь вы должны помогать, каждый по своей силѣ».

Что же? Какъ пошли сыпать, кто милліоны кирпича, кто тысячу пудовъ желѣза, кто 10 тысячъ сер. денегъ. Тутъ вскорѣ избрали мѣсто и заложили соборъ огромный, только не знаю въ которомъ году, потому что это было еще до моего пріѣзда.

---

*) Продолж. см. майскую кн. *Душепол. Чтеніе* 1898 г.

Дѣлали его 6-ть или 7 лѣтъ и хотѣли въ 1850 г. совсѣмъ окончить и даже уже послѣдніе начали забивать кирпичи. Мы 1850 г. іюля 25 были съ владыкою на самомъ куполѣ, ибо онъ ежедневно ѣздилъ и все любовался на него. Разъ владыка пошелъ съ верху прежде меня, а я остался на куполѣ; только вдругъ мнѣ помыслъ: а что ежели, помилуй Богъ, соборъ упадетъ, то и костей то не соберешь, и такъ я испугался, что бѣгомъ побѣжалъ внизъ и догналъ владыку на сходахъ. Онъ спросилъ: «что ты очень бѣжишь»? Я сказалъ, что какой-то страхъ напалъ. Онъ еще спросилъ: «неужели соборъ опасенъ»? Я сказалъ: «очень опасенъ, такъ что я всегда боюсь на него лазить; только васъ уважаю и хожу». Онъ спросилъ: «что-же ты находишь опаснаго?» Я сказалъ: «владыка святый! нельзя говорить правду: крѣпкаго-то ничего не нахожу; посмотри-ка ты направо, что это такое». Онъ остановился. Посмотрѣвъ, сказалъ: «а давно-ли эта щель и велика-ли»? Я сказалъ: «какъ соборъ дѣлаютъ, такъ и щель эта; она съ самаго фундамента и до самаго купола». Онъ сказалъ: «буди воля Божія;—что будетъ—увидимъ».

26 іюля хотѣли было ѣхать, но заблаговѣстили ко всенощной, ибо 27 царскій день—Николы Кочанова; мы съ владыкой сидимъ на крыльцѣ и смотримъ на соборъ, какъ мастера лазятъ по куполу и забиваютъ послѣдніе кирпичи. Владыка говоритъ: «вотъ, отецъ Парѳеній, какъ бы не всенощная, то бы мы поѣхали на соборъ. Потомъ пошли въ церковь, я во внутрь, а онъ остался слушать въ залѣ; еще не начали читать, какъ загремитъ... Мы подумали, что громъ это, и никто не догадался; келейники сидѣли на кухнѣ и сказали сами себѣ: «что это такое, что земля задрожала, не соборъ-ли упалъ»? Выбѣжали вонъ—хвать, а уже собора нѣтъ! Келейникъ заплакалъ и говоритъ: «какъ я теперь доложу владыкѣ, не знаю—я убью его этимъ словомъ; онъ не вынесетъ». Однако подошелъ къ владыкѣ. Владыка: «что ты, Филиппъ, весь измѣнился»? Онъ сказалъ: «ничего, владыко,—что то очень

стукнуло на соборѣ». Владыка скоро побѣжалъ чрезъ зало на крыльцо—взглянулъ, а собора уже нѣтъ,—закричалъ: «Филиппъ, Филиппъ! соборъ упалъ, подай скорѣе холодной воды»! А Филиппъ прежде еще припасъ ее. Владыка немного охладился, перекрестился и сказалъ: «Господи буди воля Твоя, только очень жаль народа, мастеровъ». Потомъ подошелъ къ церковнымъ дверямъ и застучалъ. Экономъ сейчасъ изъ алтаря къ нему подошелъ. Владыка тихонько сказалъ: «соборъ упалъ. Скажи отцу Парѳенію». Я всегда стоялъ у заднихъ дверей, какъ странникъ. Экономъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «соборъ упалъ». Я, услышавъ, побѣжалъ—смотрю, собора уже нѣтъ, только пыль столбомъ. Я было бросился въ зало, подумавъ, не случилось ли чего съ владыкой. Однако онъ мнѣ на встрѣчу и сказалъ: «ступай къ собору, а я велѣлъ коней закладывать». Я побѣжалъ къ собору. Прибѣжалъ, уже около него тысячи народа; однако боятся близко подходить, потому что все еще валятся стѣны и лѣса. Я спросилъ: «а мастеровъ видно всѣхъ задавило»? Мнѣ сказали, что много народа задавило, только не знаемъ, мастера попали-ли туда. Я побѣжалъ кругомъ и увидѣлъ одного мастера, спросилъ его: «всѣ-ли вы живы»? Онъ сказалъ, «мы, слава Богу, всѣ живы, только что слѣзли и хотѣли садиться ужинать, и какъ загремѣло; мы всѣ сдѣлались внѣ себя, а много должно быть задавило зрителей; ибо когда мы слѣзли, то народъ все восходилъ къ верху». Я сказалъ: «слава Богу, что вы всѣ живы остались, по крайней мѣрѣ владыкѣ будетъ полегче». Потомъ пріѣхалъ владыка, и весь городъ сбѣжался оплакивать свой соборъ. Владыка объѣхалъ кругомъ;—увидя меня спросилъ: «что мастеровъ всѣхъ что-ли задавило? Я сказалъ: «слава Богу, ни одного не задавило, всѣ живы». Онъ поѣхалъ домой. Задавило 6-ть человѣкъ, все разночинцевъ зрителей: одного консисторскаго столоначальника, который только что кончилъ протоколъ на кладбищенскую церковь и побѣжалъ полюбоваться на соборъ, тутъ и попалъ. Соборъ и

до нынѣ стоитъ въ развалинахъ и много онъ нанесъ владыкѣ скорби, такъ что онъ едва это перенесъ, а здоровья своего много утратилъ; бывало скажетъ: «отецъ Парѳеній какъ можно поопаснѣй поминай про соборъ, онъ очень тяжекъ для меня.»

Другая скорбь была владыкѣ: прислали въ Томскую консисторію секретаря, злонамѣреннаго и недоброжелательнаго человѣка, который затягался съ владыкой и консисторіей; черезъ него владыко 2 года не ѣздилъ по епархіи; даже высушилъ владыку и замучилъ его бумагами. Но однако Господь заступилъ пастыря Своея церкви: Государь Императоръ уволилъ секретаря, и владыко избавился отъ скорбей. Эти скорби угнетали его 3 года и много у него унесли здоровья.

Служитъ онъ очень великолѣпно и благоговѣйно, читаетъ велегласно, простосердечно, политики никакой не имѣетъ, трижды въ годъ самъ раздаетъ милостыню нищимъ, только возьметъ меня и келейника для порядка. Въ Рождество Христово, въ свои имянины, 18 января, и на Пасху—каждый разъ раздастъ рублей 150 сер., а самъ часто занимаетъ денегъ,—вотъ безсребренникъ! Принимаетъ къ себѣ каждаго; но доклада не дожидается, и почти ему не нуженъ и келейникъ; только кто стукнетъ дверью, то онъ и выбѣгаетъ встрѣчать; а ежели дверь заперта, то самъ отопретъ, приметъ и разспроситъ; такъ что кто его не видалъ, то и не узнаютъ, что онъ архіерей; кто въ гости пригласитъ, то никогда не откажется. Въ великіе праздники ко всѣмъ ѣздитъ съ визитомъ, но ни у кого долго не сидитъ, ибо напитковъ дорогихъ не терпитъ; дома пищу употребляетъ самую простую, соусовъ, жаркихъ и пироговъ почти никогда не бываетъ; только развѣ кого пригласитъ къ себѣ обѣдать, тогда весь порядокъ соблюдаетъ. Въ домѣ большой чистоты и убранства не любитъ, а все какая-то простота христіанская. Но весьма трудолюбивъ, чуть дѣла нѣтъ лѣтомъ, то въ саду съ келейниками самъ землю копаетъ, траву полетъ, сучки обрубаетъ—

иногда чуть идетъ отъ усталости. Сдѣлалъ прекрасный садъ и насадилъ множество разнаго рода деревьевъ; еще сдѣлалъ среди сада гору, гдѣ мы съ нимъ часто сиживали, а наипаче вечерами; выкопалъ 2 пруда и напускалъ много карасей. Еще онъ очень любилъ, чтобы всѣ учились читать; самъ своимъ штатнымъ служителямъ давалъ уроки; задастъ урокъ и назначитъ время выучить. «Ежели выучите къ этому времени, то вотъ вамъ по рублю сер.»; что же? Ночи бѣдные не спятъ и выучатъ. Онъ вмѣсто рубля дастъ по полтора. Всѣ штатные—дѣти и жены выучились грамотѣ. Любилъ очень дарить книгами и иконами—это было ему первое утѣшеніе и спросъ: «знаешь ли грамотѣ?» Кто знаетъ, тому и книгу подаритъ. Мнѣ книгъ надарилъ рублей на 300 сер.

Наконецъ дождались мы 1854 г., который надѣлалъ намъ обоимъ переворотовъ въ жизни; много мы въ этотъ годъ пролили слезъ и много утѣшены, даже до преисполненія. Дождавшись 18 января, именинъ владыки, съ вечера служилъ всенощную святителю Аѳанасію Александрійскому, по обычаю своему, самъ преосвященный Аѳанасій съ 2-мя архимандритами и 2-мя протопопами, 2-мя іеромонахами и полнымъ хоромъ пѣвчихъ, однимъ словомъ сказать: торжественно; отъ народу тѣснота необыкновенная, но я завсегда, когда пѣли пѣвчіе, стоялъ съ ними на хорахъ и кое-что имъ указывалъ, ибо пѣвчіе мнѣ были всѣ, какъ родные дѣти; я ихъ любилъ, а они меня еще больше. Но владыка всю всенощную служилъ со слезами; пѣвчіе говорятъ: что-то нынче очень расплакался; и я этому не мало удивлялся,—что въ именины надо быть веселому, а онъ плачетъ, да и только. Послѣ всенощной, по обычаю, позвалъ меня ужинать, и экономъ съ нами. Владыка ничего не ѣстъ, а только все безпрестанно воздыхаетъ и ничего не говоритъ. Но мы ничего не знали и не замѣтили; послѣ ужина позвалъ меня въ зало, и поговорили. Но я уже замѣтилъ большую въ немъ перемѣну. Потомъ на прощаньи благословилъ меня и очень крѣпко пожалъ

мою руку. Но я все это принялъ за-просто. Проводилъ меня до лѣстницы и сказалъ: «прости, прости отецъ Парѳеній, да постоимъ еще здѣсь и поговоримъ со мной»; еще простояли съ часъ. Я вижу, что онъ весь какъ вареный, то сдѣлается очень грустенъ, то какъ бы перемогается. Я подумалъ, что видно владыко нездоровъ чѣмъ-нибудь.

Поутру началъ служить торжественную литургію, но онъ всю литургію такъ плакалъ, что едва могъ говорить возгласы; даже весь народъ вслухъ говоритъ: что это дѣлается со владыкой, что уже плачетъ послѣ литургіи.— Проповѣдь говорилъ о томъ, что какъ на свѣтѣ все превратно и все непостоянно, что самая дружба и любовь сколько она при разлукѣ приноситъ скорби и печали. Всю проповѣдь сказалъ въ этомъ смыслѣ и привелъ много текстовъ изъ св. Писанія, но говоривши, такъ плакалъ, что чуть могъ выражать слова. Но народъ столько разстрогалъ, что въ церкви сдѣлался плачъ и рыданіе.

Послѣ литургіи съѣхалось со всего города духовенство и начали соборный молебенъ святителю Аѳанасію Александрійскому. Владыко въ мантіи и въ коблукѣ стоялъ въ алтарѣ. Но когда начали оканчивать молебенъ, онъ потребовалъ митру и амофоръ, вышелъ въ царскія врата и всталъ на своемъ мѣстѣ, и приказалъ звонить къ другому молебну; когда окончили молебенъ Аѳанасію, владыко сказалъ протодіакону: «говори: благослови владыко» и потомъ начали другой молебенъ Святителю Иннокентію Иркутскому. Это такъ всѣхъ удивило, что для чего это владыко другой молебенъ, — чего никогда не бывало. Другіе говорятъ: видно владыкѣ былъ сонъ какой-нибудь. Отслужили молебенъ, и всѣ на закуску. Было болѣе 200 человѣкъ и всѣ знатные люди: господа и купцы поздравляли его со днемъ ангела. — Но женъ онъ не принималъ въ торжественные дни.

Потомъ человѣкъ 80 близкихъ друзей и все духовенство, священниковъ, оставилъ обѣдать; весь обѣдъ былъ веселый

и радостный, потому что день именинъ владыки, котораго до безконечности любили. Послѣ обѣда подали шампанское за здоровіе владыки. Ну у владыки полились изъ глазъ слезы и онъ вынулъ изъ-за пазухи письмо, отдалъ близъ стоящему его своему другу Сергѣю Петровичу Соколову, инспектору и смотрителю почтамта,—сказалъ замирающимъ голосомъ: «вотъ, друзья мои, послѣдовала въ жизни и обстоятельствахъ нашихъ перемѣна и навсегдашняя разлука», а самъ, зарыдавъ, побѣжалъ скоро въ спальню. Что же? Когда Соколовъ началъ читать письмо отъ оберъ-прокурора графа Протасова, что преосвященный Аѳанасій Томскій переводится въ Иркутскъ въ архіепископы, что же, едва ли кто сталъ пить шампанское, какъ сдѣлался въ залѣ плачъ и рыданіе. Владыка уже не вышелъ изъ спальни.—Всѣ поѣхали по домамъ съ заплаканными глазами, и въ одинъ часъ прогремѣлъ этотъ громъ по всему Томску, что владыку переводятъ въ Иркутскъ и навсегда онъ оставитъ Томскъ. О, Боже мой! по всему городу сдѣлался плачъ, такъ что въ каждомъ домѣ плачутъ какъ по родномъ мертвецѣ; неужели это случится, что мы разлучимся съ нашимъ батюшкою; неужели онъ насъ оставитъ; неужели мы не будемъ слышать его медоточныхъ словесъ и проповѣдей?.. На другой день я пошелъ къ своимъ знакомымъ, то они сдѣлались нездоровы, что всю ночь проплакали. Гдѣ ни пойдешь—хоть въ дома, хоть на рынокъ, только и разговоровъ и плача, что про владыку, и ежедневно полная прихожая—всѣ идутъ прощаться, ибо онъ въ Томскѣ прожилъ еще отъ 18 января по 17 марта; пріѣзжали за 800 верстъ крестьяне только проститься съ владыкою; даже вся епархія о немъ плакала; да истину сказать: уже и не увидитъ Томская епархія подобнаго архипастыря.

На сырной недѣлѣ уложили мы съ нимъ всю его библіотеку, которой вышло 145 пуд. вѣсу. Потомъ въ одинъ вечеръ онъ очень что-то скорбѣлъ. Я спросилъ: «владыка святый! о чемъ ты очень скорбишь, или ѣхать тебѣ не

охота?» Онъ мнѣ отвѣтилъ: «отецъ Парѳеній! скорбь моя та, что ѣхать нечѣмъ: денегъ нѣтъ на прогоны, а просить взаймы у мірскихъ не хочется и дѣло съ ними тако имѣть мнѣ не приводится». Я сказалъ: «какъ денегъ у тебя нѣтъ, ты получилъ на 12 лошадей прогоны, неужели этихъ тебѣ недостанетъ?» Онъ сказалъ: «да уже ихъ нѣтъ ни копѣйки — всѣ раздалъ. Да какъ же не дать, каждый идетъ прощаться: кому рубль сер., а другому 2, а иному 3, а инымъ по 5-ти и даже по 10 руб. давалъ; вотъ всѣ и раздалъ, а ѣхать и не съ-чѣмъ».

Я сказалъ: «я тебѣ денегъ найду въ нашемъ домѣ хоть 5 тысячъ». Онъ сказалъ: «развѣ ты дашь?» Я сказалъ: «есть у меня рубли 3, пожалуй и послѣдніе отдамъ, а ты только напомяни эконому: онъ тебѣ дастъ сколько угодно, потому что онъ вами обязанъ». Владыка: «какъ, неужели у эконома много есть денегъ,—это быть не можетъ». Я сказалъ: «владыка, у него денегъ есть довольно. Но ты не подумай, чтобы онъ у васъ это какъ-нибудь неправдой нажилъ, за это я ручаюсь, хотя онъ мнѣ и недоброжелатель, но онъ уже чуждаго не возьметъ. Онъ большіе получаетъ доходы, а живетъ очень скупо, то куда же ему дѣвать деньги».

Послѣ владыка меня благодарилъ, что указалъ ему деньги. Экономъ почелъ за счастіе дать владыкѣ заимообразно 500 руб. сер. Первую недѣлю говѣлъ и сдѣлалъ православіе по уставу, хотя нѣкоторымъ это и не очень нравилось; но онъ свое дѣло исполнилъ по уставу. Вторую недѣлю поста все мы собирали своего батюшку и ежедневно по нѣскольку разъ оплакивали, а наипаче мнѣ было больнѣе всѣхъ съ нимъ разстаться.—Подъ 2-е воскресенье самъ служилъ всенощную, какъ бывало прежде, но самую плачевную, такъ что пѣвчіе не могли хорошо пѣть. Послѣ всенощной пригласилъ насъ съ экономомъ ужинать. Но когда только мы взошли, онъ встрѣчаетъ насъ со словами и слезами: «подите, друзья мои, подите

мои собесѣдники, послѣдній разъ поужинаемъ вмѣстѣ, уже завтра вечеромъ не будемъ вмѣстѣ».

Я, слыша такія его слова, паче огненныхъ стрѣлъ, упалъ на землю и горько зарыдалъ, такъ—что едва могъ меня уговорить. Сѣли за столъ, но только посмотрѣли на кушанье, а ѣсть никто не могъ. Послѣ ужина онъ говоритъ мнѣ: «отецъ Парѳеній, пойдемъ въ зало и послѣдній вечеръ поговоримъ что-нибудь». Взойдя въ зало, я всталъ подлѣ печи, гдѣ всегда стаивалъ, и горько заплакалъ. Владыка говорилъ мнѣ: «о чемъ ты, отецъ Парѳеній, очень заплакалъ?»

Я сказалъ ему: «владыка святый, какъ же мнѣ не плакать, что стоялъ я подлѣ этой печки 6 лѣтъ и вотъ пришло время, что послѣдній разъ стою и уже больше мнѣ подлѣ ея не стаивать. 2-е, что лишаюсь я такого отца и друга утѣшителя и собесѣдника, ибо только вы меня и защищали, а то давно бы меня проглонули, а теперь безъ васъ полная ихъ будетъ воля и меня они замучатъ». Владыка началъ говорить сіе: «послушай, отецъ Парѳеній, какъ я тебя любилъ, то и другой архіерей пріѣдетъ еще больше меня будетъ тебя любить, ибо ты заставишь всякаго тебя любить; а ты боишься, что тебя будетъ тѣснить экономъ, то этого не бойся, я ему скажу, чтобы тебя успокоивалъ, какъ меня, а то онъ не тебя, а меня обидитъ».

Я еще сказалъ: «владыко святый! какъ мнѣ не плакать, что, имѣя такого друга и собесѣдника, и вы не окончили моего дѣла и не утѣшили меня; чѣмъ же мнѣ васъ помянуть будетъ, съ вами прожилъ почти 7 лѣтъ?»

Владыко зарыдалъ и сказалъ: «прости меня, отецъ Парѳеній, точно, я виноватъ предъ тобою. Ну дѣлать нечего, такъ тому дѣлу и быть, ибо самая любовь моя къ тебѣ заставляла медлить окончаніемъ твоего дѣла. Но новый архіерей пріѣдетъ и скоро твое дѣло окончитъ. Чего я не могъ сдѣлать въ 7-мь лѣтъ, онъ то сдѣлаетъ въ 7 недѣль».

Я ему сказалъ: «владыка святый! теперь я тебѣ открою, что есть мнѣ еще одно утѣшеніе, что хотя и тяжка для меня съ тобой разлука, но все не такъ, какая бы была впослѣдствіи; ибо не я тебя оставляю, а ты меня; но пришло бы время, что и я бы можетъ быть тебя оставилъ, потому что и я не надѣюсь долго прожить въ Томскѣ, ибо я тогда же, по полученіи отъ оберъ-прокурора отношенія, подалъ прошеніе Московскому митрополиту Филарету, то и надѣюсь скоро уѣхать въ скитъ Геѳсиманію; только эта-то надежда меня и поддерживаетъ, а то бы эта разлука съ тобой для меня была бы убійственная; что какъ вы меня оставляете въ рукахъ самыхъ враговъ моихъ, которые всегда покушались растерзать меня, странника».

Владыка подошелъ ко мнѣ, взявъ меня за голову, омочилъ слезами и сказалъ: «утѣшилъ ты меня, утѣшилъ, сказавши, что подалъ прошеніе Московскому митрополиту, и благодарю, что прежде ты мнѣ этого не сказалъ, а то бы было тогда для меня убійственно; но въ теперешнихъ обстоятельствахъ радостно, что дѣло твое на кату, и дай тебѣ Богъ получить радостнаго окончанія; а то, точно, тяжко мнѣ было и до безконечности жалко оставлять въ такомъ положеніи, въ какомъ теперь находишься. Но теперь только одна скорбь—разлука наша, и разлука можетъ быть вѣчная въ этой жизни; но я накажу, чтобы экономъ тебя не обижалъ, а тебя благодарю за то, что много ты меня утѣшалъ въ эти 7 лѣтъ; скоро они съ тобой протекли, а наипаче въ скорбяхъ, которыя постигли меня, много ты утѣшалъ и много твои бесѣды приносили для меня утѣшенія; ты самъ видѣлъ, что я не могъ безъ тебя быть одного часа, можетъ быть иногда тебя и оскорблялъ, что не давалъ тебѣ спокою, но любовь моя къ тебѣ заставляла это дѣлать и съ тобой такъ просто обходиться, ибо я тебя имѣлъ не такъ, какъ келейника, или послушника, но какъ друга, собесѣдника и сожителя».

Я сказалъ, самъ горько зарыдавъ: «Владыко святый!

это-то для меня очень больно и скорбно, что я, имѣвъ такого друга и собесѣдника, которому недостоинъ быть и послушникомъ, пришло время разлучиться, да можетъ быть и навсегда. Охъ, Боже мой! что это такое, какъ мнѣ перенести эту разлуку? Зачѣмъ ты меня принималъ въ домъ свой; зачѣмъ ты меня такъ любилъ; каково мнѣ теперь эту разлуку переносить? Ежели бы было можно, то бы я съ тобой не разстался; но всю бы жизнь съ тобой пространствовалъ; съ тобою бы была и смерть красна, ибо все я знаю и чувствую твою любовь ко мнѣ, что какъ ты заботишься о моемъ здравіи, что бывало чуть нездоровъ, и ты безпрестанно ко мнѣ бѣгаешь, и все мнѣ промышляешь, только бы была для меня польза; также когда и ты сдѣлаешься нездоровъ, сейчасъ за мной посылаешь, и мы съ тобой въ спальнѣ по нѣскольку часовъ проводили въ бесѣдахъ. Но вотъ пришло время, что эта золотая цѣпь любви разрывается, и ты меня оставляешь одного».

Онъ сказалъ, «что же, когда дѣло твое окончится, то пріѣзжай ко мнѣ въ Иркутскъ, я тебя не оставлю, но успокою тебя; ты знаешь Чикойскую пустынь?»

Я сказалъ: «владыко святый! Чикойскую пустынь я знаю, но съ кѣмъ я тамо буду жить? Съ подначальниками я жить никакъ не соглашусь; но конечно я вдвоемъ или троемъ согласенъ жить съ единомысленными и богобоящимися, но гдѣ ихъ нынче найдешь? Если же придетъ указъ ѣхать въ Россію, то и поклониться съѣздить въ Иркутскъ не удастся».

Онъ сказалъ: «да, это такъ; трудно нынче найти по духу брата и друга; это очень рѣдко такъ случается, какъ мы съ тобой сошлись единомысленные; что я люблю, то и ты любишь. Оба охотники до книгъ, оба любимъ читать, оба любознательны, оба словоохотные; мнѣ такихъ людей въ жизни не попадалось, такъ у насъ всѣ свойства съ тобой сошлись. Уже второй часъ за полночь, иди спи, а завтра будемъ прощаться». Я пошелъ, онъ проводилъ меня

до дверей и нѣсколько разъ останавливалъ—все еще немного поговоримъ; потомъ я пришелъ въ келлію и легъ спать.

Поутру же въ воскресенье 2-е поста, 7 марта, владыка служилъ въ соборѣ; я тамъ былъ; народу было столько, что не вмѣстилъ соборъ; всѣ думали, что владыка будетъ говорить прощальную проповѣдь. Но владыка, хотя и говорилъ проповѣдь болѣе часа, но о выѣздѣ и не упомянулъ, а говорилъ духовно-нравственную проповѣдь и этимъ еще больше произвелъ въ народѣ чувства; всѣ бо неутѣшно плакали и говорили: послѣднее твое намъ наставленіе; вотъ пришло время, что затворятся для насъ твои паче меда сладкія уста. О Боже нашъ! горька для насъ твоя разлука. Охъ больно намъ съ тобой разставаться! Охъ какъ бы наша воля была никогда бы мы тебя не выпустили изъ Томска и никогда бы мы съ тобой не разлучились: или бы ты насъ похоронилъ, или бы мы тебя погребли!

По окончаніи литургіи пошелъ изъ собора и всѣ съ великимъ рыданіемъ толпились принять его благословеніе и всѣ громогласно кричали: батюшка ты нашъ! послѣднюю ты у насъ отслужилъ обѣдню и послѣдній разъ ты утѣшилъ насъ сладкими своими словами!

Но владыка отъ скорби и отъ слезъ былъ внѣ себя и спѣшилъ было поскорѣе добраться до кареты, дабы скорѣе уѣхать, ибо ему очень стало грустно и тяжко слушать отъ своихъ духовныхъ овецъ такія горестныя словеса.

Пріѣхавъ домой, онъ приказалъ скоро собрать обѣдъ посреди зала. Обѣдали мы 6 человѣкъ: самъ владыка, 2 архимандрита, протоіерей каѳедральнаго собора, духовникъ его іеромонахъ Германъ и я, странникъ; мы съ владыкой сидѣли на концахъ одинъ противъ другого въ лицо. Но владыко ничего не могъ ѣсть, но весь обѣдъ проплакалъ. Я спросилъ: «владыко святый! о чемъ ты очень плачешь, или тебѣ не хочется ѣхать въ Иркутскъ, ибо тамо каѳедра выше Томской?»

Онъ отвѣтилъ: «а я тебя спрошу: ты о чемъ плачешь?» Я сказалъ: «владыко святый! какъ мнѣ страннику не плакать, что послѣдній разъ обѣдаю съ тобой и смотрю на твое лицо, которое дорого для меня, и вотъ скоро закатится отъ меня это красное солнышко и наступитъ ночь скорбей моихъ!»

Онъ отвѣтилъ: «а я плачу о томъ, 1) что безконечно жалко Томской епархіи, которую я очень любилъ; 2) о разлукѣ съ вами, моими друзьями; а тамо опять надобно заводить новыхъ; 3) моя скорбь паче всѣхъ, что Иркутская епархія, хотя и выше по титулу Томской, но за то очень опасная, что очень трудно тамо устоять—вотъ главная моя скорбь!»

Потомъ въ половинѣ обѣда ударили въ большіе колокола въ соборѣ, и въ монастырѣ, и въ домовой;—у насъ все изъ рукъ вывалилось, ибо это 3 благовѣстника заблаговѣстили на проводы своего архипастыря. Что же, мы еще не вышли изъ-за стола, а уже полна церковь народу, и полонъ монастырь экипажей. Владыка послалъ купить 2 фунта маленькихъ серебряныхъ крестиковъ для раздачи на благословеніе. Потомъ вышли изъ-за стола, помолившись Богу, начали выносить и укладывать всѣ его вещи; въ домѣ былъ великій плачъ; не только плачъ слезный, но кличъ и рыданіе, ибо весь домъ, человѣкъ 30, всѣ разстаются какъ съ роднымъ отцемъ, а многіе разставались и со всѣмъ своимъ счастіемъ и участію, ибо при домѣ всего съ пѣвчими было около ста человѣкъ; но и владыко плачетъ не менѣе насъ.

Потомъ начали онъ и мы всѣ молиться Богу. О! Боже мой! многіе не могутъ поклонившись встать, и начали прощаться: мы ему, а онъ намъ всѣ кланялись одинъ другому въ землю и прощались. Онъ обцѣловалъ мои уста, щеки, глаза и ланиты, уже не могъ ничего говорить, а только заливается слезами; приложился къ иконамъ въ залѣ и спальнѣ. Потомъ отворили двери въ церковь, и онъ пошелъ, сопровождаемый нами всѣми, а на-

родъ весь зарыдалъ и заплакалъ громко; а онъ, приложившись къ престолу Господню и ко всѣмъ иконамъ, пошелъ вонъ; народъ бросился подъ благословеніе, и онъ каждаго благословлялъ и давалъ каждому по серебряному крестику на шею, такъ что едва могъ выбраться на дворъ. Потомъ пѣшій дошелъ до монастырской соборной церкви. Взойдя, приложился къ престоламъ и иконамъ. Вышедши, сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ соборъ; тамъ было все собравшееся духовенство и весь Томскъ. Отслужили молебенъ въ путь шествующимъ; послѣ молебна сказалъ прощальную рѣчь и въ ней объяснилъ свою любовь къ Томской паствѣ и великую скорбь о разлукѣ съ нею и со всѣми прощался и просилъ у всѣхъ прощенія. Потомъ сказалъ: вотъ здѣсь я прощаюсь и прощаюсь со всѣми вами живыми моими духовными чадами и друзьями, а потомъ пойду къ Вознесенію на кладбище, тамъ прощусь съ умершими моими чадами и друзьями, и у всѣхъ испрошу прощенія у живыхъ и у мертвыхъ, и всѣхъ прощу, а потомъ отправлюсь въ назначенную мнѣ паству; но васъ первородныхъ моихъ чадъ никогда не забуду и останетесь вы навсегда въ моей памяти. И прочая много со слезами говорилъ, но мало было что слышно, потому что очень былъ великій плачъ, даже священники и діаконы плакали въ голосъ; протодіаконъ едва могъ говорить ектеніи.

Потомъ съ хоругвями соборными и все духовенство въ облаченіи пошли до кладбищенской церкви версты 3 городомъ, а владыко шелъ позади въ рясѣ и клобукѣ. Вотъ была удивительная и плачевная процессія: впередъ несли хоругви, потомъ шелъ хоръ пѣвчихъ и пѣли догматики Богородичны всѣхъ гласовъ, потомъ шли діаконы по 2 въ рядъ, потомъ священники по два въ рядъ, за ними протопопы, а потомъ два архимандрита въ митрахъ, а сзади идетъ владыка и всѣхъ благословляетъ, а по обѣ стороны отъ самаго собора до кладбища версты на 3, какъ двѣ стѣны, стоялъ народъ и всѣ слезно плакали, ибо вышли

всѣ жители Томска съ женами и дѣтьми проститься со своимъ любимымъ архипастыремъ и принять отъ него послѣднее благословеніе. Сколько я видѣлъ въ Томскѣ крестныхъ ходовъ и встрѣчъ чудотворныхъ иконъ, но подобнаго не было, хотя и зимой это было, но еслибы это случилось лѣтомъ, то до села Семилужнаго, 30 верстъ, всѣ бы пошли пѣшіе нашего батюшку провожать. Сзади шли тысячи народа и ѣхали сотни экипажей. Пришедши на кладбище, въ церкви отслужилъ большую панихиду, и владыка обошелъ кругомъ церковь съ литіей и кадиломъ; и такъ простился съ живыми и умершими. На кладбищѣ было снѣгу аршина на 2, весь его такъ умяли какъ на улицѣ: не взирая на то, что по поясъ тонутъ въ снѣгу,—лѣзутъ да и только, дабы хотя еще разъ взглянуть на своего любимаго владыку и принять послѣднее отъ него благословеніе; уже нечего говорить о простомъ народѣ, но даже все дворянство и купечество знатное.

Потомъ онъ нашъ батюшка сѣлъ въ свою повозку и поѣхалъ, какъ частный человѣкъ, на одной тройкѣ, взявъ съ собой одного діакона, пожелавшаго на поклоненіе святителю Иннокенію, и кучера; діакона посадилъ съ собой въ повозку. Но по дорогѣ еще верстъ на 5 стоялъ народъ въ полѣ, еще желали хотя разъ взглянуть на владыку и принять благословеніе. Но знатное дворянство и купечество на 1-й станціи въ селѣ Семилужномъ изготовили богатый обѣдъ съ разными напитками и человѣкъ 50 провожали. Но владыка, пріѣхавъ, немедленно приказалъ закладывать коней и вошелъ въ домъ, гдѣ встрѣтили его всѣ близкіе ему друзья. Но онъ, выпивъ чашку чаю, сказалъ: ну, друзья мои, прощайте, уже болѣе не могу съ вами здѣсь сидѣть, очень скорбно мнѣ, а вы здѣсь уже одни утѣшайтесь и меня помяните. Всѣ заплакали и пали предъ нимъ, прося было его остаться на нѣсколько времени. Но владыка рѣшительно отказался. Простившись, сѣлъ въ свою повозку и полетѣлъ нашъ соколъ. Вотъ и

закатилось наше красное солнышко; и въ 7 дней доѣхалъ до Иркутска, 1.500 верстъ, не останавливаясь нигдѣ на дорогѣ: только остановился въ селѣ Красной рѣчкѣ; сходилъ въ пустыню къ одному рабу Божію пустынножителю Ѳеодору Кузьмичу, живущему у крестьянина Латышева на пасѣкѣ. Простясь съ нимъ, одинъ другому поклонились до земли. Рабъ Божій проводилъ владыку до повозки и простились.

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ
ИГУМЕНА
ПАРѲЕНІЯ.*)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ майской и іюньской книжкахъ *Душеполезнаго Чтенія* было помѣщено извлеченіе изъ автобіографіи покойнаго игумена «инока Парѳенія». Какъ редакція, такъ и сообщившій это извлеченіе получили много писемъ, въ которыхъ читатели благодарятъ ихъ за этотъ отрывокъ изъ воспоминаній одного изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ «самородковъ» писателей духовнаго чина и выражаютъ желаніе ознакомиться со всею автобіографіей инока Парѳенія. Автобіографія эта дѣйствительно представляетъ много не только назидательнаго, но и цѣннаго въ литературномъ отношеніи. Въ своемъ предисловіи къ напечатанному отрывку мы уже замѣтили, что своеобразный языкъ, наивная простота разсказа, непосредственность чувства и цѣльное, совершенно народное міросозерцаніе этого «инока»-писателя приводили въ восхищеніе даже такихъ знатоковъ художественной рѣчи, каковъ былъ извѣстный покойный критикъ Ю. Н. Говоруха-Отрокъ (Ю. Николаевъ).

---

*) См. №№ 5 и 6 *Душепол. Чт.* 1898 г.

Онъ посвятилъ не одну статью «Странствованіямъ» о. Парѳенія въ *Моск. Вѣдомостяхъ* и рекомендовалъ эти «Странствованія» нашимъ образованнымъ людямъ, какъ средство ближе узнать меросозерцаніе и весь духовный строй своего русскаго народа. Дѣйствительно, о. Парѳеній былъ цѣльный русскій человѣкъ: прямодушный, неспособный къ тѣмъ сдѣлкамъ съ совѣстью, къ какимъ нерѣдко прибѣгаетъ раціоналистъ-европеецъ въ вопросахъ вѣры и христіанской нравственности. Онъ выросъ внѣ всякихъ европейскихъ вліяній, не учился ни въ какихъ школахъ, и всѣмъ своимъ духовнымъ настроеніемъ и литературнымъ развитіемъ обязанъ не школѣ, не наукѣ, а той церковности воспитанія, которая составляетъ отличительную черту истинно-русскаго человѣка. Вотъ почему отъ всѣхъ его произведеній вѣетъ тѣмъ духомъ старозавѣтной русской жизни, какимъ вѣяло отъ произведеній, напр., извѣстнаго крестьянина времени Петра I—Ивана Тихоновича Посошкова. Забываешь, что читаешь книгу, написанную въ половинѣ XIX вѣка; думается, что читаешь рѣчи старца до Петровской эпохи. Въ этомъ—особенная, если можно такъ выразиться, прелесть писаній инока Парѳенія, который простодушно, часто по дѣтски наивно повѣствуетъ вамъ о своей жизни, о своихъ «странствованіяхъ», о своихъ скорбяхъ и радостяхъ, въ то же время вездѣ и притомъ всегда такъ умѣстно, безъ всякой натяжки, вставляя слово назиданія, все относя къ Богу, къ Его дивному Промыслу, и часто видя руку Божію даже въ самыхъ, повидимому, естественныхъ обстоятельствахъ своей скитальческой жизни. Поэтому полагаемъ, что читатели *Душеполезнаго Чтенія* не посѣтуютъ на насъ, если мы предложимъ имъ автобіографію о. Парѳенія не въ отрывкахъ, а почти всю цѣликомъ: въ ней они найдутъ много страницъ дѣйствительно душеполезныхъ, нерѣдко трогательныхъ и вообще очень интересныхъ.

Архимандритъ Никонъ.

1.

Христосъ посредь насъ!

Любезнѣйшіе мнѣ и ближайшіе моему сердцу братія и друзья мои и по духу чада, благодать Господа Іисуса, и благословеніе Святыя горы Аѳонскія, и мое да будетъ съ вами навсегда.

Любезный братъ, письмо твое отъ 13 сентября получилъ, за которое и благодарю; но многіе твои запросы отягощаютъ меня отвѣтами, ибо ты знаешь, что послушаніе мое тяжкое и препорученія мнѣ великіе, даже очень мало порожняго времени, но только прошу Господа моего: да дастъ мнѣ здравіе и помощь послужить въ пользу Святой Его Церкви и во спасеніе ближняго, ибо я теперь вполнѣ предалъ себя волѣ Божіей и въ Его полное распоряженіе; и буди Его святая воля. Пусть какими Онъ хощетъ путями, тѣми и проводитъ, а мое дѣло безпрекословно повиноваться Его распоряженію, и только просить Его помощи и милости; ибо съ Нимъ, Создателемъ, повсюду хорошо и спасительно; — ибо очень весело и радостно итти во слѣдъ Его, Царя Небеснаго, хотя узка и скользка дорога, но за то хорошъ предводитель, ибо помню я слова за-Іорданскаго митрополита Мелетія, называемаго св. Петромъ *), а мнѣ отца духовнаго, ибо онъ сказалъ, хотя просто, но ясно; когда я очень скорбѣлъ въ Іерусалимѣ и не хотѣлось мнѣ ѣхать въ Россію, я желалъ окончить жизнь свою во Св. горѣ Аѳонской и даже, казалось, невозможнымъ исполнить послушаніе старца моего, то онъ на это сказалъ: «Адаму вѣдь лучше было въ раю, чѣмъ тебѣ на Аѳонѣ; ибо тамо не было ни людей, ни враговъ, ни діавола, но когда преслушалъ заповѣдь Божію, то оттуда выгнанъ былъ; а въ Аѳонѣ все есть: люди

*) Такъ попросту называли русскіе поклонники намѣстника Іерусалимскаго патріарха Мелетія, митрополита *Петры* Аравійской.

и враги и діаволъ, то тамо безъ помощи Божіей можно во всѣ грѣхи впасть и погибнуть, а съ Богомъ и въ самой Москвѣ спасешься. То я тебѣ совѣтую итти туда, куда посылалъ старецъ тебя». Вотъ и сбылись его слова: я живу въ Москвѣ и прохожу трудное поприще, предназначенное мнѣ отъ Господа Бога, хотя и безпрестанное имѣю сердечное стремленіе во внутреннюю пустыню, или хоть въ общежительный монастырь; но, впрочемъ, препоручая себя волѣ Божіей во всемъ, какъ Ему угодно, тако да будетъ, а не такъ, какъ я желаю; ибо кто на Бога положится, тотъ никогда не обложится. Посмотрите на мою жизнь: это самая истинная картина, въ которой весь указанъ промыслъ Божій. Это колесо премудрости и благости Божіей, ибо какъ Онъ мой Творецъ мною управляетъ, то возводитъ въ высоту, то обращаетъ ниже всѣхъ, то проводитъ скорбными путями, то паки утѣшаетъ, то удаляетъ въ пустыню, то паки изводитъ во грады и даже столицы; то вмѣняетъ вмѣстѣ съ разбойниками, то паки съ Запада на Востокъ, то съ Сѣвера на Югъ, то съ Юга на Сѣверъ, то доводитъ до послѣдней нищеты, и даже въ нищетѣ послѣднимъ, то паки награждаетъ богатствомъ. Повсюду вижу ясно Его, Царя Небеснаго, отеческое милосердіе, и Его Божественную и неизслѣдимую премудрость, и неизреченную благость къ роду человѣческому;— ибо то меня предаетъ подъ руководительство совершеннымъ великимъ старцамъ и наставникамъ, то паки проводитъ жизнь мою среди міра и соблазновъ между самыми невѣждами; то въ кругу самыхъ ученыхъ, то съ простыми поселянами, то съ великими іерархами: все это я вижу и разсматриваю и съ ужасомъ размышляю и со трепетомъ разсуждаю и съ пророкомъ изъ глубины души восклицаю: О! велій еси Ты, Господи! и дивны дѣла Твои и не испытанны судьбы Твои, и не изглаголанна Твоя премудрость, и человѣколюбія неизслѣдованная пучина! Смотришь— сколько велико Его Божество, что Ангелы не смѣютъ на Него взирать, и Херувимы и Серафимы трепещутъ отъ

Его славы, сколько Онъ имѣетъ творенія, милліонъ милліоновъ у Него безплотныхъ слугъ, тысячи тысячъ, и тьмы темъ только предстоятъ Его престолу; и не изчетные милліоны Онъ имѣетъ міровъ, и на каждомъ неизчетные милліоны Его твореній, но во всѣхъ и всѣми управляетъ Его Божественная воля, и даже власы главы всѣ изочтены. О, кто Богъ велій яко Богъ нашъ, Ты еси Богъ творяй чудеса!

Простите меня, что я такъ далеко и долго увлекся этою бесѣдой; ибо говорить о Богѣ и о Его великой премудрости и человѣколюбіи отъ сладости не имѣю сытости, ибо когда говорю о Богѣ, или размышляю Его величество, то все земное забываю, и даже иногда и самъ себя. О сладчайшій Іисусе, души моей утѣшеніе!

Да еще, что я далъ вамъ предувѣдомленіе, дабы вы знали, что каждымъ человѣкомъ и его бытіемъ и дѣлами управляетъ самъ Богъ, только ежели человѣкъ не послѣдуетъ своей волѣ и своему собственному плотскому стремленію, но завсегда прибѣгаетъ къ Богу и проситъ Его милости и помощи, потому Онъ и сказалъ: что безъ Мене ничего не можете творити. Ибо для того я говорю, что вы уже много лѣтъ безпокоите меня письмами и вынуждаете меня, чтобы я открылъ вамъ, хотя отчасти, путь и поприще жизни моей; но я уже нѣсколько вамъ въ томъ отказывалъ, но все-таки не оставили меня въ спокойствіи; но я, любя васъ сердечно, хотя и безполезно мнѣ, а можетъ быть еще вредно, но скажу вамъ нѣсколько словъ о моемъ странствіи по житейскому пути, потому что сказано: просящему у тебя дай, но скажу только съ тѣмъ, что покуда я еще буду продолжать этотъ путь, то отнюдь никому этого не говорите и держите въ тайнѣ, только двое вы, а когда окончу свой путь, тогда какъ знаете.

2.

О мѣстѣ рожденія я говорить не буду, но только скажу, что я назначенъ Богомъ во служеніе Ему, Создателю,

прежде еще моего существованія въ утробѣ матерней, ибо родитель мой также имѣлъ желаніе въ самой юности оставить міръ и удалиться въ пустыню, потому что онъ былъ сирота, послѣ матери остался 4-хъ лѣтъ, а послѣ отца 6-ти; но Богомъ было позволено ему вступить въ бракъ и проходить трудное и скорбное поприще въ мірѣ, въ супружеской жизни, и что онъ будетъ имѣть 3-хъ сыновей: «одинъ будетъ еще въ пеленахъ взятъ къ Богу, а прочіе дѣти будутъ умнѣе тебя, одного возьму Себѣ во служеніе, который будетъ полезенъ и для общества, а третій успокоитъ тебя».

3.

Вотъ поэтому онъ 18-ти лѣтъ и вступилъ въ бракъ и взялъ себѣ супругу, вмѣстѣ наставницу и учительницу всѣмъ добродѣтелямъ и звалъ ее матерью, ибо воистинну она была мать всѣмъ бѣднымъ и нищимъ и пристанище всѣмъ инокамъ и инокинямъ и всѣмъ странствующимъ покровъ; и всѣ называли ее матерью. Отъ таковыхъ-то я былъ родителей рожденъ.

4.

Перваго они родили сына Стефана, который 6-ти мѣсяцевъ померъ. Второго сына родили меня и я, съ юности оставивъ міръ, сколько могу служу Богу и ближнимъ, а третій остался въ мірѣ и 35-лѣтъ померъ. Я о младенчествѣ ничего не могу сказать, но только сталъ понимать кое-что и даже уже помню, всѣ называли меня попомъ, и никакъ меня не звали кромѣ этого имени, потому что я никакими дѣтскими играми и шалостями, обычными дѣтямъ, не занимался, но всѣ игры мои были и забавы: или Богу молиться, или пещеры копать, или церкви дѣлать и что-нибудь божественное пѣть, или между стариками сидѣть и слушать ихъ разные историческіе разговоры и повѣсти; а когда родитель читалъ, а я сидѣлъ и слушалъ, и разспрашивалъ, и даже иногда до раздраженія родителей

своими разспросами и любопытствами. Еще у меня были двѣ бабушки, одна прабабушка 115-ти лѣтъ и имѣла память необыкновенную, и любила мнѣ разсказывать разныя повѣсти, потому что я любилъ ихъ слушать, и когда она у насъ бывала, тогда я никуда не пойду, цѣлые сутки просижу подлѣ ея и все принуждаю что нибудь разсказать: повѣсти хотя и простыя, но все душеполезныя, всѣ направлены ко спасенію души и къ любви Богу и къ пустынной жизни: но и семейство наше было какъ духовная академія и училище благочестія, ибо ничего больше никогда не услышишь,—или читаютъ книги, или кто что нибудь душеполезное разсказываетъ, или поютъ духовныя пѣсни, ибо въ дому нашемъ никогда не держали никакого хмѣльнаго питія и даже не ѣли хлѣба, который печенъ на хмѣльныхъ дрождяхъ; хотя по состоянію имѣли три самовара, но и то держали для гостей; а изъ семейства пилъ чай одинъ только родитель,—ему это по торговлѣ было необходимо; но и я покуда былъ въ объятіяхъ родительницы до 10-ти лѣтъ чаю не пилъ, и даже не хотѣлъ никогда и пить; но послѣ міръ заставилъ пить.

5.

Еще я имѣлъ необыкновенную страсть проповѣдывать величіе и славу Божію, ибо только что нибудь услышу новое, или какое чудо или житіе въ четь-минеяхъ, то утромъ отправляюсь по всѣмъ сродникамъ и знаемымъ это разсказывать; ибо память у меня была острая, и поэтому прозвали уже меня попомъ-проповѣдникомъ, и часто на улицахъ меня останавливали, ибо знали, когда я иду, то что нибудь несу новое и распрашивали; и гдѣ только я остановлюсь—уже около меня толпа народу!

6.

Но хотя юное мое сердце и отвлечено было отъ православной Церкви, но внутреннее желаніе моего сердца любило ее, ибо никогда мимо ея не проходилъ, чтобы не

зашелъ и не положилъ въ ней 3-хъ поклоновъ, хотя родители и запрещали ходить въ нее, но я на это не смотрѣлъ; хотя за это иногда принималъ брань, а иногда и побои, но я какъ увижу церковь, то сердце мое и закипитъ, а наипаче ежели монастырь.

7.

До 6-ти лѣтъ не учили меня грамотѣ, хотя просился и плакалъ; а на шестомъ году родитель купилъ азбуку и принесъ съ базара, и я принялъ какъ неоцѣненный даръ и ходилъ съ ней по всѣмъ роднымъ, ее показывалъ. Потомъ самъ родитель началъ меня учить, и доучивши до половины псалма: «помилуй мя Боже», потомъ отправился по своимъ торговымъ дѣламъ на все лѣто, а мнѣ приказалъ ежедневно читать зады, а матери приказалъ заставлять меня; и я, читавши зады нѣсколько разъ, изучилъ на память и они мнѣ наскучили; я пошелъ впередъ самъ и въ скоромъ времени выучилъ азбуку; но мать ежедневно заставляетъ читать зады, то я самъ, взявши псалтирь, и началъ учить прежде по складамъ, а потомъ просто, и вытвердилъ три первыя каѳисмы. Потомъ пріѣхалъ отецъ и спросилъ мать мою, что читалъ ли Петя зады. Она сказала, что-то ежедневно читалъ; потомъ спрашиваетъ меня: «что Петя не забылъ ты задовъ? ну-ка прочитай ихъ». Я ему отвѣтилъ: «что мнѣ читать зады? Я уже и всю азбуку на память знаю, а я вотъ буду читать эту книгу, ту побольше», (показалъ ему на псалтирь). Онъ же прежде не вѣрилъ, потомъ велѣлъ читать; я же какъ началъ читать, онъ, удивившись, сказалъ: «ты уже читаешь лучше меня», потомъ разогнулъ, гдѣ я еще не училъ; но я и тамъ началъ читать, хотя и не такъ скоро. Потомъ онъ взялъ книгу Іоанна Златоустаго и разогнувши, велѣлъ мнѣ читать, я началъ и это читать: онъ же, удивившись и возрадовавшись, сказалъ: «довольно для насъ, намъ не въ попы, я хотѣлъ было отдать учителю, а теперь нечего и деньги тратить, теперь только надобно не много по-

учиться писать»; и потомъ купилъ прописную азбуку и показалъ мнѣ, и я также, хотя какъ-нибудь, сталъ писать; вотъ и кончилъ я курсъ наукъ,—вотъ и всѣ мои учители.

8.

Когда я началъ читать книги, то возымѣлъ неограниченное стремленіе и любовь къ чтенію, которая еще и до нынѣ при мнѣ; уже до 10-ти лѣтъ моего возраста я прочиталъ всѣ чети-минеи, прологи, Ефрема Сирина, Аввы Дороѳея, священно-инока Дороѳея, Златоуста, Маргаритъ, бесѣды Василія Великаго и Кириллову, и о вѣрѣ, и прочихъ множество, потомъ нетерпимо мнѣ захотѣлось увидѣть Библію, Ветхій и Новый завѣтъ, Евангеліе и Апостолъ, но какъ Библіи старообрядческой печати нѣтъ, то они объ ней и мало понятія имѣютъ, даже почти и не читаютъ, потому что тамъ напечатано *Іисусъ* и счетъ листамъ въ верху: это для раскольниковъ великія ереси,— и начали меня уговаривать, чтобы я не только ихъ не читалъ, но даже удерживали, чтобы я и не видалъ Библіи; а меня все еще больше завлекало въ любопытство: что такое за Библія. Они мнѣ говорили, что эта книга глубокая и вся въ притчахъ, и по ней можно уклониться въ жидовство или сойти съ ума, что и многіе отъ этого пострадали, но я ни на какія ихъ доказательства и препятствія не посмотрѣлъ, и узнавши, у кого есть Библія, выпросилъ почитать и принесъ домой. Родители, увидѣвши такую великую книгу, испугались и заплакали, что я ей зачитаюсь: когда большіе, въ полномъ умѣ зачитываются, а я еще былъ по десятому году.

9.

Но я взявши у нихъ благословеніе, началъ читать и читать со вниманіемъ, и съ Божіею помощію, началъ я различать въ ней: что писано исторически, что нравоучительно, что до закона касательно, что пророчественно;

и я въ ней увидѣлъ все Божіе домостроительство,—чудеса Его и премудрость, благость, человѣколюбіе Его и правосудіе; и прочиталъ я ее нѣсколько разъ, и всю ее почти могъ наизусть разсказывать, разбирать и толковать, и всѣ люди говорили: что я зачитаюсь и съ ума сойду, но я, напротивъ, научился въ ней премудрости.

Когда же добрался до Новаго завѣта, до благодати, то еще болѣе меня повлекло къ изслѣдованію. Также я началъ его читать, Святое Евангеліе; но большей части въ немъ словеса Самого Господа нашего Іисуса Христа Богочеловѣка, и началъ Его разбирать слова по статьямъ и по зачаламъ, ибо всѣ Его словеса показались мнѣ наполненными неизреченною Божественною премудростію и всѣ имѣющими одну цѣль, для спасенія человѣческаго, для чего Онъ по благости Своей прикрылъ Свое Божество плотію человѣческою и пожилъ на землѣ со человѣки,—дабы спасти родъ человѣческій, и увидѣлъ, что ни одного слова Онъ не сказалъ просто и случайно, но всѣ они имѣли какую-либо цѣль для спасенія нашего; въ одномъ мѣстѣ Онъ говорилъ отъ исторіи древней и приводилъ примѣры, въ другомъ Онъ открывалъ и объяснялъ пророчество, а въ иномъ Онъ обличалъ непокорныхъ Іудеевъ; въ одномъ Онъ даетъ духовно-нравственныя поученія, а въ другомъ творитъ Онъ чудеса и тѣмъ открываетъ Свое Божество и Божественную силу Свою; одни добродѣтели велитъ исполнять повелительно, а на другія даетъ только совѣтъ; въ одномъ обличаетъ богатыхъ, а въ другомъ ублажаетъ нищету; въ одномъ пророчественно предсказываетъ, а въ другомъ преподаетъ новоблагодатный законъ и устрояетъ новоблагодатную Свою Церковь и основываетъ ее на непоколебимомъ основаніи, на твердомъ камени, и что будетъ стоять на землѣ новоблагодная Церковь до скончанія вѣка и врата адова одолѣть ее не могутъ, и Самъ обѣщался съ нею быть до скончанія вѣка и установилъ въ ней таинства, которыми должны руководствоваться ея чада, и что кромѣ этихъ таинствъ спас-

тися никто не можетъ! И поставилъ въ Церкви Своей освященный чинъ, для совершенія св. церковныхъ таинствъ, и освятилъ на сіе Своихъ учениковъ Апостоловъ, и исполнилъ ихъ Духа Святаго, и препоручилъ имъ ключи отъ царствія небеснаго; далъ имъ великое преимущество въ лицѣ Себя: слушаяй васъ, Мене слушаетъ, а отметаяйся васъ, Мене отметается, отметаяйся же Мене, отметается и Пославшаго Мя; и обѣщалъ съ ними быть до скончанія вѣка.

10.

И еще я, убѣдившись въ истинности словъ Евангельскихъ, какъ словъ Самаго Господа нашего Іисуса Христа, который сказалъ о словесахъ Своихъ тако: что мимо небо и земля идутъ, но словеса Мои не мимо идутъ—сирѣчь, какъ бы сказалъ: что каждое Мое слово—законъ непреложный, ибо какъ сказалъ: да будетъ свѣтъ и бысть и проч. И еще сказалъ: что на страшномъ судѣ Азъ судить никого не буду. Но Евангельское слово Мое, то осудитъ каждаго, которые его не исполнили на дѣлѣ или не послушали! И вотъ всѣ эти Евангельскія слова пали на мое юное сердце, какъ на добрую землю, и остались они навсегда на моемъ сердцѣ и до сего времени.

11.

Ибо ясно я увидѣлъ, что кромѣ Христовой Святой Соборной Церкви и ея таинствъ, спастися невозможно, и что истинная Святая Христова Церковь должна быть та, въ которой вполнѣ совершаются и употребляются седмь святыхъ церковныхъ таинствъ, совершаемыхъ полнымъ священнымъ чиномъ, полученнымъ чрезъ рукоположеніе отъ Самого Спасителя Господа Іисуса Христа и преподаваемымъ другъ другу; и вотъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ былъ я великимъ ревнителемъ и защитникомъ Святой Христовой Церкви и ея таинствъ и священнаго чина въ трехъ степеняхъ, т. е. Епископа, Священника и Діакона. Съ

самыхъ юныхъ лѣтъ началъ я разрушать и искоренять всѣ разныя секты раскольническія, толки и раздоры, не имѣющихъ Церкви и священства и церковныхъ таинствъ, во-первыхъ соединилъ во едино все свое семейство, которое было все разбито діаволомъ на разныя секты; хотя и не къ самой истинной Христовой Церкви, но все по крайней мѣрѣ ко Священству и къ Церкви; самъ хотя и ревновалъ по истинной Христовой Церкви, но въ ней еще не находился, хотя и близко нея былъ; только бы одинъ шагъ и въ Церкви; но все оставался въ заблужденіи, хотя и въ Церкви, но въ безглавой, не имѣющей главы одушевленнаго Христова образа—Епископа, чрезъ котораго истекаетъ источникъ благодати Святаго Духа, безъ котораго, т. е. безъ Епископа, не можетъ быть ни Церковь, ни священникъ, ни діаконъ, ни Святое міро; и ни единое таинство безъ его благословенія совершиться не можетъ, ниже можетъ быть христіанинъ.

Хотя и видѣлъ я въ своей Церкви, въ которой находился, всѣ эти недостатки, но юнымъ своимъ умомъ не могъ этого всего изслѣдовать и разсудить; но оставался при ней еще 20 лѣтъ до совершеннаго возраста,—до 30 лѣтъ. Но это все, какъ я послѣ узналъ, Господь со мной дѣлалъ все по премудрымъ Своимъ и неизслѣдимымъ судьбамъ, въ пользу Своей Святой Церкви, дабы я уже не младенческимъ умомъ все это изслѣдовалъ, но совершеннымъ въ мужескомъ возрастѣ, и еще нужно было мнѣ побывать во всѣхъ гнѣздахъ раскольническихъ и постранствовать много по свѣту и потерпѣть много скорбей, и положить много трудовъ, дабы выпутаться изъ заблужденія.

12.

Но возвращаюсь опять къ юности моей; и когда полагалъ я, что уже въ истинной Церкви нахожусь и размышлялъ себѣ, что же мнѣ еще нужно исполнить, дабы быть истиннымъ ученикомъ Христовымъ, и по смерти на-

слѣдовать вѣчное блаженство; ибо зная, что одна вѣра во Христа безъ добрыхъ дѣлъ спасти не можетъ; и еще сталъ понимать, что я человѣкъ, принадлежащій тлѣнію, то рано или поздно, долженъ помереть, какъ и прочіе умираютъ, которыхъ я вижу ежедневно выносимыхъ на кладбище, и мнѣ необходимо туда же послѣдовать и дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ, да еще часто слышалъ отъ родителей своихъ, которые ежедневно оплакиваютъ жизнь свою, во грѣхахъ проведенную; и даже началъ о томъ и скорбѣть, что какъ я могу спастися; и въ одно время читавши Евангеліе на то самое зачало гдѣ писано, что кто хощетъ совершенъ быти, тотъ долженъ раздать все свое имѣніе и оставить весь міръ, домъ и родителей и идти во слѣдъ Христа и возлюбить Его, Создателя своего, отъ всея души своея и отъ всего сердца своего, и отъ всего помышленія своего, и нести во всю жизнь свою крестъ свой, т. е. странствовать, страдать и терпѣть скорби ради любви Его.

Прочитавши еще: аще кто хощетъ быти Мой ученикъ, той долженъ оставить домъ, родителей и всѣхъ сродниковъ, имѣніе и все, яже въ мірѣ—итти во слѣдъ за Мной: той и достоинъ будетъ быть ученикомъ Христовымъ, и поэтому я разсмотрѣлъ, что очень трудно спастись посредѣ міра и соблазновъ, да еще родители безпрестанно мнѣ внушали то же. И вотъ съ того времени воскипѣло мое юное сердце любовію ко Господу Богу, и вознамѣрился безпремѣнно быть ученикомъ Христа Спасителя и оставить родителей и весь міръ, и уйти, куда нибудь или въ пустыню, или въ монастырь работать Господу Богу; и не стало ничего мнѣ милаго на свѣтѣ, и отъ всего мірскаго и веселаго удалялся, только и помышлялъ: какъ бы исполнить свое желаніе и намѣреніе; только у меня и было разговоровъ, что про иноческую жизнь, про монастыри, про пустыни; но родители мои только надъ мной глумились, а на дѣлѣ исполнить своего желанія и думать мнѣ не велѣли; хотя и любили сами иноческую жизнь, но го-

говились меня сдѣлать наслѣдникомъ своего имѣнія; да еще полагали, что я это все говорю по глупости юнаго разума, но, зная трудность иноческой жизни и естественную слабость плоти,—не надѣялись, чтобы на всегда осталось во мнѣ это стремленіе и желаніе; но отъ Богоугодныхъ занятій меня не удерживали, но только радовались и поощряли, и оставили меня въ такомъ спокойствіи до десятилѣтняго моего возраста. Вотъ были мои золотые дни, покуда я находился въ объятіяхъ своей родительницы, какъ птенецъ подъ крылышками своей матери; она не давала въ меня вселиться никакому пороку душевному и готовила меня къ иноческой жизни, и учила меня не только словами, сколько дѣлами добродѣтелей и любви къ ближнимъ; она не довольна была тѣмъ, что дѣлала наявѣ: ежедневно сотни нищихъ кормила сама и прислуживала имъ; принимала странниковъ, одѣвала нагихъ и ежедневно посѣщала въ темницахъ сидящихъ и во всѣхъ пріютахъ, только гдѣ находились бѣдные, и всѣмъ носила потребное; а наипаче очень сожалѣла больныхъ бѣдныхъ; заботилась о нихъ, какъ мать родная, сама спѣшила къ больному и распрашивала, что, не желаетъ ли онъ чего? Меня завсегда брала съ собою, или посылала меня, кому что нибудь снести изъ потребнаго; но еще очень любила раздавать тайную милостыню, дабы ее никто не зналъ и не видѣлъ; и завсегда говорила: надобно подавать милостыню правою рукою, а лѣвая чтобы не знала,—то она раздавала по ночамъ, чтобы и мужъ ея, а мой отецъ, не зналъ этого; а наипаче когда плохая погода или дождь, или снѣгъ, или вьюга, она, вставъ въ полночь тихонько, да и меня разбудитъ, а мнѣ бывало вставать не хочется, а она утѣшаетъ и велитъ молчать, одѣваетъ и обуваетъ меня, потомъ отправляется—куда же? въ амбаръ, и тамъ уже у ней съ вечера приготовлены разные узелки, то съ мукою, то съ крупою, то съ рыбой, то съ холстомъ, то съ деньгами; вотъ мнѣ дастъ что полегче: деньги и холстъ, а сама наберетъ, что чуть, едва подымаетъ, и отправляемся

въ путь иногда по колѣно по грязи, а иногда по снѣгу, а иногда въ дождь и снѣгъ, что и зги не видно; а ей уже всѣ извѣстны бѣдные. Вотъ начнетъ разносить: положитъ узелъ чего нибудь, также и денегъ, да постучитъ въ окошко, а сама скорѣе бѣжать; когда все разнесетъ, тогда возвращаемся домой, а мнѣ строго накажетъ, чтобы не сказывалъ ни отцу, ни кому другому. Пришедши домой меня положитъ спать, а сама начинаетъ молиться Богу. Въ то время ей было около 30-ти лѣтъ. Когда окончилось мнѣ 10-ть лѣтъ, то родитель мой отторгъ меня изъ объятій моей родительницы и взялъ меня съ собой на чужую сторону, показывать мнѣ міръ и его соблазны, и пріучать меня къ мірскимъ занятіямъ и торговлѣ; мать моя умоляла его беречь меня отъ всѣхъ пороковъ грѣховныхъ, а наипаче умоляла его, дабы не пріучать меня ни къ трактирамъ, ни къ чаю, ни къ вину, а наипаче не неволить меня ни къ чему.

13.

Вотъ, исторгнувшись изъ объятій матери, я странствую уже 40 лѣтъ, хотя первые, около 10-ти лѣтъ для міру, а уже около 30-ти лѣтъ ради Бога. И вотъ родитель, исторгнувши изъ объятій родительницы, увезъ меня на чужую страну; что же—я опять очутился въ кругу родныхъ: дядей и двухъ двоюродныхъ братьевъ. Всѣ, увидавъ меня, обрадовались: начали меня цѣловать, и ласкать, и распрашивать. Потомъ пошли всѣ въ трактиръ, а я же остановился и не пошелъ. Меня спросили: «почему же ты нейдешь?» Я же сказалъ, что грѣшно ходить въ трактиръ. Они же всѣ засмѣялись и сказали: «вотъ какіе пустяки еще вздумалъ!» И потащили меня и нехотящаго. Взойдя, сѣли за столъ, а я сижу ни живъ, ни мертвъ, а слезы изъ глазъ текутъ ручьями, и думаю: вотъ трактиръ провалится сквозь землю и я пропаду. Потомъ подали чай; налили и мнѣ чашку, я пить никакъ не хотѣлъ; они же всѣ на меня закричали, а наипаче дяди, и сказали: «вотъ

что еще вздумалъ не пить чай; у васъ съ матерью все грѣхъ, пей да и только»; отецъ молчалъ, ибо боялся матери моей, но дяди приневолили и я разрѣшилъ и началъ пить. Пріѣхавъ домой я со слезами признавался матери, что меня приневолили пить чай. Она же, взявъ меня въ объятія, много плакала; потомъ сказала: «милое мое дитятко, среди міру жить, трудно убѣжать мірскихъ прихотей и соблазновъ». Этимъ она какъ бы прямо послала меня въ монастырь,—и еще болѣе начала меня побуждать въ монастырь; дядя же мой одинъ больше придерживался расколу, толку безпоповскаго, котораго я уже не могъ терпѣть. Онъ же всячески старался меня склонить въ свое мнѣніе; но я терпѣть не могъ и завсегда съ нимъ состязался.

14.

Въ одно время, на чужой же сторонѣ, въ праздничный день, онъ сказалъ мнѣ: «Петя, пойдемъ въ часовню Богу молиться». Я думалъ, что въ нашу, и пошелъ съ нимъ; онъ же пошелъ въ другую и сказалъ мнѣ: «вотъ та-то и есть другая часовня; тамъ лучше поютъ и лучше украшено»; а я былъ еще малъ и не понималъ, что значитъ другая, я полагалъ, что все одно, что тамъ, или въ другомъ мѣстѣ. Вотъ только стали мы входить въ двери, то вдругъ меня встрѣтилъ дурный запахъ и отвратительный, такъ что я остановился и сказалъ дядѣ, что какой-то осѣнилъ меня отвратительный воздухъ и запахъ; онъ же убѣдилъ меня взойти во внутрь и я, когда взошелъ, то и до днесь удивляюсь, что такое со мной случилось, ибо показалось мнѣ, что я взошелъ въ адъ, что запахъ показался мнѣ самый отвратительный, такъ, что я почувствовалъ боль въ головѣ тутъ же; иконы хотя хорошія и древнія, но лицъ ихъ ничего не видно, а люди показались какими-то извергами, не похожими на русскихъ; пѣніе и чтеніе самое отвратительное, такъ что я ничего не могъ понять, и убѣжалъ безъ памяти, не видя дяди. Ибо какъ бы изъ

огня я выскочилъ, и шедши домой, на пути взошелъ въ Православную Великороссійскую Церковь полюбопытствовать, ибо шла литургія; я, простоявъ до конца, хотя и не молился руками по обычаю раскольниковъ, но во внутреннемъ человѣцѣ плакалъ, и наполнилось мое сердце какою-то духовною радостію. Пришедши на квартиру, отецъ спрашивалъ: «гдѣ былъ у часовъ?» Я сказалъ, что нигдѣ, а стоялъ литургію въ Великороссійской Церкви. Отецъ, услышавъ, засмѣялся и сказалъ: «да слово то пріятное, вѣдь Церковь то лучше часовни, видно Петю то не обманешь, даромъ что онъ малъ». Съ того времени я уже въ великіе праздники началъ похаживать въ соборъ, хотя и не для моленія, а для любопытства. Но это только на чужой сторонѣ.

15.

Вотъ со мной еще случились два чудесныя происшествія: ибо въ одно время былъ я почти годъ боленъ и однажды заболѣлъ къ смерти. Читавши книги, а наипаче Евангеліе, и знавши благодать тайны причащенія тѣла и крови Христовой, ибо Господь сказалъ: что аще кто ястъ тѣло Мое и піетъ кровь Мою, имать животъ вѣчный, и воскрешу его въ послѣдній день. Вотъ я и предложилъ родителямъ, чтобы они меня причастили. Они хотя любили меня, но просьбою моею затруднялись, потому что нашего раскольническаго священника бѣглаго тогда у насъ не случилось; а желаніе мое исполнить захотѣлось, ибо знали мою ревность по Церкви и за причастіе, ежели бы отказать мнѣ это, то могутъ огорчить меня. Что же случилось? Истинное великое чудо, и ясно показалось о мнѣ Господне попеченіе; ибо когда я открылъ глаза, то вижу предъ собою стоящаго священника православнаго въ епитрахилѣ и въ ризахъ; чему я весьма удивился, потому что православный священникъ не бывалъ въ нашемъ домѣ, а тутъ вижу стоящаго съ требой, а родители около него стоятъ молча, слезами заливпись; священникъ спросилъ меня:

«желаешь ли ты причаститься тѣла и крови Христовой?» Я отвѣтилъ замирающимъ голосомъ, что желаю; онъ спросилъ: «можешь ли хотя сѣсть». Я отвѣтилъ, что никакъ не могу; и священникъ, прочитавъ молитвы, причастилъ меня запасными дарами тѣла и крови Христовой. Я этимъ очень былъ утѣшенъ и скоро совершенно выздоровѣлъ. Родители же и всѣ сродники послѣ много удивлялись, что какимъ это образомъ они рѣшились такъ скоро позвать Великороссійской Церкви священника, что во всю жизнь свою боялись принять благословеніе отъ мірскаго священника, а тутъ вдругъ призвали и позволили причастить свое дѣтище, и даже всѣхъ ихъ за это бранили; но я по своему глупому разуму завсегда говорилъ: что это такъ было угодно Богу и принималъ я это за особенный промыслъ Божій.

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ
ИГУМЕНА
ПАРѲЕНІЯ.*)

16.

Еще случилось: на чуждой сторонѣ, приняла меня лихорадка самая злая, такъ что ежедневно мучила да и только; мнѣ нѣкто сказалъ: съѣзди въ такую-то церковь четырехъ евангелистовъ и отслужи молебенъ и будешь здоровъ. Я сказалъ, что къ церкви православной я не принадлежу, а къ часовнѣ; потомъ я разсудилъ: что мнѣ, что я не церковный, но только дабы выздоровѣть, ибо каждый болящій врача не спрашиваетъ кто онъ такой, но только желаетъ быть здоровымъ.

Въ одинъ воскресный день я отправился на извозчикѣ въ эту церковь, только начали благовѣстить къ литургіи; я, вошедши въ церковь, помолившись, далъ священнику цѣлковый и просилъ его отслужить молебенъ четыремъ евангелистамъ, а меня такъ приняла лихорадка, что я чуть едва вышелъ на паперть и тутъ упалъ безъ памяти; пролежалъ всю литургію и когда пришелъ въ себя, уже выходитъ народъ изъ церкви. Я всталъ какъ ни въ чемъ не бывало, и сдѣлался здоровъ. Больше она уже не при-

*) Продолженіе. См. ноябр. кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1898 г.

ходила ко мнѣ. Вотъ ужъ дважды Великороссійская церковь изливала на меня свои чудодѣйствія, и я все это слагалъ въ сердцѣ своемъ.

17.

Однажды, читая чити-минеи, жизнь преподобнаго Макарія желтоводскаго, увидѣлъ, что онъ 12-ти лѣтъ бѣжалъ отъ родителей въ монастырь, то я по его примѣру, какъ только минуло 12-ть лѣтъ, на чужой странѣ бывши, бѣжалъ тайно въ монастырь, который былъ мнѣ извѣстенъ прежде, въ раскольническій; узнавъ объ этомъ, родители много плакали. Потомъ родитель отправился меня искать и, пріѣхавъ въ монастырь, нашелъ меня и уговаривать началъ, чтобы ѣхалъ домой и утѣшилъ мать и бабушку, которыя неутѣшно плачутъ о тебѣ; но я его просилъ, чтобы оставили меня навсегда въ монастырѣ; даже начальникъ просилъ родителя, чтобы оставилъ меня въ монастырѣ, но родитель никакъ не согласился оставить и нехотящаго взялъ повезъ меня домой. Въ монастырѣ я прожилъ мѣсяца три. Дома же родные меня встрѣтили съ радостію и отъ радости много плакали.

18.

Хотя и немного я прожилъ въ монастырѣ, но хорошо вкусилъ иноческую жизнь; и уже мнѣ домъ свой и мірская жизнь стали казаться какимъ-то страшнымъ чудовищемъ и ничто не стало мнѣ мило: ни родители, ни сродники, ни домъ, бѣжалъ бы въ монастырь или въ пустыню, да и только; но родители всячески старались меня утѣшить и дали мнѣ полную волю, дабы жилъ только дома, и обѣщались меня не заставлять торговать и ничего не дѣлать, а только Богу молиться и книги читать. Вотъ поэтому и сдѣлалъ я въ домѣ своемъ полумонастырь: завелъ ежедневную службу по уставу монастырскому, вечерню, утреню и часы. Началъ всегда вставать съ полуночи молиться Богу и будить всѣхъ домашнихъ. Сна-

чала они всѣ этому радовались, а послѣ скоро и наскучило, и начали на меня скорбѣть и не велѣли ихъ тревожить; то я уже сталъ одинъ все исправлять и торговыхъ дѣлъ не оставлять. Все это одному мнѣ очень трудно было выполнить монастырское правило, юному отроку, да еще и мірскими дѣлами править и торговать; хотя духомъ я и не изнемогалъ, но часъ отъ часу онъ разгорался въ любовь Божію, а юное мое тѣло стало изнемогать. Такъ случится: читаю что нибудь—у меня весь свѣтъ закружится, и обморокъ ударитъ меня о землю, и я лежу какъ мертвый. Тогда-то вспоминалъ Евангельскія словеса: что одинъ рабъ двумъ господамъ угодить не можетъ, тако и человѣкъ не можетъ угодити Богу и міру, а которому нибудь одному.

19.

Поэтому неотлагаемо положился оставить весь міръ и все яже въ немъ и служить и работать единому Господу Богу; а такъ какъ въ монастырь не отпускаютъ, то и вознамѣрился удалиться во внутреннюю пустыню, въ непроходимыя горы и лѣса и совершенно скрыться отъ человѣкъ. Рѣшился это совершить, не отлагая времени день за день; родитель мой уѣхалъ въ другой городъ по своимъ коммерческимъ дѣламъ, весною, въ самую распутицу, когда нѣтъ пути ни конному, ни пѣшему, а я собрался въ дальній невозвратимый путь. Тихонько взялъ съ собою одинъ псалтирь и крестъ и рано утромъ пришелъ къ матери своей и началъ просить у нея благословенія въ путь, на половину дня сходить къ одному человѣку за книгой. Она сказала: «неужели тебѣ недостаетъ книгъ, ибо ты уже хочешь захватить весь свѣтъ книгъ». Я сказалъ: «хотя и много у меня книгъ, но все я еще всѣ книги не прочиталъ; еще много есть такихъ, про которыя я еще не слыхалъ». Она же, любя меня, сказала: «Господь тебя благословитъ, только къ обѣду поспѣшай домой».

20.

Я же, получа благословеніе, отправился въ путь, съ намѣреніемъ уже до смерти домой не возвращаться, и пришелъ къ одной рѣкѣ, чрезъ которую уже хода не было, потому что того и смотрѣли, что тронется ледъ; но я, перекрестившись, пошелъ по льду благополучно, и мнѣ не казалось очень страшнымъ, перейдя рѣку. Люди спрашивали: «какъ ты могъ перейти рѣку, ибо уже три дня, какъ никто не осмѣливался переходить ея?» Я удивился ихъ разговору, что я перешелъ и никакой опасности не видалъ; но какъ оглянулся назадъ, у меня волосы дыбомъ встали, ибо я увидѣлъ, что ледъ только что слава ледъ— весь въ дырахъ и полыньяхъ, и вода бьетъ водоворотами. Но я поблагодарилъ Господа Бога за сохраненіе моей жизни, которою я уже не очень дорожилъ, ибо просилъ и желалъ, чтобы въ какомъ-нибудь страданьи, Бога ради, окончить дни маловременной моей жизни, оставить землю и переселиться на небо къ дражайшему моему Господу Богу.

Шелъ я тотъ весь день безъ пищи, гдѣ по поясъ водой, смѣшанной съ снѣгомъ, а гдѣ по колѣно грязью, то весь въ поту, и сдѣлался весь мокрый и отошелъ я верстъ сорокъ. Къ вечеру пришелъ къ другой рѣкѣ, больше первой, и я въ селеніи сталъ спрашивать: какъ мнѣ перейти рѣку. Мнѣ сказали, что никакого ходу нѣтъ и стоятъ караулы—никого не пускать. Я же притворился посланнымъ отъ хозяина, что работникъ съ нужными дѣлами,— необходимо нужно перейти. Они же мнѣ сказали: «а когда такъ тебѣ нужно, то иди въ городъ и какъ-нибудь переѣдешь»; и меня оставляли ночевать, но я не остался, а пошелъ вонъ изъ селенія. Боялся итти въ городъ, зная, что мой родитель въ этомъ городѣ находится по своимъ дѣламъ, то какъ бы не попасть ему на глаза, но дѣлать нечего—надо итти. Когда меня настигла ночь, то я не

пошелъ ночевать въ домъ, а ночевалъ внѣ селенія, въ соломѣ; всю ночь продрожалъ мокрый и холодный; а въ ту ночь сдѣлался сильный холодъ и морозъ. Я отъ холода и отъ дрожанія дожидался послѣдняго дыханія. Да и просилъ у Бога себѣ скорой смерти.

Но благодатію Божіею покрываемый, остался живъ; хотя и нѣжнаго былъ воспитанія, а здоровья не повредилъ. Поутру вставъ, пошелъ въ путь, но уже не такой бодрый, какъ наканунѣ; то отъ переознобу, то отъ голода, идя думаю: ежели невозможно будетъ перейти рѣку, то наложу на себя юродство и буду юродъ Бога ради до смерти. Вотъ избралъ я себѣ два пути ко спасенію и оба самые трудные и тяжкіе. Но духомъ горѣлъ любовію ко Господу Богу и просилъ Его помощи. Слезы лились изъ очей моихъ; еще былъ очень юнъ, ибо имѣлъ тогда 13 лѣтъ отъ роду.

21.

Придя въ городъ, шелъ подлѣ рѣки и спрашивалъ: гдѣ можно ее перейти по льду. Что же внезапу вижу предъ собою? Своего родителя; увидѣвъ его, весь отъ ужаса измѣнился. Онъ же, увидѣвъ меня, едва могъ узнать, говоритъ своимъ людямъ: «а что, это кажись, мой Петечка?» Они ему отвѣтили: «точно онъ». Онъ же послалъ спросить меня, зачѣмъ я пришелъ. Я, видя свою бѣду, что попался въ сѣть, тотъ же часъ притворился юродивымъ и помѣшаннымъ въ умѣ и затворилъ свой языкъ—сдѣлался нѣмымъ. Они начали меня спрашивать: зачѣмъ я пришелъ, а я притворяюсь неистовымъ и ничего не говорю, они же побѣжали отъ меня прочь и сказали отцу моему. Онъ велѣлъ меня схватить, и одинъ взялъ меня на руки и принесъ къ родителю. Онъ же, увидя меня, что якобы я три мѣсяца лежалъ больнымъ и весь измѣненный въ лицѣ своемъ и въ соломѣ, горько заплакалъ и сказалъ: «О, Господи, что ты мнѣ далъ за сына, что все надобно съ нимъ мучиться, а тутъ свои дѣла!» Потомъ подали коней и по-

везъ меня домой. Дома же меня хватились, ибо уже наступили другіе сутки, а меня нѣтъ. Потомъ, увидя, что меня отецъ привезъ, всѣ выбѣжали обрадовавшись; отецъ сказалъ имъ: «не радуйтесь, хотя и привезъ, но только полсына, ибо онъ помѣшанъ въ умѣ и ничего не говоритъ». Потомъ спросилъ: «давно ли онъ ушелъ изъ дому?» Они сказали, что другіе сутки. Потомъ привели меня домой и обратились всѣ въ плачъ. Потомъ повезли меня отчитывать къ своему бѣглому попу и посулили ему 50 рублей, только чтобы узнать, что я нарочно юродствую или вправду помѣшался умомъ. Онъ же оставилъ меня у себя и началъ надо мною читать Евангеліе. Потомъ во единъ отъ дней поставилъ посредѣ часовни аналой и положилъ Евангеліе и крестъ и началъ меня заклинать и допрашивать, что я не притворяюсь ли это. Я же, испугавшись, разверзъ уста свои и сказалъ ему: «когда ты меня такъ приводишь къ клятвѣ, то и ты будь проклятъ, ежели это родителямъ моимъ откроешь, но сохрани эту тайну до моей смерти». Однако, онъ сказалъ родителямъ, что я это дѣлаю намѣренно, и они оставили меня въ спокойствіи и не стали болѣе отчитывать, но увезли домой, только ежедневно стали меня увѣщевать и грозить. Я написалъ имъ записку, чтобы дали мнѣ паспортъ и отпустили постранствовать, а иначе самъ уйду навсегда. Родитель уѣхалъ по своимъ дѣламъ, а матери приказалъ меня отпустить и то только на одинъ мѣсяцъ. Послѣ отца мать моя призвала меня въ молитвенную храмину и начала мнѣ говорить слѣдующее: «Возлюбленное мое чадо, послушай меня, свою родительницу, ибо намъ небезызвѣстны всѣ твои начинанія, хотя ты это дѣлаешь Бога ради, но намъ наносишь скорби; но говорить теперь о томъ не буду. Ты просился у насъ странствовать, вотъ отецъ и велѣлъ тебя отпустить, но только на одинъ мѣсяцъ, а потомъ возвратись домой, и теперешній разъ непремѣнно возвратись, ибо я тебѣ благословеніе не даю теперь, а послѣ связывать больше не буду. Когда же,

послѣ, будешь возвращаться, то говори со всѣми. Вотъ тебѣ паспортъ и деньги на дорогу»,—и благословила меня.

22.

Я отправился въ путь и началъ со всѣми говорить, потому что вижу, что тайна моя не утаилась. Вотъ странствовалъ я, по родительскому благословенію, одинъ мѣсяцъ, потомъ, накупивъ книгъ, возвратился домой, уже говорю,—и было все семейство въ неизреченной радости. Потомъ возвратился домой и родитель.

23.

Увидясь, много мы разговаривали, и онъ былъ очень доволенъ, что я сдѣлалъ послушаніе и возвратился въ домъ свой. Потомъ началъ говорить: «возлюбленное наше чадо, скажи ты намъ рѣшительно, что будешь ли ты заниматься нашими дѣлами, или нѣтъ? или еще что будешь начинать? но мы тебѣ рѣшительно скажемъ, что покуда мы живы въ монастырь не отпустимъ, а ежели тихонько уйдешь, то я повсюду тебя сыщу и привезу домой, а ежели не найдемъ тебя, то Богъ съ тобой—проклинать тебя не будемъ, но куда ты въ нынѣшнія времена укроешься? повсюду найдутъ!» Я же ему отвѣтилъ: «дражайшій мой родитель, юность моя и любовь моя къ вамъ заставляетъ еще съ вами пожить и буду заниматься всѣми дѣлами житейскими и торговлею, только что вы ни заставите меня дѣлать;— и всѣ ваши препорученія исполнять буду, сколько силъ моихъ станетъ. Конечно, хотя я и начиналъ свои предпріятія, но они успѣхами не увѣнчались,—теперь надобно до времени отложить, покуда подросту побольше и буду поумнѣе; но хотя я и останусь у васъ работать міру, но не навсегда, а только до времени, а рано-ли, поздно-ли, а долженъ я васъ оставить итти во слѣдъ Іисуса Христа и исполнить свое обѣщаніе и намѣреніе, хотя бы вы меня и женили, хотя бы я и дѣтей нарождалъ, и тогда все оставлю и пойду работать Господу Богу. Только развѣ

посѣчетъ меня, какъ зеленую пшеницу, смертный серпъ, тогда уже буди воля Господня, а не моя».

24.

Родитель мой, выслушавъ меня, остался доволенъ моимъ отвѣтомъ, потомъ немедленно отправилъ меня на чуждую сторону по торговымъ дѣламъ: вотъ съ этого времени принялся я совершенно за торговыя и за всѣ мірскія дѣла и вступилъ я на поприще мірскія суеты и ринулся я въ пещь соблазновъ и искушеній міра сего. Начало меня жечь и палить со всѣхъ сторонъ—только повертывайся,— и пустился плыть по житейскому морю въ малой и худой своей лодочкѣ, обуреваемой со всѣхъ сторонъ волнами и душевными бѣдствіями; того и смотрѣлъ, что погружусь въ бездну грѣховъ—и пропадетъ душа моя; хотя и предалъ всего себя міру, но душу и тѣло мое, сколько силъ моихъ было, хранилъ чистыми и непорочными; хотя и окружали меня со всѣхъ сторонъ бѣдствія, но я все-таки всему сопротивлялся, хотя и былъ занятъ всѣми дѣлами міра сего, но во внутреннемъ человѣцѣ душа моя безпрестанно вопіяла и плакала и, какъ младенецъ, поднявъ руки ко Господу, кричала со слезами: «Изъ глубины души взываю къ Тебѣ Господи, Господи, услыши гласъ мой: изведи изъ темницы міра сего суетнаго душу мою; да буду исповѣдывать святое имя Твое, во вся дни живота моего, ибо аще не Ты, Господи, подаси руку помощи Своея, то вѣчно вселится во адъ душа моя, ибо хожду посредѣ сѣтей смертныхъ, ибо со всѣхъ сторонъ окруженъ я сѣтями и отовсюду обыдоша мя врази мои, страшные исполины, діаволъ со всѣми своими полчищами и коварствами, міръ со всѣми своими прелестями, соблазнами и роскошами, плоть со всѣми своими страстями и похотями, вотъ между такими-то я нахожусь опасностями и съ такими-то страшными и великими врагами — предлежитъ брань и война; да еще бѣда и та, что сижу на юномъ конѣ, необузданномъ, который рвется и прыгаетъ во всѣ стороны

и стремнины, того и смотри, что куда-нибудь ринется въ стремнину и погубитъ меня, что чуть-чуть едва могу удерживать его за вожжи, а помощниковъ отъ человѣкъ никого нѣтъ, ибо не имѣю ни учителей, ни наставниковъ, ни предводителей, но токмо къ Тебѣ Господу Богу моему прибѣгаю и молитвенно призываю, буди мнѣ помощникъ и прибѣжище въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ мя зѣло!» И когда бывалъ гдѣ-нибудь въ уединеніи и слезами умывая лице свое, воспѣвалъ пѣснь сію:

25.

«О! юность, моя юность, младое ты время и тяжкое бремя, какъ мнѣ тебя младу будетъ провождати,—и законъ Божій соблюдати и душу спасати? О юность, моя юность, тяжкое ты время, и несносное бремя, и конь не обузданъ, быстро ты стрѣкаешь, грѣхами отягчаешь и душу мою погубляешь; но пріидетъ время, что возьму вожжи въ руки, буду управляти по тому пути спасенну и душѣ полезну».

26.

Такъ протекла моя жизнь посредѣ міру и его сѣтей и соблазновъ, и началъ меня міръ опутывать своими сѣтями, время отъ времени, день ото дня, часъ отъ часу,—болѣе и болѣе.

Но, хотя и оставилъ меня Господь пожить посредѣ міра и его сѣтей, но это все былъ промыслъ Божія человѣколюбія о мнѣ, какъ я теперь понимаю, хотя тогда и тяжко было мнѣ вывариваться въ такомъ котлѣ соблазновъ;—первое: что выростилъ меня до совершенныхъ лѣтъ и до усовершенствованія ума и разсужденія, дабы послѣ не сталъ раскаиваться о таковомъ начатіи иноческой жизни. Второе: захотѣлъ мнѣ показать и раскрыть міръ и его прелести и соблазны, его утѣхи и горести, его превратность и непостоянство, ибо хотя и немного прожилъ я въ мірѣ, не болѣе 8-ми лѣтъ, совершенно привязаннымъ, но

всѣ его утѣхи, сладости, горести и превратность вкусилъ и прошелъ на самомъ дѣлѣ, ибо принятъ былъ я во всѣхъ обществахъ и находился во всѣхъ собраніяхъ: между дворянами—послѣднимъ нищимъ, между купцами,—среднимъ поселяниномъ, а между низшимъ классомъ—первымъ. Но благодарю Господа моего, что во всѣхъ обществахъ былъ одинаковъ, ибо міръ, и его прелести, и соблазны, и суеты его не могли потушить искру благодати Божіей, впадшую въ мое сердце. Еще въ малолѣтствѣ моемъ, но все часъ отъ часу она возгоралась, хотя я тѣломъ находился между товарищами и друзьями и въ кругу разныхъ собраній, но душа моя завсегда горѣла любовью къ Богу и летѣла бы въ уединенныя и пустынныя мѣста; зато и звали меня всѣ—игуменомъ, ибо не любилъ я никакихъ забавъ и увеселеній, ни кощунства, ни игръ, ни смѣха, хотя иногда и шутилъ, но и то очень скромно, ибо я отъ природы свойства веселаго и привѣтливаго, ибо гдѣ я бываю въ компаніи, то никого не допущу быть въ скорби и печали; но и непристойнаго что сдѣлать никто не отважится, а когда бы кто зачиналъ дѣлать, но другой скажетъ: перестань, игуменъ здѣсь—и замолчатъ, ибо всѣ мои были разговоры отъ священнаго писанія и отъ книгъ, память была у меня великая, завсегда говорилъ съ цѣлью, въ какой находился компаніи, или въ защиту Церкви и священства, или къ исправленію нравовъ и жизни, или о высотѣ и славѣ иноческой жизни, или превозносилъ выше небесъ общежительную и безмолвную пустынную жизнь. Зато любили меня всѣ мои сотоварищи и друзья и называли меня юнымъ старцемъ и всѣ за счастіе почитали когда случался гдѣ я въ компаніи.

27.

Случалось многажды, что нѣкоторые начнутъ говорить худо о монахахъ и священникахъ, хотя бы и о великороссійской Церкви, осуждать и поносить ихъ, то я бываю съ самою великою ревностью противъ этого защитникомъ:

«какъ вамъ мірскимъ людямъ, которые находитесь какъ паршивые козлища и валяющіеся, какъ свиньи въ грязи, говорить про Христовыхъ пастырей, или про Христовыхъ воиновъ, или про земныхъ ангеловъ и небесныхъ человѣковъ? Намъ ли говорить про нихъ, мірянамъ, которые ежеминутно валяемся во всѣхъ страстяхъ и суетахъ міра сего, которые ежеминутно грѣшимъ, да и признаться и покаяться въ томъ не хотимъ, да еще себя и оправдываемъ? Иноки такіе же человѣки, какъ и мы, носящіе кровь и плоть, оставившіе міръ и его суеты, и удалившіеся въ монастыри, и вступившіе въ войну и борьбу со врагами и діаволами, съ міромъ и плотію своей; но какая то бѣда, что гдѣ нибудь случилось бы ему и поткнуться, или быть раненому? За это укорять намъ не должно, потому что инокъ только лишь поскользнется и упадетъ, то немедленно вскакиваетъ и бѣжитъ впередъ, а какъ только лишь получитъ рану, то немедля поспѣшаетъ во врачебницу, въ свою келію; и тамъ слезами залѣчиваетъ свою рану, а мы, міряне, не только, что упали, но упавши, лежимъ въ грязи;—о возстаніи своемъ и не думаемъ, но еще болѣе и болѣе въ ней валяемся; также уже тысячи ранъ получили отъ враговъ и всѣ находимся въ струпьяхъ, но объ излѣченіи своемъ никто и не помышляетъ, а хотя и случится намъ сдѣлать какую добродѣтель: подать милостыню, или сотворить ближнему помощь, или помолиться Богу, то всячески стараемся, чтобы сдѣлать это при публикѣ и чтобы всѣ это знали и насъ похваляли,—или съ цѣлью, чтобы Богъ далъ намъ счастье въ мірѣ семъ, чтобы побольше собрать богатства и получить временную славу, а для спасенія души своей едва ли кто дѣлаетъ добродѣтели».

Отъ этого боялись при мнѣ что-нибудь худое говорить о монахахъ; иногда и случалось что-нибудь кому говорить о монахахъ худое, но другой сейчасъ возражаетъ: эй, братъ, молчи, объ этомъ не говори—здѣсь есть монашескій игуменъ, онъ за нихъ встанетъ; —и всѣ замолчатъ.

28.

Живя въ мірѣ, я хотя и былъ юнымъ отрокомъ и предлагаемое все употреблялъ, что святые отцы позволили мірянамъ, но мясо хотя и ѣлъ, но его не любилъ; горячихъ напитковъ никакихъ не пилъ, съ женскимъ поломъ обращаться не терпѣлъ, одежду носилъ самую скромную, полумонашескую, службъ церковныхъ никогда не пропускалъ. Ежели нѣтъ часовни, то дома читалъ. Всѣ торжества, крестные ходы и процессіи—завсегда любилъ, ходить и присутствовать въ великороссійской Церкви при православномъ архіерейскомъ торжественномъ благолѣпіи,—это много дѣлало на мое сердце вліянія и дѣйствія.

29.

Гдѣ дѣлали собранія раскольники между собою, говорить и спорить о вѣрахъ, то я завсегда находился между собраній этихъ сочленомъ, ибо я самъ былъ великій охотникъ спорить и разговаривать о догматахъ вѣры. Ежели самъ не узнаю, когда это собраніе и гдѣ, то за мной сейчасъ присылаютъ, ибо поповщинскій толкъ имѣлъ во мнѣ великую опору и защитника Церкви и священства; ибо множество у меня было друзей и сродниковъ, придерживающихся безпоповскаго толка, то случалось мнѣ бывать между сотни одному и ночевать у нихъ; и по цѣлой осенней ночи, по 12 часовъ и болѣе проводить въ разговорахъ безъ сна, ибо всѣ толки старались меня склонить на свою сторону, надѣясь меня имѣть необоримымъ своимъ столпомъ и защитникомъ, ибо юное сердце можно склонить на какую хочешь сторону; но я благодатію Божіею устоялъ противъ всѣхъ бурь непреклоннымъ въ своемъ мнѣніи—при церкви и священствѣ; ибо, бывало, натаскаемъ цѣлыя кучи книгъ древнихъ, рукописныхъ и печатныхъ, а которыхъ нельзя было найти древнихъ или вовсе ихъ еще и не было въ переводѣ славянскомъ, тѣ

замѣняли новыми, какъ-то: бесѣды евангельскія и апостольскія, Златоустаго Іоанна, Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, богословія Игнатія Богоносца, священно-мученика Кипріана, толковый псалтирь Иринея, архіепископа Архангельскаго, а потомъ Псковскаго, его же толкованія на пророковъ и иныхъ много; на концѣ этой статьи сдѣлаю выписку изо всѣхъ тѣхь книгъ, которыми я доказывалъ имъ о вѣчности Святой Христовой Церкви, ея таинствахъ, священствѣ и о причастіи тѣла и крови Христовой; а наипаче всего болѣе заграждалъ имъ уста изъ св. Евангелія, изъ Апостола, ибо противъ Евангелія и Апостола ничего они не могутъ доказывать и ничего не находятъ написаннаго въ свою пользу. Но въ книгахъ св. отецъ находятъ себѣ пролазки и перетолковываютъ въ свою пользу, но и то я объяснялъ слова святыхъ отецъ для какой цѣли они это писали. Но когда коснешься до Евангелія и Апостола, то они онѣмѣютъ и молчатъ противъ сего и всѣ соглашаются со мной и говорятъ: это, правда, что трудно безъ Церкви и таинствъ (Христовыхъ) церковныхъ и безъ священства спастись почти невозможно; противъ этого сказать нечего; это правда, что всѣ тѣ, которые находились внѣ Христовой Церкви—именовались еретиками или раскольниками и никто, кромѣ ея, спастись не могъ. Всѣ святые спаслись и взошли въ царствіе небесное только чрезъ Церковь, и только чрезъ эти врата можно войти въ царствіе небесное. Но ты скажи намъ то, которая она есть и гдѣ она находится; а церковь вѣтковская, при которой ты находишься и къ которой принадлежишь и которую ты стараешься защитить—она истинною Христовою Церковью назваться не можетъ никакъ и спастись при ней сомнительно, ибо и ваша церковь не Христова, потому что съ Евангеліемъ отнюдь не согласна; такъ, какъ и наша,—все единственно, ибо наша церковь безъ священства, а ваша безъ епископства—ибо это все едино. Какъ истинный христіанинъ не можетъ быть безъ священника, такъ равно и священникъ не мо-

жетъ быть безъ епископа; а Христова Церковь по Евангелію, и Апостольская, должна быть съ епископами, ибо Господь Іисусъ Христосъ далъ власть свою править Церковію и ключи отъ царствія небеснаго Апостоламъ, а они поставили вмѣсто себя епископовъ и передали имъ власть и ключи Христовы отъ царствія небеснаго. Вотъ теперь покажи же намъ отъ писанія, что можетъ ли истинная Христова Церковь быть безъ епископа, или когда была ли она безъ епископа, ибо все писаніе гласитъ, что Церковь сопряжена и соединена съ епископомъ, какъ душа съ тѣломъ, или какъ мужъ съ женою, или какъ глава съ туловищемъ, или, лучше сказать, какъ со Христомъ, такъ и съ епископомъ.

30.

Вотъ тутъ-то бываетъ бѣда моя, вотъ эти-то огненныя стрѣлы и раскаленныя ядра поражали меня; вотъ тутъ-то я начну кидаться и бросаться, чтобы найти, чѣмъ возразить противъ этого, но не могу ничего найти и встану втупикъ и замолчу. Дѣлать больше нечего. Одинъ другому заградимъ уста, что всѣ мы не правы—и помиримся и разойдемся; но послѣ этого бываетъ скорбь сердечная, тоска и скука, даже, нерѣдко, и болѣзнь; потому что досадно, что не можемъ ничѣмъ доказать этого, Послѣ этого закаиваешься, что впредь ходить на эти споры и собранія не буду; но послѣ опять позабудешь, ибо по ревности моей за Церковь паки бѣгу въ эти собранія, думая, авось, не дастъ ли Богъ кого-нибудь обратить и убѣдить къ Церкви. Но хотя и казалось мнѣ, что эти пренія, собранія и споры не приносили никакихъ плодовъ: ни душамъ нашимъ, ни Христовой Церкви; но послѣ оказалось, что святая Христова Церковь обобрала много плодовъ, и плодовъ очень хорошихъ, да и тогда она много обирала, какъ мы послѣ замѣчали. Первое то, что мы, сами спорники, иногда приходили въ сомнѣніе вообще о всемъ расколѣ. Второе—бывали въ собраніяхъ безпри-

страстные слушатели, и видѣли, что всѣ мы неправы и заградили одинъ другому уста, то обращались къ Православной Церкви. Третье—завсегда бывали и сами православные, то они наиболѣе утверждались въ своей вѣрѣ и Церкви, видя, что всѣ толки, называемыхъ старообрядцами, ничто иное, какъ одни только раздоры и пустые толки.

31.

Случалось иногда и наединѣ сидѣть и размышлять о всѣхъ этихъ толкахъ и спорахъ и сектахъ—и думаешь: что безпоповцы однимъ меня одолѣваютъ, что мы не имѣемъ Епископовъ—и только противъ этого не могу я имъ отвѣтить и оправдаться; но я имъ всѣми книгами заграждаю уста и доказываю писаніемъ, что они совершенно заблудшія овцы и неимѣющіе никакой надежды спасенія; но ежели мнѣ гдѣ нибудь случится имѣть разговоръ и прѣніе съ чадами грекороссійской Церкви,—чѣмъ я буду ихъ обличать или оправдываться? О Боже мой, что такое,—вѣдь отнюдь противъ ихъ нечего говорить и оправдываться;—ибо Церковь у нихъ есть, таинства церковныя имѣютъ всѣ, освященный чинъ полный, всѣ степени, и мы сами священниковъ получаемъ отъ нихъ, и самая благодать Св. Духа чрезъ нихъ же и на насъ изливается; а когда у нихъ ея нѣтъ, то стало быть и у насъ ее не бывало; а ежели у нихъ благодать Св. Духа, то неужели ихъ то Церковь правая и истинная; а хотя наши старообрядцы и укоряютъ ее и находятъ вины, для которыхъ отъ нея отдѣляются, но и то только въ однихъ обрядахъ церковныхъ; а о догматахъ вѣры ни слова не говорятъ, а за догматы считаютъ одни обряды,—отъ того приходилъ въ оцѣпенѣніе и отъ того боялся про грекороссійскую Церковь что нибудь хульное, или унизительное, и даже что либо боялся о ней говорить, но полагалъ ее въ судьбахъ Божіихъ и боялся кого нибудь отъ нея отвлечь къ себѣ и своему согласію. Это было, какъ я теперь чувствую, дѣй-

ствіе благодати Св. Духа и тайное призываніе къ Святой Христовой Церкви: но самъ все-таки оставался въ расколѣ до времени.

32.

Но хотя я и находился посредѣ міра и его соблазновъ, въ кругу общества самаго обширнаго и въ заблужденіи раскольническомъ, хотя и по невѣденію, но благодать Божія хранила меня во всѣхъ путяхъ моихъ и даже обильно изливалась на меня, ибо сколько чудеснымъ образомъ былъ я спасаемъ отъ болѣзней, даже отъ самыхъ смертей, отъ разбойниковъ и отъ потопленія, ибо торговля наша была по большей части по водамъ,—и исчислить не могу сколько разъ я былъ Богомъ спасенъ отъ душевныхъ бѣдъ и опасностей; и многажды выхватывалъ уже меня изъ самаго пламени и пещи; ибо, бывало, гдѣ уже никакой помощи человѣческой нѣтъ и не предвидится, то я, какъ дитя, поднимаю свои руки ко Господу Богу, и тотъ же часъ или самую ту же минуту получаю Его святую помощь;—удивленія было достойно да и только. Это не только было одному мнѣ замѣтно и извѣстно, но и всѣмъ ближнимъ моимъ и знаемымъ моимъ. Бывало, удивляются надо мной дѣющимся чудесамъ и Божіей помощи, хранящей меня,—и начали всѣ бояться меня, чтобы чѣмъ меня не оскорбить, ибо за всякое оскорбленіе Богъ ихъ наказывалъ; да и мнѣ было жить не легко, ибо ни одного порока такъ не прошло, чтобы Богъ меня не наказалъ; но миловалъ, щадилъ и безпрестанно наказывалъ любя, и сдѣлался я какъ бы наставникомъ, ибо всегда я въ дѣлѣ: или куда зовутъ, или у меня кто сидитъ, а наипаче меня любили тѣ, которые имѣли намѣреніе въ монастырь, ибо всѣ эти прибѣгали за совѣтами, и я много въ то время сѣялъ сѣмя; тогда оно было и не замѣтно, но послѣ, когда я совсѣмъ ушелъ въ монастырь, тогда-то оно принесло много плодовъ.

33.

Но я, живя среди міра и его соблазновъ, въ самыхъ юношескихъ лѣтахъ, въ самомъ пылкомъ возрастѣ,—хотя и въ страсти не погружался, ибо огнь любви Божіей во мнѣ пылалъ, но мало по малу началъ утихать; ибо міръ и его прелести начали его своими волнами заливать, и я отъ ужаса трепеталъ, что ежели огнь мой во мнѣ потухнетъ, то я пропалъ въ мірѣ и не исполню своего обѣщанія и желанія; но всетаки надѣялся на Господа Бога, что какими нибудь судьбами меня вытащитъ. Но я все часъ отъ часу болѣе и болѣе запутывался въ мірскія сѣти и день ото дня труднѣе и труднѣе становится мнѣ изъ нихъ выпутаться. Вотъ наконецъ Господь Богъ захотѣлъ меня вытащить изъ міра какими судьбами,—почти усильственными.

34.

Въ одно время случился моръ великій на людей, въ одномъ градѣ, а я случился тамъ; что же—померли у меня всѣ прикащики и рабочіе, и я всѣхъ самъ возилъ на кладбище; потомъ нанялъ другихъ—и другіе также померли—и я этихъ всѣхъ самъ свозилъ на кладбище.

Вотъ въ жизни моей Господь привелъ мнѣ видѣть какое страшное зрѣлище, ибо по улицамъ цѣлыми обозами возили мертвыхъ,—запустѣли почти всѣ дома и торжища, и прекратились всѣ дѣла человѣческія, ибо пути до кладбища сдѣлались какъ неизсякаемый потокъ; въ нѣсколько рядовъ идетъ и ѣдетъ народъ: одни везутъ мертвыхъ, а другіе возвращаются домой. Когда я самъ привозилъ по два и по три гроба заразъ, то видѣлъ своими очами, какъ всѣ кладбища укладены были гробами и мертвыми тѣлами, потому что не успѣвали погребать, ибо кладбища было подобно ярмаркамъ: тысячи тамъ людей живыхъ и мертвыхъ, ибо живые погребаютъ мертвыхъ—и не успѣваютъ,

кто закапываетъ, а другіе привозятъ мертвыхъ, ибо никто уже ничего не помышляетъ, а заботится только о томъ, чтобы изготовить себѣ могилу. Вотъ я здѣсь то видѣлъ, что всякій человѣкъ всуе мятется, собираетъ богатство и невѣсть кому собираетъ; ибо на богатыхъ гробахъ насыпаны кучами злато и сребро, для того, чтобы поскорѣе погребли его въ землю, но оно вмѣняется яко прахъ, и никто на него не обращаетъ вниманія, и родные сидятъ полумертвыми и держатъ въ рукахъ горсти золота и даютъ погребателямъ, чтобы поскорѣе положили въ землю ихъ родного, дабы при своей жизни погребсти его, потому что и сами ожидаютъ немедленно того же урока. Но имъ одинъ отвѣтъ: ступайте прочь со своими деньгами, а когда придетъ очередь, то погребемъ и безъ денегъ; на что же намъ деньги, когда уже мы изготовили себѣ могилы.

Вотъ было зрѣлище и зрѣлище плачевное! Я иногда, привезя гроба, ходилъ по кладбищу часа по два и по три иногда и болѣе,—вмѣстѣ съ господами, дворянами и купцами,—пособлялъ закапывать мертвыхъ, ибо тогда различія въ сословіяхъ не было, но всѣ были въ равенствѣ. Тутъ-то я могъ видѣть всю превратность человѣчества, суету и тлѣніе: ибо видѣлъ, какъ по два гроба привозили на одной повозкѣ и спрашивалъ: кто это такіе? и узнавалъ, что это новобрачные и только лишь окончили пиръ; а вотъ они прибыли на другой плачевный пиръ.

Видѣлъ и то, какъ изъ одной привезли жениха, а изъ другой невѣсту и вотъ гробы ихъ поставили рядомъ, и родители, сидѣвшіе при гробахъ, оплакивали, что совершили бракъ на кладбищѣ. Видѣлъ я своихъ друзей и знакомыхъ: какъ они за нѣсколько часовъ со мной разговаривали и тутъ уже лежатъ мертвыми. Увидишь знакомыхъ—спросишь: кого привезли? Скажутъ: того-то. Да какъ такъ скоро,—онъ недавно здѣсь былъ; привозилъ и со мной видѣлся; но вотъ уже онъ лежитъ бездыханнымъ.

Вотъ я пріѣзжаю на квартиру и уже дѣлаютъ гробы. Спросишь: кто померъ? Говорятъ, что уже двое: такой-то

и такой; а я немедленно опять отправляюсь на кладбище. Кто-нибудь спроситъ: почему же я самъ вожу мертвыхъ на кладбище? Потому что я уже почти и не имѣю власти заставить повелительно, что пришло каждому до себя,—уже хозяевъ и повелителей не стало; да еще каждый отзывался боязнію. И воистину страшно было итти на кладбище, даже невидавъ это зрѣлище, всякаго ужаса исполненное, а я уже привыкъ, да еще и смерти не очень боялся, но всю надежду свою возвергъ на Господа; и это зрѣлище считалъ себѣ училищемъ и академіею.

35

Вотъ здѣсь-то надо было воспѣть одного (старца) отца святаго пѣснь сію *):

«Великій праздникъ нынѣ у смерти: созвала она и собрала всѣ племена и народы: созвала царей и князей, сильныхъ и обладателей. Призвала вселенную отъ концевъ ея, собрала роды и поколѣнія, острова и обители ихъ—отъ одного конца до другого; и отверзъ гортань свою алчный шеолъ, поглощающій всѣ поколѣнія.

«Какъ царь стоитъ смерть въ обители мертвыхъ, окруженная воинствами своими, безсчисленными тьмами, полчищами и сонмищами людей, которыхъ созвала, чтобы всѣ ее узнали. Низложила она человѣчество и ввергла во тьму къ умершимъ: среди безмолвныхъ цѣлые холмы сложила изъ добрословесныхъ. Челюсти гробовъ отверсты, а двери чертоговъ заключены. Наполнились гробы тѣлами умершихъ, безъ жителей пусты остались домы: протоптана дорога къ мертвымъ; запустѣлъ путь къ живымъ.

«Не знаютъ сытости шеолъ и обитатель пагубы, гробы не говорятъ: довлѣетъ; всякій трудъ, всякое дѣло прекратилось у сыновъ человѣческихъ.

«Оставлены ими имущества и домы, каждый роетъ себѣ могилу:—день и ночь роютъ себѣ могилы и не спасаются отъ нихъ. Всякій заботится о томъ, чтобы приготовить

*) Ефрема Сирина, часть 6, глава 62, въ Русскомъ переводѣ.

ровъ скорѣе своему тѣлу, и ровъ этотъ ему пріятнѣе ложа подъ богатымъ покровомъ.

«Каждый спѣшитъ вырыть столько могилъ, сколько людей у него въ домѣ: продаетъ все, что ни имѣетъ у себя, только бы приготовить себѣ погребальныя одежды.

«И золото и сокровища въ пренебреженіи: одни только гробы цѣнятся высоко.

«Выносящіе мертвыхъ, какъ неизсякающій потокъ, покрываютъ путь въ жилище мертвыхъ; по множеству умирающихъ недостаетъ и могилъ: каждый заботится о своей только могилѣ.

«Заботится прежде приготовить для своего праха могилу, а потомъ уже и для другихъ. Мало земли для могилъ, вся она изрыта, вся ископана.

«Безъ погребенія лежатъ мертвецы, и тлѣющія тѣла нѣкому отнести въ могилу.

«Исчезла надежда человѣческая, насталъ день»... и прочая.

Все это я видѣлъ своими очами, и благодарю Господа Бога, что это меня встрѣтило на чуждой странѣ, что не видѣлъ смерти родныхъ своихъ. И то иногда отъ ужаса падалъ въ обморокъ—только и помогалъ Богъ, да масло деревянное, ибо какъ сердце станетъ хватать, то немного масла выпьешь и тотъ же часъ почувствуешь легкость.

36.

Родители писали: чтобы все бросалъ имѣніе и поспѣшалъ бы домой, но уже это было поздно; вотъ и прошелъ я такой огнь, гдѣ много тысячъ пожато серпомъ смертнымъ, но я все-таки оставался въ живыхъ; ибо Господь меня сохранялъ. Наконецъ и меня стрѣлою поразилъ ангелъ смерти, но не такъ очень сильно; другіе умирали въ нѣсколько минутъ, и я также былъ на волоскѣ отъ жизни, но помощію Божіею возвращенъ къ ней.

Ибо въ одинъ вечеръ ѣхали мы съ двоюроднымъ братомъ очень на хорошемъ экипажѣ, что мнѣ случилось первый разъ. Я говорю брату: что я первый разъ ѣду на такомъ экипажѣ, да и послѣдній, ибо чувствую себя не-

здоровымъ очень; а онъ это почелъ за шутку. Однако пріѣхали на квартиру и легли спать; хотя я чувствовалъ боль, но слабую.—Потомъ, проснувшись, мнѣ сдѣлалось очень худо,—я испугался, засвѣтилъ огня, началъ молиться Богу, и началъ было читать псалтирь; разогнувъ ее, у меня сдѣлалось круженіе головы, и я не могъ читать молитвъ; сложивъ книгу, надѣлъ тулупъ, перекрестясь, упалъ на землю и заплакалъ, началъ просить Господа, да избавитъ меня отъ напрасныя смерти, да дастъ мнѣ кончину съ покаяніемъ и со причастіемъ Св. Таинъ, и да дастъ мнѣ исполнить свое обѣщаніе и послужить Ему Господу Богу въ иноческомъ образѣ на пользу ближняго, и ежели останусь въ живыхъ, то уже больше въ мірѣ жить не буду, и тако молясь, заснулъ. Поутру вставъ увидѣли, что я лежу по среди пола, испугались и подумали, что я уже мертвый.

Я же проснувшись простоналъ; они спросили: здоровъ ли? Я сказалъ, что слава Богу здоровъ и внутри тяжелаго не чувствую. Они подняли меня на руки, и я мало-по-малу началъ прохаживаться, но хотя было и полегче стало, однако послѣ стало хуже и хуже; наконецъ достигъ къ смерти и пожелалъ причаститься Св. Таинъ тѣла и крови Христовыхъ и исповѣдаться; и просилъ, чтобы свезли меня на часовенній дворъ къ нашему священнику, бѣглому попу; вотъ пріѣхавъ, двое подвели меня къ крыльцу подъ руки. Выходитъ попъ и я кланяюсь ему и показываю ему въ рукѣ деньги рублей 25. Онъ же закричалъ, какъ звѣрь: «ступай отсюда уже много вашего брата здѣсь подохло!» Я было началъ кланяться, а онъ еще громче закричалъ. Я сказалъ: «везите меня домой—это не пастырь, а волкъ». Пріѣхавъ на квартиру, положился умереть безъ причащенія; а къ Православному священнику итти уже забоялся и просилъ Господа Бога: да устроитъ и спасетъ меня Самъ.

Потомъ мало-по-малу выздоровѣлъ.

Сообщилъ Архимандритъ Ніконъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ
ИГУМЕНА
ПАРѲЕНІЯ.*)

37.

Моръ и болѣзнь прекратились, и мы очень хорошо торговали, но меня уже ничто не веселило, и я, по окончаніи дѣлъ, хотѣлъ было уѣхать въ монастырь;—но любовь къ родителямъ еще повлекла домой. Пріѣхавъ домой, уже былъ дома, какъ странникъ: любовь къ родителямъ и ко всѣмъ роднымъ охладѣла и домъ сталъ непріятенъ; разговоры, пренія и даже собранія всѣ у меня прекратились. Хотя я былъ отъ природы самаго веселаго характера; но во всю зиму не видали меня, чтобы я когда улыбнулся; но только у меня было и помысловъ, какъ бы мнѣ вырваться изъ сѣтей міра; и даже положилъ въ своемъ умѣ, чтобы до смерти ни съ кѣмъ не имѣть пренія о вѣрѣ, потому что эти пренія очень огорчаютъ душу,—потому что никто самъ себя отъ писанія оправдать не можетъ, потому что по писанію и по правиламъ св. отецъ всѣ мы не правы и сбились съ дороги. Но удалиться вознамѣ-

*) Настоящую статью, не смотря на то, что она составляетъ продолженіе (см. декабр. кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1898 г), могутъ читать и не читавшіе ея начала. *Ред.*

рился въ самую внутреннюю пустыню и единому Богу плакаться о грѣхахъ своихъ, авось Господь, можетъ быть, умилосердится надо мной и помилуетъ меня. Хотя и видѣлъ я, что уже недостаточна наша Ветковская церковь; но однако отстать отъ нея никогда и не думалъ, и положился при ней окончить жизнь свою, хотя и православную Церковь я очень не порочилъ, но обратиться къ ней не думалъ потому, что видѣлъ въ ней нѣкоторыя небреженія по службѣ церковной и другія мелочи, которыя по тогдашнему моему мнѣнію казались догматическими и не позволенными, но Церковь любилъ, а наипаче въ послѣдній годъ, живя въ мірѣ. Но въ разбирательство никогда не входилъ о великороссійской Церкви, что за какія вины мы отъ нея отлучились, и какія наши старообрядцы находятъ въ ней догматическія погрѣшности, и какимъ образомъ она перемѣнила книги? Но все это оставалось внѣ моего любопытства и изысканія; хотя сами между собою, съ старообрядцами, и любилъ имѣть пренія и изыскивать истину, но это, какъ мнѣ кажется, была неизреченная Господомъ благость ко мнѣ, которая хранила меня отъ этого, чтобы въ юномъ пылкомъ возрастѣ, по неразумной ревности, не сказать бы чего жестокаго на Христову Церковь, и тѣмъ не похулить бы Духа Святаго, въ ней дѣйствующаго, и тѣмъ бы вѣчно не отлучить себя отъ Бога; ибо похулившимъ Духа Святаго—тяжкое отъ Бога есть изреченіе, что не отпустится имъ грѣхъ сей ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Вотъ поэтому и хранилъ Господь меня съ нею имѣть преніе.

38.

Въ одно время вотъ со мной случилось какое происшествіе: въ одну ночь спалъ я въ дому между родными и товарищами; что же, я просыпаюсь и вижу себя нагимъ совершенно, хотя бы ниточка на мнѣ была,—кромѣ одного креста. Я, видя сіе, испугался и поднялъ все семейство. Всѣ смотрѣли на меня съ удивленіемъ и ужасались,

что это и какъ могло случиться, лежа между людьми плотно, и надобно было распоясываться и скидать верхнее и нижнее платье и едва нашли одежду, ибо она была засунута въ углу позади постели. Много родные трактовали и не знали, что это за предвѣщеніе! А я призналъ сіе за извѣщеніе отъ Бога, что такъ видно надобно мнѣ обнажиться всего мірскаго и житейскаго попеченія и обнаженному отъ всего мірскаго пристрастія работать истинно и усердно единому Господу Богу.

39.

Въ одно время, нощію, шли мы съ двоюроднымъ братомъ, также юнымъ; онъ, держась за мои руки, лобызалъ меня и горько плакалъ и говорилъ сіе: «возлюбленный мой братъ! ты знаешь, что я люблю тебя съ малыхъ лѣтъ и уважаю тебя и даже имѣю тебя за отца духовнаго и за наставника, то прошу тебя со слезами, повѣдай мнѣ свою тайну сердца, ибо всѣ мы знаемъ, что ты съ малыхъ лѣтъ имѣешь великую любовь къ Богу и стремленіе ко иноческой уединенной жизни, то откройся мнѣ, когда ты полагаешь свое намѣреніе привести въ исполненіе и оставить все житейское попеченіе; ибо и я такое же имѣю стремленіе и отъ тебя не отстану и пойду вмѣстѣ съ тобою во слѣдъ Христа; и ты будешь до самой кончины моей жизни предводителемъ и наставникомъ». Я ему сказалъ: «послушай, любезный братъ Василій, хотя огнь любви къ Богу и запылалъ въ тебѣ, но на него я надежды не полагаю, ибо онъ скоро потухнетъ: твой огнь подобно сѣну или льну и сильно запылаетъ, да скоро погаснетъ; потому я говорю это, что ты прежде сего никогда этого не говорилъ и я даже и не слыхалъ, чтобы ты имѣлъ желаніе итти въ монастырь. Ты смотришь на меня, что я это имѣю стремленіе съ малыхъ лѣтъ, но вотъ и по сіе время остаюсь въ мірѣ, да и боюсь, какъ бы не остаться и навсегда. Вотъ день за день, недѣля за недѣлей время пролетаетъ, а смерть этого не дожидается, какъ разъ подоспѣетъ. Но

впрочемъ скажу тебѣ, что нынѣшнимъ годомъ едва ли не исполню своего намѣренія и не совершу великаго своего предпріятія; но ты, ежели хочешь быть моимъ спутникомъ по жестокому пути Евангельскому во слѣдъ Спасителя Іисуса Христа, то какъ я соберусь и ты будь готовъ и поспѣшай ко мнѣ, уже я медлить не буду—хотя бы нагому, только бы вырваться изъ міра».

Онъ же обѣщался все исполнить: и вотъ когда пришло время, я сталъ ему говорить, что я готовъ совсѣмъ, а онъ началъ еще отлагать до времени и до другаго года. Что же, я ушелъ, а онъ остался дома. Послѣ меня, чрезъ нѣсколько времени, пришелъ онъ къ намъ въ домъ (это уже мнѣ моя мать сказывала послѣ) и много плакалъ обо мнѣ, потомъ сказалъ: «онъ и меня приглашалъ итти съ собой, но я не соглашался на это» мать же моя, а его родная тетка, начала ему говорить: «возлюбленный мой В., послушай ты меня, ибо я теперь осталась тебѣ вмѣсто матери: ежели ты съ нимъ совѣщался итти, или давалъ обѣщаніе быть инокомъ и работать Господу Богу, то иди за нимъ и ищи его, а то тебѣ и счастія не будетъ въ мірѣ, ибо Господь уже тебя записалъ въ книгу животную тогда, когда ты мысленно далъ обѣщаніе быть въ числѣ работающихъ Ему». Онъ же сказалъ, что я не обѣщался этого. Что же, поживши послѣ меня, женился и пожилъ немного—померъ, оставивъ молодую жену и сына.

40.

Возвращаюсь опять къ прежней своей повѣсти. Живши я дома, родные старались всячески меня возвеселить и ободрить, но не могли. Въ одно время окружили меня. Отецъ сталъ мнѣ говорить слѣдующее: «любезный сынъ, что ты дѣлаешь надъ нами, что ты всѣхъ насъ, своихъ родныхъ, повергъ въ уныніе; или уже ты положился уйти въ монастырь, то я тебѣ рѣшительно скажу, что ты этого и не помышляй, этого никогда не можетъ случиться, ибо

мы тебя не отпустимъ, а хотя ты уйдешь и безъ нашего благословенія, то нигдѣ отъ насъ не скроешься, хотя ты ушелъ бы за границу, то и тамо найду, ибо мнѣ всѣ наши старообрядческіе монастыри знакомы; въ пустыню уйдешь, и тамъ найдемъ, а оставь это свое намѣреніе, да живи дома. Не только одни монахи спасаются, можно спастись и въ мірѣ. Теперь скажи намъ рѣшительно, ибо вотъ приходитъ время, намъ надобно отправляться по дѣламъ нашимъ, что, ты будешь ли заниматься или уже нѣтъ?» Я ему отвѣтилъ: «возлюбленные мои родители! вы знаете мое стремленіе и намѣреніе съ самыхъ малыхъ лѣтъ ко иноческой жизни и уже полагалъ началы, но они успѣхами не увѣнчались и хотя собираюсь вотъ уже 8-мь лѣтъ, но все-таки живу дома. Но, конечно, я этого своего предпріятія не могу оставить, а уже когда-нибудь надобно его совершить;—но когда это исполню—неизвѣстно. Когда пріидетъ тотъ часъ, тогда я уже васъ безпокоить и благословенія требовать—не буду, хотя оно и необходимо нужно; но даже и не спрошусь васъ, ибо зная ваше неблаговоленіе и что вы не только не хотите дать благословенія, но еще хотите преградить путь мнѣ; но это ваше предпріятіе совершенно противно Евангелію и правиламъ св. отцевъ, и я пойду съ однимъ Божіимъ благословеніемъ; а послѣ, я надѣюсь, вы и сами меня благословите и будете благодарить меня, что я это сдѣлалъ. Теперь еще посылайте меня и заставляйте меня, что хотите, все съ любовію буду исполнять ваше приказаніе. Вы не сомнѣвайтесь, что я васъ обижу, если уйду и возьму ваше имѣніе; а если и пойду, то не только вашего, но и своего ничего не возьму, ибо пойду совершенно Бога ради. Но еще вы сказали, что будете меня преслѣдовать и искать, и думаете этимъ преградить мнѣ путь ко спасенію? Но я вамъ скажу, что я уже теперь не глупый, какъ былъ прежде, не только вы меня не найдете, но можетъ быть нѣсколько лѣтъ не будете имѣть и слуху обо мнѣ».

41.

Живя въ домѣ, я собралъ книгъ порядочную библіотеку рублей тысячи на двѣ и множество св. иконъ, ибо все мое было утѣшеніе въ книгахъ и иконахъ. Въ одну ночь я видѣлъ сонъ, очень замѣчательный; будто бы стоялъ я на нѣкоемъ полѣ, предстала предо мной дѣвица неизреченной небесной красоты, лучи сіяютъ отъ нея, яко солнце, и я весь отъ сладости ея растаялъ. Она сказала мнѣ: «вотъ я твоя невѣста» и я отъ сладости ея гласа проснулся; и это осталось навсегда въ моей памяти.

42.

Потомъ родитель, выхлопотавъ пачпортъ и давъ много денегъ, отправилъ меня на торговлю. Вотъ были странные проводы, что всѣ плакали до безпамятства; родителей уже положили на повозку безъ памяти. Они, проводивъ меня и пріѣхавъ домой, три дня плакали и говорили: «знать теперь закатилось наше красное солнышко навсегда, видно улетѣлъ нашъ ясенъ соколъ, видно онъ оставилъ навсегда свое теплое гнѣздо, видно пошелъ летать по всему бѣлу свѣту». Потомъ часто писали мнѣ письма, наполненныя жалости и горести; и я имъ писалъ письма утѣшительныя, но они имъ не вѣрили, а полагали, что я уже не возвращусь въ домъ, потому что всю зиму они меня замѣчали; но и я также не помышлялъ болѣе возвратиться въ домъ свой и хотѣлъ было уѣхать въ монастырь; нашелъ было товарища, но товарищъ не поѣхалъ со мной; послѣ я узналъ, что онъ женился и пожилъ съ женой полтора года и умеръ. Видно Бога-то обманывать— не брата своего; а я обязался большими дѣлами и расчетами, а ихъ тамъ окончить невозможно, а надобно ѣхать домой, а такъ уйти забоялся, дабы не обидѣть отца своего, и не навести бы на себя клятвы родителей, и вмѣсто спасенія—погибели.

43.

Поэтому, вмѣстѣ съ товаромъ, отправился домой. Прибывъ въ домъ въ самое заговѣнье Троицкое, нашелъ домъ свой въ жалкомъ положеніи и родныхъ почти всѣхъ больными. Родитель всю дорогу меня искалъ, дабы со мной повидаться, но разъѣхались; и такъ не видались.

Я спросилъ родительницу, что у васъ въ домѣ очень непріятно. Она же сѣла подлѣ меня и взяла мои обѣ руки, а сама горько зарыдала и начала говорить: «о возлюбленное мое чадо, послушай меня; вотъ что у насъ въ домѣ: какъ тебя проводили и по сіе время ежедневно у насъ въ домѣ плачъ; о чемъ плачемъ и сами не знаемъ; всю весну ничего не могли дѣлать, все изъ рукъ валится, да и только; а эти животные, кузнечики, куютъ во всѣхъ углахъ да и только. Охъ, какія-то Господь на насъ хощетъ послать скорби великія: либо кто-нибудь изъ насъ съ отцемъ помретъ или домъ сгоритъ, или иное что случится, а только нынѣшнее лѣто такъ не пройдетъ. Мы всѣ хотя не лежимъ въ постели, но едва ноги двигаемъ. Вотъ и тебя слава Богу дождались и увидѣли, но сердце мое ничего не возрадовалось».

Я ей сказалъ: «возлюбленная моя маменька! зачѣмъ прежде времени такъ себя убивать, еще и тогда можемъ наплакаться, когда пріидутъ скорби; но и тогда не надобно скорбію себя очень убивать, а вполнѣ предаться надобно въ премудрыя судьбы Божіи, буди Его святая воля; вы сами благоразумныя, иногда и людей утѣшали, что безъ Божіей воли власъ главы нашея не погибнетъ. Конечно, уже вы теперь можетъ позабыли скорби въ юныхъ вашихъ лѣтахъ, первыя шесть лѣтъ въ замужествѣ, къ которымъ васъ Господь Богъ пріучалъ. Ты сама сказываешь, что ты взята изъ богатаго дома своихъ родителей въ домъ своего мужа, а моего родителя, какъ васъ родные разлучили на 3 года съ мужемъ, и какъ

надъ тобой издѣвались, даже и били тебя безвинную; сама говорила, что по нѣсколько разъ на день омывала лице свое слезами; но вотъ, родивши меня, излилась на васъ благодать Божія, полились на васъ Его милости, отдѣлились вы отъ семейства; потекло къ вамъ богатство тлѣнное и сдѣлались вы богатыми и славными, и вотъ уже 20 лѣтъ почти вы живете, благоденствуя, со дня моего рожденія,—не бывало вамъ ни скорбей, ни болѣзней, а только одно спокойствіе и утѣшеніе. Ежели мы проведемъ въ такомъ положеніи всю жизнь свою, то какъ же мы надѣемся получить вѣчное Царство небесное, ибо по Господню слову его наслѣдуютъ только тѣ, которые въ мірѣ семъ препровождаютъ жизнь свою въ скорбяхъ и напастѣхъ, ибо сказано: что нужднцы восхищаютъ Царство небесное; ибо въ Царство небесное путь узкій и прискорбный, а то пожалуй, какъ мы теперь живемъ, Господь и скажетъ намъ: пріяли благая въ животѣ своемъ, то вы идите прочь отсюда».

Она же паки: «милое мое чадо и любимое, конечно, это такъ; я сама много слышала прежде это, но что дѣлать будемъ? духъ бодръ, да плоть немощна; я и сама знаю, что блаженны тѣ, которые въ мірѣ этомъ преходящемъ, претерпѣваютъ скорби; даже иногда и завидывала; но теперь еще и скорбей нѣтъ никакихъ, а что-то изнемогла духомъ».

Я: «дражайшая и милая моя маменька, возверзи всю сама себя въ волю Господа Бога своего; Онъ пошлетъ скорби— Онъ и утѣшитъ васъ; ибо враги на войнѣ тогда только страшны, когда еще не начинали войны и не подходили еще близко, а когда вступятъ въ войну, тогда и страха нѣтъ; такъ и скорби тогда онѣ кажутся страшными, когда еще не пришли, а когда придутъ, тогда и будемъ терпѣть, хотя и тяжко, но онѣ намъ будутъ учителями и наставниками. Только всего пуще надобно опасаться, чтобы не пороптать на Бога, дабы тѣмъ болѣе не оскорбить Его благость, хотя лишились бы дѣтей своихъ, или и имѣнія;

но завсегда надобно помнить слова праведнаго Іова: Господь далъ, Господь и взялъ; буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка, яко же угодно Господеви, тако и бысть».

Мать: «о милое мое чадо! О дражайшее мое чадо! О сладость моя! О утѣшеніе души моея! О, когда бы ты всегда услаждалъ горестную мою душу и держала бы я завсегда въ объятіяхъ и лобызала бы тебя мое милое чадо, то бы мнѣ съ тобой и скорби не скорби и болѣзни не болѣзни, и смерть бы съ тобою красна, но того-то мы и боимся, чтобы ты насъ не оставилъ, пусть бы пропало наше имѣніе, пусть бы мы лишились даже и своей сторочы, но только бы ты былъ съ нами, то все бы ничего, и все бы перенесли спокойно и благодарно. Но то-то наша скорбь и бѣда, что на тебя-то не имѣемъ надежды».

«Охъ, Боже мой! лучше бы намъ тебя не рождать, но родивши, лучше бы еще тебя въ пеленахъ похоронить, дабы не терпѣли мы съ тобой живой разлуки, ибо ты нашъ сынъ, ты и наставникъ нашъ. Охъ, истину скажу тебѣ, что ты ежели оставишь насъ, то мы скоро со скорбію сойдемъ во гробъ, но клятвами тебя не связываемъ, а только упрашиваемъ тебя; а ежели не послушаешь, то Господь съ тобою, потому что мы со скорби скоро умремъ».

Я: «о возлюбленная моя мати! зачѣмъ ты такія для сердца моего горестныя говоришь слова, которыя пронзаютъ мое сердце? Послушай меня, что я тебѣ буду говорить: скажи мнѣ, кто меня вамъ далъ и по какому мановенію я зачатъ во утробѣ вашей? Ты сама скажешь, что Господь Богъ меня вамъ далъ, то Господь Богъ и имѣетъ полную власть взять меня отъ васъ, ибо Онъ владѣетъ животомъ и смертію, то хотя я буду съ вами, но пріидетъ смертный серпъ— подкоситъ меня и возьметъ къ себѣ; вотъ у васъ и сына не будетъ. Какъ прошлаго года на одной ниточкѣ была жизнь моя, и вотъ давно уже бы не было меня. Но можетъ быть Господь только и оставилъ для того, чтобы послужить Ему во иноческомъ образѣ; то для чего

же вамъ убивать себя такою скорбію; неужели я первый начинаю этотъ путь? Ты знаешь, что есть тысячи примѣровъ, первые апостолы оставили домы, родителей, женъ и дѣтей, ибо Самъ Господь сказалъ: что аще кто любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ; а потомъ мученики и всѣ преподобные отцы всѣ почти оставили домы и родителей. Наполнены всѣ книги этими примѣрами: чети-минеи, прологи и синаксари. Еще примѣрно тебѣ скажу: а что ежели бы тебѣ Богъ сказалъ: дай Мнѣ сына, а я тебѣ дамъ царство небесное, то согласилась ли бы ты на это?»

Она отвѣтила на это: «какъ бы не согласиться».

Я паки началъ говорить: «то о чемъ же вамъ очень скорбѣть и плакать? я вамъ ручаюсь, что ежели я уйду въ монастырь, то вы за это получите царствіе небесное, да еще радость къ радости, ежели бы Господь привелъ и мнѣ къ вамъ попасть и быть вѣчно въ радости и веселіи. О какое это утѣшеніе! пусть бы на малое время въ жизни этой и разлучиться, а тамъ бы вѣчно радоваться. Еще скажу, хотя бы и случилось это, что я васъ оставлю, но я васъ оставлю непрестарѣлыхъ и не однихъ и не въ нищетѣ; слава Богу вы еще въ самыхъ силахъ, дѣтей у васъ еще останется и имѣнія довольно, ежели Господь не отниметъ, то до смерти его достанетъ; о чемъ же очень вамъ такъ скорбѣть и сокрушаться? Но и то еще Богъ знаетъ, уйду ли я въ монастырь или нѣтъ. Вотъ уже 10 лѣтъ собираюсь, а все еще дома живу, а хотя и совершу сіе предпріятіе, то вы сами знаете, что я назначенъ на служеніе Богу еще прежде зачатія во чревѣ, и еще ты не была замужемъ. Когда такъ, то зачѣмъ же очень о мнѣ плакать, надобно радоваться, что сынъ вашъ пошелъ не на худыя дѣла, а на служеніе Богу. Вотъ мнѣ воистину тяжко: оставить домъ и имѣніе, и съ вами, милыми родителями, на всю жизнь сію временную разлучиться и не видѣть вашего лица, также со всѣми родными и друзьями и идти неизвѣстно куда, странствовать по свѣту во всю

свою жизнь. Проведя жизнь въ богатствѣ и въ нѣжномъ воспитаніи, и быть самому послѣднему изъ нищихъ, но и то любовь Божія превозмогаетъ, ибо знаю, что все на семъ свѣтѣ хорошо и пріятно, а наипаче въ кругу родныхъ, а все тлѣнно и скоро проходитъ. Все-таки скоро или не скоро, поздно или рано, а надобно разлучиться и все оставить. Который я предназначаю себѣ путь, хотя и кажется неудобоносимый и сверхъ естества человѣческаго, но за то, по окончаніи этого пути, какая ожидаетъ награда и награда вѣчная, которой весь міръ сей недостоинъ единой вѣчной капли».

Мать: «милое мое чадо, конечно, это давно и сама знаю, что ты назначенъ на служеніе Богу еще прежде зачатія, и это знаю, что я тебя родила не такъ, какъ прочихъ дѣтей, и это знаю, что за здѣшніе труды и подвиги какая ожидаетъ награда; но не о томъ мы сокрушаемся и плачемъ, что ты хочешь итти работать и служить Богу, объ этомъ точно бы намъ надо радоваться, но мы плачемъ о томъ, какъ мы можемъ разлучиться и не видѣть твоего прекраснаго лица и не слышать твоихъ, исполненныхъ сладости, словесъ и не получать отъ тебя писемъ и даже не имѣть объ тебѣ никакого слуха; вотъ для насъ что скорбно и невыносимо. Видишь какого тебя Богъ намъ далъ,—лице твое ангельское прекрасное и веселое, умъ твой необыкновенный, слова твои сладкія, паче меда, ибо не только ты насъ привлекъ къ себѣ любовію, но и чужіе, кто тебя только знаетъ, всѣ до безконечности любятъ; по улицамъ нельзя пройти, всякій спрашиваетъ, что отъ Пети давно ли получали письма—живъ ли онъ, здоровъ ли онъ? Ежели чужіе о тебѣ такъ сожалѣютъ, а намъ же, роднымъ, какъ тебя не сожалѣть и не любить? Да еще болѣе этого о тебѣ мое соболѣзнованіе и печаль, что какъ ты пойдешь на чуждыя страны странствовать и бѣдствовать, натерпишься холоду и голоду; воспитанный въ самомъ нѣжномъ видѣ и въ богатствѣ; мы будемъ жить въ роскоши, а ты можетъ быть не будешь имѣть куска хлѣба.

Да еще о томъ я очень соболѣзную, что какъ ты будешь препровождать свои молодыя лѣта на чуждой странѣ, ибо къ плотскимъ страстямъ и похотямъ только приближаешься, а лице твое прекрасное и привлекательное, очи твои веселыя, слова твои сладкія, то тысячи будутъ устремлять взоры, которые будутъ соблазнять тебя; какъ же въ такихъ лѣтахъ можешь противъ всѣхъ соблазновъ устоять?—вотъ это больше меня безпокоитъ и оскорбляетъ мою душу».

Я: «конечно, милая моя маменька, я и самъ это знаю и чувствую, что весьма это трудно будетъ вынести, но уже видно для этого не раздумаю и не отложу своего предпріятія; но возвергнувъ всю свою надежду на Господа Бога, надобно начать этотъ трудный путь, хотя для васъ это и скорбно, но для меня еще скорбнѣе, но необходимо».

Что же, всѣ сидѣвшіе въ домѣ родные и до сего времени слушавшіе нашъ разговоръ, вдругъ вскочили и охватили меня со всѣхъ сторонъ, сдѣлавъ великій плачъ и кличъ, такъ—что обмочили всего меня слезами, что едва я могъ ихъ успокоить. Набѣжало полонъ домъ народу, полагая, что кто-нибудь померъ. Вотъ послѣдній разъ оплакали они меня и больше уже многіе меня и не видали послѣ, до смерти. Мать положили замертво на постель, едва очувствовалась.

Сообщилъ Архимандритъ Никонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ
ИГУМЕНА
ПАРѲЕНІЯ.*)

44.

На другой день, пообѣдавъ, началъ собираться я на базаръ для принятія и склада товаровъ и расчета рабочихъ; и одинъ взошелъ въ свою молитвенную храмину, помолившись Господу Богу и приложившись къ иконѣ Божіей Матери, древней, препоручилъ Ей самого себя и омылъ слезами лице свое, ибо послѣдній разъ я помолился въ своей моленной и полюбовался на свою библіотеку, которая составляла въ жизни моей все утѣшеніе, ибо я уже больше не бывалъ въ своей моленной, и еще разъ прошелъ по всему дому своему и простился съ нимъ; но какъ было сердцу моему очень больно, то нѣсколько разъ отъ обморока садился я на стулья. Но отъ родныхъ всячески старался это скрыть, хотя слезы по лицу и катились струями; родительница спросила: когда же придешь домой и когда намъ тебя дожидаться? Я въ умѣ своемъ сказалъ, что никогда, а словами сказалъ, что дня чрезъ четыре буду, ежели съ дѣлами управлюсь, а то я больше не приду. Потомъ пошли меня провожать; хотя они со мной про-

*) Продолженіе. См. февральскую кн. *Душепол. Чт.* 1899 г.

щались на 4 дня, но я прощался навсегда. Я пошелъ одинъ, а родные всѣ остались. Я первый разъ оглянулся, они всѣ стояли и смотрѣли вслѣдъ меня. Потомъ вдругъ послышался плачъ и крикъ. Я оглянулся: они всѣ—которые лежатъ на землѣ, которые, ухватившись всѣ, оплакиваютъ меня; не знаю, что имъ пришло на умъ; а я давай Богъ ноги и прибавилъ шагу; уходя, боялся, дабы меня не догнали.

45.

Придя на базаръ, я принялся за дѣла: принимать товаръ и отпускать, разсчитывать рабочихъ, оканчивать всѣ документы, векселя, контракты и сводить счеты, расчеты и отчеты, дабы себя вполнѣ предъ родителями очистить. Я прожилъ 6 дней; что же? приходятъ сестры ко мнѣ. Я спросилъ: зачѣмъ пришли? Они сказали, что прислала маменька, почему ты долго нейдешь домой, очень мы соскучились и проглядѣли всѣ глаза, тебя дожидаясь, и узнать когда придешь домой. Я имъ сказалъ: вамъ тамъ дѣлать-то нечего, такъ и безспокоитесь, а у меня сотни дѣлъ и поѣсть времени нѣтъ. Когда управлюсь съ дѣлами, то прійду дни на три погостить, а то опять надобно отправляться. И они пошли домой.

46.

Я, между тѣмъ, шедши, увидѣлъ въ одной лавкѣ сидящаго послушника. Я сейчасъ подошелъ къ нему, спроси: изъ какого монастыря и чей онъ. Онъ сказалъ, что такого-то купца сынъ, а живу въ такомъ-то монастырѣ.

Я узналъ, что немного отецъ его мнѣ знакомъ, а родной дядя его очень даже знакомъ, такъ что торговыя имѣли дѣла. Я его спросилъ: когда онъ намѣренъ ѣхать въ монастырь. Онъ сказалъ, что онъ готовъ бы хотя сегодня, но отецъ его не хочетъ отпустить и хочетъ заставить торговать. Потомъ взялъ меня въ домъ свой. Мать его меня узнала, кто я таковъ и сказала мнѣ: «ты не ска-

зывайся, что ты кто еси, а то мужъ узнаетъ и тебя остановитъ, а ежели онъ тебя въ лицо не знаетъ, то кольми паче». Я сказалъ: что его знаю, а онъ меня не знаетъ. Она сказала: ты скажись, что ты изъ подмонастыря и проси нашего сына ѣхать вмѣстѣ. Такъ и сдѣлали. Придя, онъ спросилъ меня, откуда я. Я сказалъ, что изъ подмонастыря и началъ его просить, чтобы отпустилъ онъ сына въ монастырь! Онъ прежде не очень соглашался, но устыдившись меня, отпустилъ. Мы начали собираться въ путь. Я еще все оканчивалъ свои дѣла и сводилъ счеты.

47.

Въ субботу мнѣ сказали, что мать моя ищетъ меня, и я увидѣлъ ее, она начала говорить мнѣ со слезами: что ты насъ позабылъ, уже мы ждали, ждали тебя и не могли дождаться. Вотъ я сама пріѣхала за тобою, теперь уже поѣдемъ домой. Я нарочно пріѣхала на лошади.

Я сказалъ ей: я еще теперь не могу ѣхать, потому что дѣлъ у меня много; еще дня два здѣсь пробуду.

Она сказала и заплакала: О Боже мой! что это такое дѣется, уже мы съ тоски пропали, ждавъ тебя. Какъ ты хочешь, а я безъ тебя не поѣду домой.

Я сказалъ, какъ хощете маменька, а мнѣ ѣхать теперь никакъ нельзя, ибо надобно всѣ нужныя дѣла покончить, съ людьми учинить расчетъ и контракты всѣ покончить,— тогда и приду домой. Она спросила, когда же ты пойдешь, то я коня за тобой пришлю.

Я сказалъ: не знаю, въ понедѣльникъ отправлюсь ли, а во вторникъ непремѣнно, а коня не присылайте: я и пѣшій приду, здѣсь недалеко.

Она сказала: проводи же меня, хотя немного.

Я проводилъ ее; она стала прощаться со мной, ухватясь за шею, у ней руки такъ и обмерли около меня, а сама зарыдала, говоря: «О! что это такое, видно мнѣ уже тебя не видѣть больше, я не могу тебя отпустить», потомъ облобызавъ мои уста, очи, голову и щеки, отпустила меня.

Я уже не могъ ей отъ болѣзни сердца моего ничего говорить. Только послѣднія тихія слова сказалъ: маменька прости меня и благослови. Она сказала замирающимъ голосомъ: Господь тебя проститъ и благословитъ, милое мое чадо, только поскорѣе приходи домой. Я отвѣтилъ:— хорошо. Съ этими словами растались. Я пошелъ на базаръ, а она все стояла на повозкѣ и смотрѣла во слѣдъ мнѣ. Я нѣсколько разъ оглядывался и ей кланялся; я какъ оглянусь и поклонюсь, то она почти до земли мнѣ поклонится; такъ я обращался, покуда стало не видно. Вотъ было послѣднее мое прощаніе съ родительницею; уже инокомъ чрезъ седмь лѣтъ опять увидѣлись.

48.

А я, пришедши, началъ поспѣшать окончаніемъ своихъ дѣлъ. День хлопочу съ народомъ, а ночь всю пишу отчеты, а послѣднія три ночи не сжималъ очей. Въ субботу простился съ матерію, а утромъ, въ воскресенье, всѣ бумаги и документы кончилъ, еще написалъ письмо къ родителямъ, связалъ ихъ въ платокъ и отдалъ въ лавку, сказавъ: кто придетъ изъ дому, то отдайте этотъ платокъ съ бумагами. Они спросили: а ты куда хочешь ѣхать? Я сказалъ: провожать товаръ и приказчиковъ; потомъ пошелъ въ домъ своего товарища-сопутешественника; тамъ пообѣдали. Потомъ сѣли на тройку коней и поскакали, а денегъ взялъ отъ всего имѣнія только 25 рублей ассигнаціями, которыхъ мнѣ достало только на три дня до монастыря.

49.

Вотъ здѣсь хочу я сказать объ этихъ тяжкихъ минутахъ. Прошло уже почти 30 лѣтъ моего странствованія, но только какъ вздумаю про нихъ или вспомяну ихъ, то не могу терпѣть, чтобы не полились слезы изъ очей моихъ, и даже дѣлается какая-то тоска, ибо невозможно найти никакихъ философическихъ словъ и пера, чтобы вполнѣ выразить тѣ горести, скорби и болѣзни сердца, когда я со-

вершенно оставлялъ міръ, родителей и родныхъ, ибо цѣлую недѣлю я не могъ ни ѣсть, ни спать, ибо врагъ мнѣ цѣлые милліоны представлялъ препятствій и невозможностей оставить міръ. Когда вспомяну то горестное и тяжкое время, то прежде положу перо сіе и омою лице слезами, тогда уже буду писать и воспоминать тѣ часы и минуты; ибо этотъ огонь, который пылалъ во мнѣ съ малыхъ лѣтъ, ради любви къ Богу, оставить міръ, родителей и все, что есть въ мірѣ, и итти работать Богу, и самое стремленіе мое—все погасло, и вся сила Божія и помощь на время оставила меня, и все желаніе мое, манившее меня работать Господу Богу, укрылось отъ меня. Это была премудрость и благость Божія, испытывая мою собственную волю, дабы я не возгордился послѣ этимъ, что это поприще началъ самъ собою и собственною своею волею; и вотъ показали тѣ послѣднія минуты мнѣ, и до днесь всегда вспоминаю, что кромѣ Божіей помощи никто этотъ путь не начнетъ, и никто безъ Божіей помощи этой мѣдной стѣны, которая раздѣляетъ міръ отъ иноческой жизни, или лучше выразить стѣну, стоящую между міромъ и Богомъ, разломать безъ Божіей помощи не можетъ. Что же меня встрѣтило здѣсь, что, собираясь почти 15 лѣтъ въ монастырь служить Богу, я позабылъ про награду въ Царствіи небесномъ вѣчную и мученія во адѣ; мнѣ уже на умъ не пришло. Что же случилось: когда я сѣлъ на тройку коней и сказалъ извозчику: «погоняй, какъ можно скорѣе», то вдругъ какъ покровъ Божій, до тѣхъ поръ покрывавшій меня, снялся съ меня, и я очувствовался, что я ѣду. Вдругъ говоритъ помыслъ: «куда же ты это поскакалъ, это ты уже не торговать поѣхалъ, но отправляешься на всю жизнь свою страдать и странствовать по свѣту,—поѣхалъ ты и самъ не знаешь куда. Какъ же это ты пустился въ такое великое море, не видя никакого пристанища; какой же ты безчеловѣчный: оставилъ милыхъ своихъ родителей, которымъ ты дороже всего свѣта. О ты безжалостный! какъ ты заставилъ ихъ плакать и

скорбѣть на всю свою жизнь, которые тебя имѣли наслѣдникомъ всего своего имѣнія. Ты оставилъ ихъ съ малыми дѣтьми плакаться; годы ихъ уже не къ молодости О, ты безжалостный, это бы и чужіе не сдѣлали. Вернись, вернись скорѣе домой, покуда еще этого никто не узналъ, и еще недалеко отъѣхалъ. О, безумный ты человѣкъ, на что оставилъ столько родительскаго имѣнія, которому ты законный наслѣдникъ и былъ съ малыхъ лѣтъ самъ хозяиномъ и повелителемъ людей и завсегда были полны карманы денегъ—и все это ты оставилъ, поѣхалъ на чужую сторону и самъ не зная куда. Будешь послѣднимъ работникомъ и странникомъ, не имѣющимъ гдѣ главы приклонить. Подумай и ужаснись этого бѣдствія, которое ты теперь навлекаешь на себя. Вернись, вернись скорѣе домой, долго не раздумывай. Подумай хорошенько, безумецъ,—безжалостный, ты уже никогда больше родителей и родныхъ не увидишь. О, горько тебѣ будетъ это перенести. О, безжалостный, подумай—какъ родители и родные, когда узнаютъ, что ты ушелъ совсѣмъ, будутъ плакать и тосковать, а можетъ быть со скорби и печали родители помрутъ,—это Богъ все спроситъ съ тебя».... и прочее множество, неисчислимое представилось мнѣ препятствій, возбраняющихъ мнѣ начать этотъ трудный путь. Я отъ жалости весь растаялъ: лежавши въ повозкѣ, нѣсколько разъ вылѣзалъ сказать извозчику, чтобы вернуться. Посижу, да подумаю: что ежели я теперь вернусь и не исполню своихъ предпріятій, которыя я стремился и обѣщался исполнить—быть инокомъ, то уже кончено: аминь, навсегда останусь въ мірѣ и погрязну въ мірскихъ попеченіяхъ. Подумавъ это, я опять ринусь въ повозку, а товарищъ мой спитъ да и только, а я въ такой нахожусь въ борьбѣ и въ смущеніи, что никакого нѣтъ терпѣнія: то броситъ въ жаръ, то въ ознобъ, то вылѣзу изъ повозки, да похожу, то хочу вернуться, то прихожу въ ужасъ, то простираю руце своего сердца ко Господу, и говорю Ему: О, Господи, Владыко, человѣколюбче, Боже мой! вотъ теперь пришла ми-

нута подать Тебѣ помощи руку мнѣ, начинающему неудобопроходимый путь, наложившему себѣ бремя, которое не могу я одинъ безъ Тебя поднять, аще Ты Господи теперь не дашь мнѣ руку помощи, то навсегда я останусь въ мірѣ, и погибнетъ душа моя въ сѣтяхъ міра; Господи Тебѣ извѣстно, что я начинаю этотъ путь не для чего-либо мірского, но только для Твоей любви, ибо послушалъ Твоихъ Божественныхъ словесъ, что ежели кто хочетъ быть твоимъ ученикомъ и послѣдователемъ за Тобою, той долженъ оставить все: домъ, родителей и имѣніе—и итти во слѣдъ Тебя; и Ты, Господи, еще прежде зачатія во утробѣ моей назначилъ меня Себѣ во служеніе, то пошли мнѣ теперь помощь Твою, а то я никакъ не могу этого начать своими силами, ибо жалость къ родителямъ и дому совсѣмъ снѣдаетъ меня и останавливаетъ, ибо заутро я долженъ возвратиться домой, а больше уже вынести не могу.

Потомъ какъ начало меня вертѣть въ умѣ, то жалостію о домѣ и о родителяхъ, то паки утѣшеніе и радость, что вырвался изъ міру; и такъ, слава Богу, проводилъ первую нощь въ пути. Выѣздъ мой 12-е число іюля, преподобнаго Михаила Малеина. Но однако до монастыря не могъ пищи употреблять; и на квартирахъ вездѣ меня замѣчали, что есть у меня какая-то скорбь великая.

Когда прибыли въ монастырь, слава Богу, мнѣ стало полегче; я сталъ позабывать нѣсколько; началъ похаживать на клиросъ, почитывать и попѣвать. Поживя въ монастырѣ два мѣсяца и узнавъ, что очень близко къ дому, то родитель тутъ можетъ узнать и взять меня домой и нехотяща, то я вознамѣрился удалиться уже въ дальнія страны, чтобы и слуху про меня не было. Вотъ выйдя изъ монастыря, я отправился въ далекое странствіе пѣшимъ, а сума у меня была очень тяжелая, ибо я взялъ много книгъ съ собой, потому что я не думалъ, чтобы мнѣ далеко уйти, такъ, чтобы около дома, во внутреннюю пустыню, но такъ не случилось. Пошелъ въ дальній путь,

а денегъ почти ни копѣйки, и что у меня было, то все я продалъ за полцѣны.

50.

Вотъ я пришелъ въ городъ ночевать. Изъ этого города пошли двѣ дороги: одна къ намъ въ городъ, а другая въ противоположную сторону. Что же случилось? вдругъ мнѣ помыслъ: «теперь уже пожилъ въ монастырѣ и довольно. Воротись домой, полно тебѣ ходить, ты знаешь, что уже два мѣсяца какъ ты изъ дому; уже сколько родные пролили о тебѣ слезъ. О какъ ты ихъ теперь утѣшишь—это уму непостижимо». Опять представились мнѣ всѣ горести, ужасы и невозможности: иди домой, да и только; всю ночь провелъ безъ сна—все боролся съ помыслами. Поутру, на другой день, былъ день воскресный—всю ночь хозяева промолились Богу, то читали псалтирь, то каноны, то дѣлали поклоны, хотя были православной грекороссійской Церкви и бывали въ Кіевѣ. Потомъ я отправился въ путь, но однако не домой, а все-таки въ даль; но по улицѣ я не могу итти, да и только, какъ бы опутанъ я желѣзными цѣпями и десять пудовъ на шеѣ. Отойду сажень пять, да и сяду, посижу да и опять-таки впередъ, а врага обманываю, говоря, хотя только побываю въ Кіевѣ и поклонюсь св. мощамъ, да и домой; но нѣтъ его видно не скоро обманешь, не могу итти да и только; меня спрашиваютъ: или молодецъ ты нездоровъ? Я говорю, что нездоровъ. Кое какъ я добрался до заставы, и только лишь прошелъ заставу,—о великія чудеса, я какъ бы выпутался изъ сѣтей, или изъ оковъ, или птичка изъ клѣтки, почувствовалъ необыкновенную легкость, такъ что почти побѣжалъ бѣгомъ; отошелъ верстъ 30 и ничего не усталъ. Пришелъ въ село, тамъ только еще начинаютъ благовѣстить къ литургіи; я узналъ, что тутъ освященіе храма—и это я принялъ за особенное Божіе извѣщеніе къ продолженію начатаго мною пути. Хотя церковь была и православная, но я уже тутъ про вѣры говорить оставилъ,

а искалъ только пустыни; и такъ далѣе я началъ продолжать свое странствіе.

51.

Теперь скажу нѣсколько словъ и о родителяхъ и что случилось дома послѣ меня. Это уже мнѣ разсказывали сами родители послѣ семи лѣтъ моего странствія:

По отбытіи моемъ, въ понедѣльникъ мать посылаетъ въ городъ сестеръ на лошади, и безъ меня чтобы онѣ и домой не ѣздили, а дождались бы меня. Онѣ, пріѣхавъ, всюду меня ищутъ и спрашиваютъ (родныхъ), кто не видалъ ли его. Пришли къ дядѣ въ лавку—и имъ вручаютъ платокъ съ бумагами. Онѣ спрашиваютъ: а гдѣ онъ самъ? Имъ сказали, что поѣхалъ провожать товары и приказчиковъ. Потомъ встрѣчаютъ другого дядю и его спрашиваютъ, что не видалъ ли гдѣ братца? Онъ сказалъ, что я сейчасъ отъ товаровъ и видѣлъ вашъ товаръ и приказчиковъ, а его тамъ нѣтъ. Они вездѣ меня искали и всѣхъ спрашивали, но не нашли. Принуждены были возвратиться одни безъ меня. Что же, мать ихъ встрѣтила на пути еще, спросивъ ихъ: гдѣ же Петя? Они сказали, что не могли его найти, только вотъ онъ оставилъ платокъ съ бумагами, а самъ, говорятъ, уѣхалъ провожать товаръ, но и тамъ его не видѣли. Мать же вскрикнула: какъ оставилъ бумаги? Потомъ оградила себя крестнымъ знаменіемъ, попросила холодной воды, а сама упала на землю, полежавъ встала и сказала: молитесь о мнѣ Богу и ведите домой меня. Придя домой, немедленно послала за сосѣдомъ прочитать и разобрать бумаги. Развязавъ платокъ, начали разбирать. Вотъ она схватила одну новую бумагу и сказала: читай, что это за бумага. Вотъ онъ началъ читать слѣдующее:

О дражайшіе паче всего свѣта, милые мои родители! тятенька С. Д. и маменька Ѳ. Г., во-первыхъ, припадая къ стопамъ родительскихъ ногъ вашихъ, со слезами прошу вашего родительскаго благословенія на всю мою маловре-

менную жизнь. О дражайшіе мои родители! пишу вамъ сіе всякой горести исполненное письмо, и письмо, можетъ быть, послѣднее. Припадаю къ стопамъ вашимъ еще, и со слезами прошу прощенія: простите меня Господа ради за таковый дерзкій мой поступокъ, которымъ нанесъ вамъ несносныя скорби на всю вашу жизнь, простите и не кляните; ибо вы знаете, что я любилъ васъ и любить не перестану; и то вамъ извѣстно, что я имѣлъ непремѣнное желаніе, ради любви Господа моего, оставить васъ на всю жизнь и итти работать Господу Богу во иноческомъ чинѣ. Вотъ наконецъ пришелъ часъ, когда я долженъ совершить свое желаніе и начать узкій путь и прискорбный, вводящій въ жизнь вѣчную. Вотъ и отправляюсь въ странствіе на всю жизнь временную, и не могу вамъ сего сказать, что приведетъ ли Богъ намъ видѣться въ этой жизни или нѣтъ. Богъ это знаетъ, но я самъ уже не имѣю надежды; но вы знайте, что я не оставляю васъ, а только иду заработывать для васъ и для себя спасеніе, которое необходимо нужно для всѣхъ насъ.

Скажу вамъ, что васъ теперь не обидѣлъ, денегъ съ собой взялъ только 25 рублей, которыхъ мнѣ достанетъ ненадолго; прилагаемыя здѣсь бумаги всѣ разсмотрите хорошенько: тутъ есть и нужные векселя; также прилагаю всѣ мои счеты и отчеты за весь годъ. Которымъ я состою долженъ, за краткостію времени не могъ отдать, то прошу васъ, всѣмъ отдайте, а которые остались мнѣ должными, то получите, но которые не имѣютъ чего отдать, то простите. Я съ собою беру немного одежды и книгъ, а прочее все вамъ оставляю.

Со слезами прошу васъ, не браните меня, а молитесь за меня Господу Богу, чтобы укрѣпилъ меня въ начатомъ мною пути и совершить бы Господь помогъ его до конца. Конечно, хотя много я причинилъ вамъ скорби, но все-таки меньше нежели себѣ, ибо вы остались въ домѣ своемъ, въ кругу родныхъ, на своей сторонѣ, при имѣніи,— но я одинъ одинехонекъ ввергаю себя въ бездну всякихъ

скорбей, — Богъ мнѣ помощникъ будетъ во всѣхъ скорбяхъ моихъ, ибо я для любви Божіей все сіе предпринимаю.

Прошу васъ не преслѣдовать меня и не искать, ибо не на то уже я рѣшился, чтобы вы нашли меня, но полечу въ отдаленныя страны, чтобы и слуху обо мнѣ никакого не было. Всѣмъ роднымъ и знакомымъ свидѣтельствую по земному поклону и прошу не плакать обо мнѣ, но молиться Господу Богу. Итакъ дражайшіе мои родители, испросивъ вашего родительскаго благословенія и святыхъ вашихъ молитвъ, и пожелавъ вамъ отъ Господа Бога терпѣнія въ наступившихъ скорбяхъ вашихъ, — остаюсь и отправляюсь въ невозратный путь на всю жизнь мою въ странствіе, предназначенное мнѣ Богомъ, прежде рожденія моего.

Родной вашъ сынъ П. С. Е.

Когда же начали читать сіе письмо, то всѣ бывшіе въ дому не могли стоять на ногахъ—попадали на землю и чтецъ не могъ тутъ читать. Вотъ пошла потѣха: собравшіеся всѣ сродники плакали безутѣшно, хотя родительница и хотѣла показать мужество, но не могла, и съ печали легла въ постель. Дяди писали отцу это происшествіе, случившееся въ домѣ, и онъ немедленно поспѣшилъ домой на почтовыхъ. Пріѣхавъ домой, нашелъ всѣхъ лежащими въ постеляхъ больными. Вотъ онъ показалъ мужество: началъ уговаривать и увѣщевать; и такъ мало-по-малу начали позабывать; и такъ потекло время; только непроходило ни одного праздника и пира, чтобы прежде общими слезами не оплакали меня.

Но что же, моимъ отсутствіемъ еще скорби ихъ не окончились, но полились на нихъ какъ рѣка, ибо проживъ послѣ меня одинъ годъ еще слава Богу, но потомъ какъ пошло богатство изъ рукъ ихъ и пошли убытокъ за убыткомъ, бѣда за бѣдой,—одна еще не прошла, другая уже наступаетъ. Что же! въ два года лишились всего своего имѣнія! Отецъ возвращается домой уже безъ копѣйки, только надѣется еще на домъ и что есть въ домѣ;

но пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ былъ домъ, тамъ только угли и пепелъ—все сгорѣло передъ пріѣздомъ его. Онъ же, увидя сіе, заплакалъ и поблагодарилъ Бога за все. Потомъ узнавъ, что семейство его живетъ у его двоюроднаго брата, поѣхалъ туда. Пріѣхавъ, поздоровался съ супругой, узнавъ другъ отъ друга, что у нихъ не осталось ни одной копѣйки, отецъ засмѣялся, а мать заплакала. Онъ сказалъ ей: «глупая о чемъ же плакать, вѣдь Господь все намъ далъ, все и взялъ опять—буди воля Господня; а аще все Іова праведнаго надъ нами не свершилось—надобно мнѣ еще на этомъ навозѣ полежать больному» (показывая на навозъ; ибо они жили на дворѣ подъ сараемъ). Мать говоритъ ему: ты въ такихъ скорбяхъ, а еще шутишь. Онъ сказалъ, какая это шутка. Что же? съ этого слова и сдѣлался боленъ. Лежалъ на навозѣ больной въ горячкѣ довольное время. Семейству было ѣсть нечего. Мать взяла мѣшокъ и пошла къ деверю попросить милостыни, а сама идетъ путемъ, слезами обливаясь; прежде сама подавала милостыню, а теперь сама пошла просить милостыни; но пошла просить къ роднымъ, къ своему зятю, за которымъ была ея сестра; что же? онъ попадается ей навстрѣчу и спросилъ ее, куда она пошла. Она же сказала: къ вамъ просить милостыни. Онъ сказалъ, какъ просить милостыни! Развѣ у васъ ѣсть нечего? Она сказала: ты самъ знаешь: имѣніе все пропало, домъ сгорѣлъ со всѣмъ имуществомъ, а самъ хозяинъ при смерти лежитъ на навозѣ, а денегъ нѣтъ ни копѣйки, а хлѣба ни пылинки, ни куска. Онъ заплакалъ, очи возвелъ горѣ, сказавъ: О Боже, Боже нашъ, что это за жизнь превратная, что это за суета непостоянная, что Ты съ нами дѣлаешь и какъ Ты нами повелѣваешь, то внизъ, то вверхъ колесо жизни нашей обращаешь. Потомъ сказалъ ей: «иди ты домой—я пришлю вамъ», и прислалъ цѣлый возъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ.

Потомъ родитель выздоровѣлъ и видитъ во снѣ, что кто-то ему говоритъ, что сынъ вашъ пришлетъ денегъ на

домъ. Они это почли за мечту и обманъ, потому что знали, что у меня денегъ не было. Что же? послѣ пожара оставшіеся бумаги началъ перебирать—попадается ему моя расписка, по которой онъ долженъ получить около 500 р. денегъ. Онъ немедленно протестовалъ и въ скоромъ времени ихъ получилъ всѣ сполна, и на эти деньги выстроили домъ,—этимъ очень были утѣшены и благословляли меня заочно. Родитель послѣ поступилъ во служеніе къ своему свояку. Но въ одномъ городѣ увидѣлъ его одинъ любимый и богатый другъ, прежде не узналъ, а потомъ спросилъ: я васъ признаю какъ бы знакомымъ. Родитель сказалъ; какже я незнакомъ? еще другъ вамъ. Тотъ ужаснулся и сказалъ, что это съ вами случилось? Онъ отвѣтилъ: тако Богу угодно было, прежде сынъ оставилъ—ушелъ Богу молиться, потомъ всего имѣнія лишился, а послѣ и домъ сгорѣлъ, со всѣмъ, что въ немъ было. Другъ же взялъ его за руку и сказалъ: ну любезный другъ приходи ко мнѣ въ такое-то время—я помогу тебѣ.— Далъ товару на большое количество денегъ, и съ этого часу опять пошелъ въ гору своей жизни; опять нажили большой капиталъ, а черезъ 7 лѣтъ и меня увидѣли; но черезъ 10 лѣтъ своего благоденствія опять Господь всего лишилъ, даже и дома, и необходимыя обстоятельства заставили оставить и свою сторону; и на чужой странѣ родительница собирала и просила милостыню; тѣмъ нѣсколько времени и пропитывались. Потомъ опять нажили имѣніе и домъ; и опять увидѣли меня. Я нѣсколько времени проживалъ у нихъ въ домѣ и въ это время уже обратилъ ихъ всѣхъ изъ раскола ко Святѣй Христовой Церкви.

Послѣ опять всего лишились имѣнія и дома, даже послѣднихъ своихъ птенцовъ, на которыхъ была ихъ надежда, что успокоятъ ихъ старость, и родительница отъ слезъ совершенно ослѣпла. Эти скорби были уже послѣднія, предсмертныя, уже въ нихъ и скончалась.

Ублажаетъ священное писаніе Іова праведнаго за пре-

терпѣнное имъ искушеніе безъ роптанія; но хотя праведный Іовъ и претерпѣлъ великое искушеніе, но единожды, а послѣ уже въ благоденствіи и въ богатствѣ, которое еще усугубилось противъ прежняго, и въ кругу родныхъ, дѣтей, внучатъ и правнучатъ—окончилъ жизнь свою. Но родители мои трижды были искушены подобно Іову; наживали и лишались всего имѣнія и дому, и дѣтей, наконецъ своей стороны; и въ этихъ скорбяхъ и искушеніяхъ и не между родными, но между чужими людьми, окончили жизнь свою, и никогда на Бога не роптали; но отъ великихъ скорбей имѣли утѣшеніе—только слезы, даже отъ нихъ и ослѣпли; не только, чтобы поропгали на свою участь, или на Бога, но одинъ другого безпрестанно утѣшали и даже благодарили Господа Бога, что Онъ такъ ихъ возлюбилъ, даже и я имъ удивлялся, когда въ послѣдній разъ стали прощаться съ нами, то не только не плакали, но еще и насъ утѣшали, когда мы о нихъ сожалѣли и плакали. Они намъ говорили: просимъ васъ не плакать о насъ, ибо мы такъ къ скорбямъ привыкли, что онѣ насъ даже утѣшаютъ; но и жить осталось намъ немного, уже какъ-нибудь Господь насъ подкрѣпитъ провести это время. Прожили послѣ насъ одинадцать мѣсяцевъ и скончались на одномъ мѣсяцѣ—родитель 28 апрѣля 1848 года, а родительница 23 мая того же года. Я въ то время проживалъ въ Томскѣ, но кончины ихъ самыя минуты Господь мнѣ открылъ, хотя и былъ я отъ нихъ на разстояніи пяти тысячъ верстъ, еще слишкомъ отъ Молдавіи до Томска. Это будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ; а здѣсь надобно мнѣ опять возвратиться къ началу моего странствія, какъ я вышелъ изъ града, изъ котораго чуть не вернулся обратно въ домъ.

52.

Вышелъ я изъ града, и Господь послалъ мнѣ свою помощь. Я отошелъ 30 верстъ, какъ на крыльяхъ пролетѣлъ. Пришелъ въ село, гдѣ еще только благовѣстили къ ли-

тургіи,—тамъ было освященіе храма. Это я принялъ за особенное милосердіе Божіе.

53.

Наконецъ я достигъ города Кишинева, гдѣ нужно было мнѣ перемѣнить паспортъ и взять другой, чтобы мнѣ было свободно странствовать по всей Россіи. Для этого потребовалось мнѣ большее число денегъ, а у меня нѣтъ ни копѣйки, вотъ и встрѣтило меня первое искушеніе. Я нанялся у купца во служеніе. Бывъ самъ хозяиномъ съ малыхъ лѣтъ, сдѣлался работникомъ.—охъ, тяжко, да еще изъ доброй своей воли. Взялъ у купца денегъ нужное количество и получилъ паспортъ. Хозяинъ взялъ его къ себѣ. Вотъ началъ я проходить послушаніе у мірскихъ людей. Купецъ былъ старообрядецъ одной со мною секты и очень меня полюбилъ: сдѣлалъ меня не работникомъ, а сыномъ своимъ, нашилъ мнѣ къ Пасхѣ самой лучшей одежды и весь домъ поручилъ мнѣ въ управленіе, всѣхъ приказчиковъ предали подъ мое смотрѣніе; каждый день приглашали съ собою кушать. У хозяевъ дѣтей одна дочь, невѣста, и сынъ, который еще въ пеленахъ. Вотъ со всѣхъ сторонъ приготовили для меня сѣти.

Наконецъ изъ старшихъ приказчиковъ, наединѣ, говоритъ мнѣ: ты знаешь какое тебѣ готовится счастіе?—Хозяева велѣли тебѣ сказать, что они хотятъ за тебя дочь свою отдать и сдѣлать тебя всему имѣнію хозяиномъ, ибо очень они тебя полюбили, а наипаче барышня, даже весь городъ будетъ тебѣ завидовать. Я ему отвѣтилъ: скажи хозяевамъ, пусть они этого и не помышляютъ, ибо я положилъ намѣреніе быть инокомъ и жить въ монастырѣ, а о женитьбѣ я никогда и не подумаю. Потомъ сами хозяева призвали меня къ себѣ и начали мнѣ это предлагать и даже убѣждать;—какихъ они словъ прелестныхъ не наговорили, чего они ни обѣщали, даже хозяинъ хотѣлъ весь домъ передать по актамъ и на меня сдѣлать всѣ документы, а не на дочь; но я никакъ ни на что не

соглашался. Потомъ начали меня посылать къ разнымъ людямъ, а тамъ уже сказано, что мнѣ говорить и какъ меня увѣщевать,—вотъ бѣда какъ бы сговорился весь городъ: женись, да и только; а невѣста мнѣ проходу не даетъ—бросается на шею, да ласкается. Вотъ бѣда! вотъ искушеніе! Какъ Іосифу прекрасному. Что буду дѣлать, кровь кипитъ, а уже поддержать некому. Ежедневно на столѣ разныя вина и закуски. Были всѣ средства употреблены. Что только ни было придумано; но я съ Божіею помощію пребылъ непреклоненъ, хотя немного было въ помыслахъ и поколебался; но они со мной 5-ть мѣсяцевъ бились и ничего не сдѣлали. Наконецъ употребили другія средства, уже возненавидили меня и каждую минуту начали меня бранить и сдѣлали меня самымъ послѣднимъ изъ работниковъ. Прошелъ я всѣ послушанія: былъ кучеромъ и водовозомъ, свиней и птицъ кормилъ, дворъ и нужныя мѣста чистилъ; былъ пастухомъ, коней и коровъ пасъ, да еще босой, ибо не давали мнѣ обуви. Потомъ паки начнутъ утѣшать и прельщать. Въ такомъ-то котлѣ меня Господь искушалъ, а отойти было невозможно; то прельщаютъ ласками, то опять горче прежняго тиранятъ. Все заставляли дѣлать, что ни есть худшее: коровъ доилъ и молоко продавалъ на базарѣ; но нѣтъ хуже, какъ коней пасти—бѣгаютъ, да и только, а коней было много, ибо хозяинъ держалъ почтовыя станціи.

54.

Того же лѣта померъ въ Серковскомъ раскольническомъ монастырѣ, въ Бессарабіи, начальникъ, какъ они называютъ, игуменъ, монахъ Симеонъ, то потребовалось сдѣлать другого настоятеля. Для постановленія новаго игумена назначенъ былъ соборъ, на который приглашены и назначены членами изъ всей Бессарабіи, Украйны, изъ Херсонской и Каменецъ-Подольской губерній,—изо всѣхъ народовъ и селъ старообрядческихъ: чесовенные діаки, уставщики, попечители, почтенные старики, богатые купцы

и нашъ хозяинъ, назначенный также членомъ собора; а я былъ за кучера. Мы изъ Кишинева отправились на трехъ тройкахъ, ибо разстояніемъ монастырь отъ Кишинева 80 верстъ. Мы посадили къ себѣ дьяка и попечителя; на каждой тройкѣ сидѣло по три человѣка. Набрали ящики съ винами, водкою и ромомъ,—и разныхъ закусокъ. Я надъ ними всю дорогу смѣялся, называя ихъ вселенскими учителями и пастырями,—кого патріархомъ, кого митрополитомъ, кого епископомъ и судіями вселенскими. Сначала изъ Кишинева ѣхали хорошо,—всѣ уговаривались, что говорить на соборѣ, и какія установить правила, и какъ защищать себя, ибо они боялись сельскихъ и деревенскихъ сочленовъ своихъ, потому что ихъ будутъ отлучать, что послабже живутъ, одежду и волосы на головахъ носятъ не по обычаю раскольниковъ и т. д. Когда пріѣхали на станцію, какъ мои патріархи принялись за бутылки, потомъ какъ напились чуть еле живы,—бѣда да и только: бѣсятся; того смотри, что головы сломятъ, либо кого задавятъ, — кричатъ, шумятъ, коней бьютъ; — вотъ было наказаніе; уже лучше-бъ нужникъ чистить, нежели съ пьяными ѣхать. Кое какъ пріѣхали въ Ургіевъ городъ ночевать и всю ночь прошумѣли съ ургіевскими купцами—гуляй да и только. Поутру поѣхали еще горче вчерашняго, но, хотя они и бѣсились, по крайней мѣрѣ, все было любовно.—Пріѣхавъ въ монастырь, прежде хорошенько проспались, а тамъ уже не одна сотня народу. Вотъ въ назначенный день собора сошлись всѣ на средину монастыря; я пошелъ полюбопытствовать, о чемъ будутъ говорить и что разсуждать, такъ какъ имѣлъ эту охоту съ малыхъ лѣтъ быть на соборахъ и говорить о догматахъ вѣры; но тамъ было не то, какъ я любилъ; тутъ было надъ чѣмъ посмѣяться, кто охотникъ, ибо были всѣ подвыпивши немного, и былъ великій шумъ, крикъ и брань, что ничего нельзя было разобрать: одинъ то, другой—другое; а человѣка четыре поумнѣе видятъ, что тутъ хоть бы недѣлю кричали—толку не будетъ; пошли и вывели

одного монаха изъ старшихъ, который едва уже ходитъ. Вышедши къ народу, закричали: полно шумѣть—вотъ поздравляйте новаго игумена, и всѣ закричали: батюшка нашъ поздравляемъ тебя съ новымъ чиномъ. Тутъ же выкатили двѣ бочки одну съ горѣлкой, а другую съ виноградным виномъ. Съ радости какъ загуляли наши соборные отцы, что двое сутокъ пировали такъ, что въ церкви и службы не было.

Потомъ кое какъ я упросилъ, чтобы ѣхать домой. Стали на дорогѣ опять пить, да уже всю дорогу бранились и нѣсколько разъ дрались до крови; мы, кучера, едва могли ихъ растаскивать; однако до Кишинева всѣхъ не довезли, человѣкъ 3-хъ оставили на дорогѣ, а то того и смотри, что одинъ другого убьютъ; вотъ было соборище и соборище плачевное богобоязливому человѣку, ибо ѣздило на соборъ только попить да погулять. Вотъ здѣсь-то я еще повредился и поколебался въ расколѣ: не такіе ли соборы были на Вѣткѣ, которые утверждали нашу вѣру, и которымъ мы послѣдуемъ. Ежели такъ же, то явная наша погибель; не для этого ли Господь меня оставилъ пожить въ Кишиневѣ, чтобы показать мнѣ это соборище беззаконниковъ.

Сообщилъ Архимандритъ Никонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ИГУМЕНА

ПАРѲЕНІЯ.*)

55.

Итакъ, проживъ у хозяина лѣто и заслуживъ всѣ деньги, я взялъ паспортъ. Попадается мнѣ одинъ монахъ изъ Стародубскихъ слободъ, былъ въ Кишиневѣ для сбора и отправляется въ Кіевъ. Онъ взялъ меня съ собой. Пріѣхавъ въ Кіевъ, сходилъ въ Лавру и пещеры, приложился ко всѣмъ св. мощамъ и просилъ угодниковъ Божіихъ о помощи мнѣ, дабы безвредно переплыть житейское море и получить бы чинъ иноческій. Потомъ мой спутникъ поѣхалъ еще въ сторону для сбора внизъ по Днѣпру, въ городъ Черкасы; мнѣ хотя и не очень хотѣлось туда ѣхать, ибо все мое желаніе было поѣхать въ Стародубскія слободы, но дѣлать нечего, надо ѣхать. Пріѣхавъ въ Черкасы, въѣхали прямо въ монастырь женскій, который стоитъ на краю города; я остался въ монастырѣ, а спутникъ пошелъ собирать милостыню и не являлся цѣлую недѣлю. Вотъ и здѣсь было діаволъ готовилъ мнѣ сѣти, но Господь избавилъ меня отъ нихъ. Потомъ еще стояли недѣлю въ мужскомъ монастырѣ и мнѣ весьма въ немъ не понравилось за сла-

*) Продолженіе. См. мартовскую кн. *Душепол. Чт.* 1899 г.

бость жизни и за безчиніе. Въ женскомъ монастырѣ еще начальствовала сама основательница монастыря, а въ мужскомъ уже второй настоятель; а первый обратился къ единовѣрію и скончался въ Корсунскомъ монастырѣ, единовѣрческомъ, Таврической губерніи.

56.

Видя слабость своего спутника, я разлучился съ нимъ и паки обратно возвратился въ Кіевъ. Оттуда пошелъ въ Стародубскіе святые монастыри, какъ я понималъ. Пришелъ въ Лаврентьевъ монастырь, тамъ мнѣ нѣсколько понравилось, потому что братія больше изъ купечества и монастырскій внѣшній чинъ порядочный. Хотя мнѣ и полюбился монастырь этотъ, но остаться въ немъ не могъ— не хочетъ мое сердце, да и только. Потомъ отправился въ монастырь Пахоміевъ, но тамъ едва могъ ночевать, потому что много соблазновъ, а оттуда въ монастырь Макаріевъ.

57.

Изъ Макаріева пошелъ я на Малиновъ островъ и шелъ одинъ верстъ 30 все лѣсомъ; снѣгу напало столько, что дороги не видать и никто еще не проходилъ. Тогда было 7 число ноября. Пришедши въ монастырь, я спросилъ: какой это монастырь: мнѣ сказали, что безпоповщинскій поморской секты. Былъ уже вечеръ.—Я спросилъ: далеко ли монастырь Малиновъ островъ? Мнѣ показали его недалеко, да пройти туда было невозможно: болото замерзло, а еще ледъ не поднимаетъ. Хотя Малиновъ островъ и не нашего толка, а поповщинскаго, такъ-называемаго діаконскаго, но мнѣ все бы пріятнѣе тамъ ночевать, нежели у перекрещеванцевъ, несмотря на то, что они меня очень къ себѣ просили укрыться у нихъ отъ ночи. Я боялся ихъ споровъ: какъ я пошелъ изъ міру, то обѣщался о вѣрахъ ни съ кѣмъ не спорить, а только избрать тихое и безмолвное мѣсто, ради спасенія. Однако, нужда меня

заставила взойти въ монастырь, а наипаче упросилъ меня одинъ юноша, урожденецъ города Кишинева, какъ бы землякъ. Онъ привелъ меня къ себѣ въ келію, гдѣ я и расположился ночевать. Ходилъ я къ вечерни, но едва простоялъ, потому что очень усталъ и духомъ былъ не спокоенъ. Поужинавши и пришедши въ келію, легли спать; но старики раскольники не дали спать: стали толковать о вѣрахъ, ибо они обрадовались, что я къ нимъ пришелъ: это де нашъ, когда попался къ намъ. Я всячески упрашивалъ, чтобы дали мнѣ покой: я, говорю, и въ своей вѣрѣ сомнѣнія не имѣю. Хозяинъ, видя, что они не идутъ изъ келіи, оскорбился на нихъ, выгналъ вонъ и заперъ двери, и мы уснули хорошо.

На утро былъ воскресный день и праздникъ св. архангелъ. Я ходилъ къ утрени и часамъ; послѣ обѣда хотѣлъ было идти въ путь, но меня мой хозяинъ задержалъ и просилъ, чтобы я сходилъ къ ихъ начальнику и поблагодарилъ за хлѣбъ, за соль. Мнѣ очень не хотѣлось идти, зная, что безъ пренія не обойдется; однако противиться не сталъ.

58.

Настоятель всячески меня обласкалъ: вотъ, думаю, готовится сѣть, которою помышляютъ уловить меня. Собралось къ нему нѣсколько братій, и онъ началъ меня спрашивать: откуда я и куда иду. Я ему разсказалъ все; онъ предложилъ, чтобы я остался у нихъ навсегда жить. Я сказалъ ему: спаси Христосъ за всѣ ваши привѣтствія и страннолюбіе, но остаться у васъ никакъ не могу.

Безпоповецъ: почему же ты не хочешь у насъ остаться? Развѣ что ты у насъ замѣтилъ худое?

Отвѣтъ мой: потому, что вѣра ваша отъ нашей совсѣмъ другая; въ вашей вѣрѣ я не имѣю никакой надежды спастися, а я для спасенія души своей оставилъ домъ, имѣніе, и родителей, и свою сторону;—вотъ поэтому и не могу у васъ остаться.

Безпоповецъ: то правда, что наша вѣра другая, но вѣра самая истинная, древняя, христіанская; ибо мы вѣру Христову держимъ крѣпче васъ: у насъ книги и иконы самыя древнія, также напѣвы и чины церковные всѣ соблюдаемъ старинные. Почему же ты сомнѣваешься спастися?

Отвѣтъ: въ томъ я не сомнѣваюсь, что вы вѣруете во Христа и имѣете древнія книги и иконы—это я вижу и самъ. Но во Христа вы вѣруете только на словахъ, а на дѣлѣ совсѣмъ не вѣруете Ему. Также хотя книги у васъ и древнія съ иконами, но вы имъ не послѣдуете и не творите того, что писано въ книгахъ, ибо у васъ нѣтъ ничего на дѣлѣ, что написано въ древнихъ книгахъ.

Безпоповецъ: какъ ты говоришь, что мы вѣруемъ во Христа только на словахъ, а не на дѣлѣ? развѣ у насъ нѣтъ древняго Евангелія, развѣ мы его не читаемъ ежедневно, развѣ мы не читаемъ древнихъ книгъ, и не исполняемъ, что тамо въ нихъ написано? Ты самъ сегодня стоялъ вечерню, утреню и часы; развѣ ты не видѣлъ, какъ мы все исполнили, что написано и что повелѣваетъ уставъ церковный?

Отвѣтъ: какъ же не видѣть. Вы прекрасно по чину монастырскому все исправляете, но вѣра истинная христіанская не въ томъ только состоитъ, чтобы соблюсти чинъ и обрядъ церковный по уставу святыхъ отецъ и по чину общежительныхъ монастырей, а въ догматахъ вѣры, которые должны быть согласны съ словомъ Божіимъ и съ ученіемъ святыхъ отецъ. Хорошо содержать чинъ монастырскій и обрядъ и въ единой святой соборной Христовой и Апостольской Церкви. Знаю, что вы и Евангеліе древнее ежедневно читаете, но читаете, кажется мнѣ, на большее себѣ осужденіе потому, что вѣру содержите совсѣмъ противъ Божественнаго Евангелія. Не имѣете вы той святой Христовой Церкви и въ ней не пребываете, которую Христосъ основалъ, и которую утвердилъ сими словами, что и врата адова ее не одолѣютъ: не имѣете

Святыхъ церковныхъ седми таинствъ, безъ которыхъ церковь существовать не можетъ, также не имѣете лицъ священнаго чина, которымъ Господь препоручилъ власть совершать въ Церкви Святыя Тайны и которымъ препоручилъ ключи отъ царствія небеснаго, давъ власть вязать и рѣшить, а намъ повелѣлъ ихъ во всемъ слушать, сказавъ: слушаяй васъ, Мене слушаетъ, а отметаяйся васъ, Мене отметается, а отметаяйся Мене, отметается и пославшаго Мя. Вотъ поэтому Господню слову вамъ спасеніе не надежно потому, что вы не имѣете ни Церкви, ни священства, но отъ всего отметнулись и стало быть отметнулись и отъ Самого Іисуса Христа.

Безпоповецъ: какъ мы Церкви не имѣемъ? у насъ церковь есть и таинства церковныя, хотя и не всѣ. Развѣ стѣны называются церковью? Святый Іоаннъ Златоустъ въ Маргаритѣ сказалъ: что Церковь—не стѣны и покровъ, а вѣра и житіе. Мы вѣруемъ во Христа и житіе проходимъ строгое, поэтому намъ спасеніе надежное.

Отвѣтъ: я и самъ хорошо знаю, что Церковь Христова истинная—не стѣны и покровъ, но вѣра и житіе, и какой безумецъ можетъ сказать, что одни стѣны и покровъ, безъ истинной вѣры и догматовъ церковныхъ, могутъ быть названы церковію? Хотя бы была и самая великолѣпная храмина и украшенная, хотя бы и великія тамъ были собранія: но ежели тамъ нѣтъ вѣры истинной и догматовъ, согласныхъ слову Божію и церковному преданію, то та храмина или домъ не можетъ назваться церковью, а называется или часовнею или домомъ молитвеннымъ, или какимъ-либо общественнымъ собраніемъ. И ваша часовня, въ которой вы сегодня служили, не можетъ именоваться церковью, а только молитвеннымъ домомъ, хотя она и великолѣпна и много въ ней иконъ: ибо въ ней нѣтъ вѣры и догматовъ, согласныхъ слову Божію, сказанному во Евангеліи, она не освящена рукоположенными іереями и даже нѣтъ въ ней священниковъ совершать богослуженія; не приносится въ ней истинная жертва новобла-

годатная, тѣло и кровь Христова. Итакъ нѣтъ у васъ ничего: ни вѣры истинной Христовой, которая предана во Евангеліи, ни житія по Евангелію, ни догматовъ соборныхъ;—не можете вы называться и христіанами, и надежды спасенія у васъ нѣтъ.

Безпоповецъ: это такъ, у насъ церкви найти трудно потому, что нѣтъ священства рукоположеннаго и церковныхъ таинствъ; но развѣ нѣкоторые святые древніе не спаслись безъ церкви, и безъ таинствъ, и безъ священства, и безъ причастія? И нынѣ развѣ не можно намъ спастись безъ церкви, и безъ священства, и безъ причастія тѣла и крови Христовой?

Отвѣтъ: воистину, никто не можетъ спастися и получить царствіе небесное внѣ Христовой святой соборной Апостольской Церкви, безъ священства и безъ причастія тѣла и крови Христовой. А ежели кто такъ мудрствуетъ и утверждаетъ, что можно спастися безъ церкви, и безъ священства, и безъ причащенія тѣла и крови Христовой, тотъ явный еретикъ есть и противникъ Богу и Божественному Евангелію и всему святому писанію, ибо Церковь Свою Самъ Христосъ основалъ на Петрѣ, то-есть на камени, ибо по-гречески петръ, а по-русски камень. Сими словами Іисусъ Христосъ означилъ, что утвердилъ Церковь Свою на твердомъ и непоколебимомъ основаніи. Спаситель Самъ изъяснилъ, что есть: на камени. Врата адова не одолѣютъ ей, сирѣчь: ни цари, ни учители, ни ереси, ни расколы, ни самъ діаволъ, со всѣми бѣсовскими силами, одолѣть ей не могутъ. Поэтому-то и святый апостолъ Павелъ сказалъ, что глава Церкви Самъ Христосъ и Онъ хранитель тѣла, то-есть Церкви. Также Онъ Спаситель далъ Церкви Своей приставниковъ, священный чинъ которыхъ поставилъ на это служеніе, на тайной вечери, когда Онъ Самъ совершалъ новозавѣтную Литургію и приносилъ новоблагодатную жертву, тѣло и кровь Свою подъ видомъ тѣла и вина, бывъ священникъ, по чину Мелхиседекову. Онъ изрекъ Апостоламъ: пріі-

имите, ядите, сіе есть тѣло Мое за вы ломимое; и, пійте отъ нея вси: сія есть кровь Моя; яже за вы и за многія изливаемая, сіе творите въ Мое воспоминаніе (Лук. 22, 19). Сими словами далъ Онъ священному чину силу и власть приносить эту жертву и преподавать другимъ, и творить сіе въ воспоминаніе Господа, то-есть навсегда до скончанія міра будетъ приноситься жертва и священный чинъ долженъ быть другъ другу пріимательно передаваемъ чрезъ хиротонію. А по воскресеніи Своемъ Іисусъ Христосъ дунулъ и сказалъ апостоламъ: пріимите Духъ Святъ, имже отпустите грѣхи, отпустятся, а имже держите, держатся. Здѣсь Спаситель препоручилъ и ключи отъ царствія небеснаго и далъ уже полную власть имъ. Онъ еще прежде страданія Своего обѣщалъ ихъ утѣшить и облечь властью, когда говорилъ имъ: аще любите Меня, заповѣди Моя соблюдите; и Азъ умолю Отца и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, Духъ истины, Егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ Его, ниже знаетъ Его, яко въ васъ пребываетъ, и въ васъ будетъ. Этими словами Спаситель обѣщалъ, что Духъ Святый, который сойдетъ отъ Отца, облечетъ ихъ силою, уполномочитъ властью и пребудетъ съ ними въ вѣкъ, то-есть навсегда до скончанія вѣка и до второго Господня пришествія. По предсказанію Господа и сошелъ Духъ Святый въ день пятидесятый на св. Апостоловъ, въ огненныхъ языкахъ и усовершенствовалъ ихъ духовными дарами, и властію, и силою, и дѣйствуетъ чрезъ лица освященныя, и совершаетъ всѣ таинства церковныя, и до скончанія вѣка дѣйствовати ими будетъ, по слову Господню: куплю дѣйте, дондеже возвращусь, во второе славное Свое пришествіе, тогда уже потребую отъ всѣхъ отчетъ. Вотъ вратари, ключники и приставники ко вратамъ царствія небеснаго! Только при ихъ руководствѣ и единою дверью намъ можно взойти въ него; а другаго отверстія нѣтъ, хотя вы и силитесь проломать.

Также безъ причастія тѣла и крови Христовой спастись невозможно, по слову Господа, ибо Онъ сказалъ просто и ясно: аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ (Іоан. 6. 53). Ясно, паче солнца, что кто не причащается тѣла и крови Христовой, тотъ вѣчно погибшій человѣкъ.

Отъ явленія во плоти Самого Христа Спасителя и по сіе время никто не взошелъ въ царствіе небесное, кромѣ Церкви Христовой, и никто не спасся безъ священства и таинствъ тѣла и крови Христовой. Самые святые, прославленные Церковью, по большой части были святители и священно-мученики, патріархи и епископы, имѣвшіе чинъ священства. А хотя и спаслись многіе простые, но и тѣ были истинныя и вѣрныя чада святыя Христовы соборныя Церкви; не гнушались и не бѣгали отъ Церкви, отъ священства и отъ таинствъ тѣла и крови Христовой. Напротивъ даже иные за Христа, такожде и за Церковь проливали кровь свою. Святая Церковь не признала бы тѣхъ и святыми, которые чуждались Ея и св. Таинствъ. А хотя нѣкоторые изъ великихъ пустынножителей и не имѣли при себѣ священниковъ и не причащались тѣла и крови; но они не чуждались Церкви, не убѣгали отъ священства и не гнушались св. таинствами, они только бѣжали отъ міра и его соблазновъ, а духомъ всегда пребывали въ Церкви; и когда случалось быть близъ церкви и священника, то стремились причаститься св. Таинъ тѣла и крови Христовой.—Такой примѣръ явно показали: Святая Марія Египетская, и Ѳеоктиста яже отъ Лезвы, и Петръ Аѳонскій, хотя и великую имѣли благодать Святаго Духа. Марія уже по водамъ ходила, какъ по суху; но пришла изъ пустыни и причастилась отъ рукъ Зосимы, несмотря на то, что въ монастырѣ нѣкая ересь была, какъ и сама замѣтила Зосимѣ. Сіе не было ей препятствіемъ; но принявши святое причащеніе, сама прочитала молитву: нынѣ отпущаеши рабу Свою, по глаголу Твоему, съ миромъ... и прочее...

Безпоповецъ: это конечно такъ; во время полнаго благочестія безъ сихъ трехъ вещей: безъ церкви, безъ священства и безъ причастія тѣла и крови Христовой, трудно и даже невозможно пробыть, поэтому мы и сами о себѣ приходимъ въ сомнѣніе, но надежду спасенія полагаемъ въ томъ только, что это все было написано во время полнаго благочестія. Когда же въ 1666 году возобладалъ повсюду антихристъ и настало царство его, тогда вся благодать взялась на небо и мы остались ни причемъ. А какъ въ Писаніи сказано, что во время антихристова царства ни церквей, ни священства, ни таинъ тѣла и крови Христовой не будетъ, то поэтому мы и живемъ уже не по правиламъ и не по писанію, а только надѣемся на одно Божіе милосердіе.

Отвѣтъ: О, Боже мой! До какого безумія вы дошли, уже въ глубину совершеннаго мрака низошли вы своими кривыми толками. Вы не только убѣжали изъ Христовой Церкви, оставивъ священный чинъ и ниспровергнувъ всѣ св. Тайны и идете противъ св. Отцовъ, пастырей и учителей церковныхъ, но и самое Божественное Евангеліе ни во что вмѣняете и Самимъ Сыномъ Божіимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ сказанныя словеса ниспровергаете и не вѣрите имъ. Этимъ самымъ вы уподобляетесь аріанамъ. А ежели не такъ, то почему же вы не вѣрите словесамъ Божіимъ, ибо вы ежедневно читаете Евангеліе и всегда оглашаетъ ваши уши повѣствованіе, какъ Господь непоколебимо утвердилъ на камени Церковь Свою. Ежели же по Господню слову врата адова Церковь не одолѣютъ, то и антихристъ одолѣть не можетъ Ее, и Она должна стоять до второго Христова пришествія. Также подобно и священный чинъ утвердилъ Самъ Господь. Препоручивши пастырямъ власть и силу Свою и ключи отъ царствія небеснаго, Онъ обѣщался ихъ совершенствовать и облечь силою Духа Святаго, Который, по слову Господню, будетъ съ ними во вѣкъ, стало быть, до скончанія вѣка. Такожде, давши имъ дары Духа Святаго, повелѣлъ имъ

куплю духовную дѣять, дондеже пріидетъ, то-есть, когда пріидетъ во второе Свое пришествіе судить живыхъ и мертвыхъ. А когда, по слову Господню, будутъ они, то-есть лица священнаго чина, дѣять духовную куплю, сирѣчь рукополагать, крестить, мvромъ помазывать, исповѣдывать и грѣхи разрѣшать и причащать святыми тайнами тѣломъ и кровью Христовой, до скончанія вѣка, до втораго пришествія Христова, и Духъ Святый съ ними будетъ: то, стало быть, и антихристъ не возможетъ ихъ истребить и уничтожить. Егда возносился на небо Господь Іисусъ Христосъ, тогда далъ, въ лицѣ апостоловъ, всему священному чину радостное обѣщаніе пребыть съ ними до скончанія вѣка. Если же Самъ Господь будетъ со священнымъ чиномъ до скончанія вѣка, то уже антихристъ и съ самимъ сатаною, діаволомъ, сдѣлать ничего не можетъ, ибо одного крестнаго знаменія діаволъ трепещетъ, кольми паче Самого Господа Бога. Господь на тайной вечери, когда преподавалъ апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всему освященному чину, тѣло и кровь Свою подъ видомъ хлѣба и вина, сказалъ: сіе творите въ Мое воспоминаніе. Ежели, по вышерѣченному, имя Господне будетъ поминаться до второго Христова пришествія, то и жертва сія безкровная, тѣло и кровь Христова, будетъ приноситься до втораго Христова пришествія. И святый апостолъ Павелъ сказалъ, что жертва Христова безкровная, тѣло и кровь Христова, будетъ приноситься, дондеже пріидетъ: сирѣчь до второго Его пришествія. А когда, по выше-сказанному, будетъ приноситься тѣло и кровь Христова до второго пришествія, то и антихристъ истребить это не можетъ. Какъ же вы говорите, что при антихристѣ ничего священнаго уже не будетъ? Не явно-ли вы противитесь слову Божію и всему Божественному Евангелію? Не явные ли вы еретики? Поэтому и сказано въ катихизисѣ большомъ, печатанномъ при Филаретѣ патріархѣ:

«Вопросъ: почему познавать еретика?

Отвѣтъ: аще кто не имѣетъ истиннаго пристанища, рекше, святыя соборныя апостольскія Христовы Церкви, вотъ тотъ самый и еретикъ».

Еще вы криво толкуете, противоборствуя всему святому писанію и святымъ всѣмъ отцамъ, что якобы антихристъ пришелъ 1666 года, и говорите, что онъ будетъ царствовать много сотъ лѣтъ. Царство антихристово св. отцы изочли годами, мѣсяцами и днями. Въ одномъ мѣстѣ сказано: три года съ половиною, а въ иномъ 42 мѣсяца, а въ другомъ 1265 дней; а гдѣ сказано 666 χ҃ѕ҃, тамъ число имени его антихриста, а не лѣта, то-есть, что въ этомъ числѣ будетъ стоять имя антихристово. А вы толкуете совсѣмъ противно святому писанію.

Еще вы толкуете, якобы антихристъ сядетъ въ Церкви Христовой. Нѣтъ, св. апостолъ Павелъ говоритъ, что не въ Христовой Новоблагодатной, но въ Божіей Церкви въ древней Іудейской.

Св. Кириллъ Іерусалимскій пишетъ такъ объ антихристѣ: Яко же сѣсти въ Церкви Божіей, въ которой убо церкви? Въ разоренной, глаголетъ, жидовской, а не въ сей, въ ней же мы нынѣ есмы.

Св. Іоаннъ Дамаскинъ пишетъ объ антихристѣ еще: Яко же ему сѣсти въ Церкви Божіей, показующе себе яко Богъ есть, въ Церкви же Божіей, глаголяй, не въ нашей, но въ ветсѣй Іудействѣй, глаголетъ: не къ намъ бо, но къ Іудеомъ пріидетъ, ниже за Христа, но на Христа; еяже ради вины и антихристъ глаголется. Итакъ, по всему писанію, съ которой стороны ни посмотрѣть, вамъ угрожаетъ погибель и вамъ надежды на спасеніе нѣтъ.

Безпоповецъ: Охъ, братъ, ты молодой человѣкъ, а языкъ твой острый, и много ты начиталъ, и память твоя велика. Конечно такъ, что по писанію намъ предъ Богомъ оправдаться трудно; но что будемъ дѣлать, гдѣ возмемъ церковь и священство? Ибо и ваша церковь, къ которой ты принадлежишь, такъ же не права предъ Богомъ по писанію, какъ и наша; ибо и ваша церковь

отнюдь не согласна со словомъ Божіимъ и съ Евангеліемъ. Отнюдь невозможно вамъ свою церковь называть соборною, апостольскою и Христовой, ибо она не согласна со словомъ Божіимъ и ученіемъ Евангельскимъ. Іисусъ Христосъ, какъ ты и самъ упомянулъ, первыхъ поставилъ въ священный чинъ Своихъ Святыхъ Апостоловъ и имъ препоручилъ ключи отъ царствія небеснаго и имъ придалъ таланты, чтобы куплю дѣять и всѣ таинства церковныя совершать, и съ ними обѣщался быть до скончанія вѣка. Апостолы же препоручили свое достоинство епископамъ, которыхъ они хиротонисали въ сей санъ и оставили послѣ себя наслѣдниками и преемниками. Чрезъ нихъ-то благодать Св. Духа и изливается на всю Церковь и они совершаютъ таинства церковныя. Но какъ у васъ нѣтъ епископовъ, то и нѣтъ ничего, ни Церкви истинно Христовой, ни священства, отъ Христа преданнаго, ни таинствъ церковныхъ, и вы также пусты, какъ и мы. Хотя вы и имѣете церковь, но это только одно названіе церкви, а не существо, потому что истинная Церковь безъ епископа существовать не можетъ. Священство ваше недостаточное: одни попы и діаконы. Какъ можетъ быть священникъ и діаконъ, не имѣвши епископа? Каждый младшій происходитъ отъ старшаго; ежели нѣтъ старшаго, то младшій отъ кого произойдетъ? Дѣти рождаются отъ отца, а ежели нѣтъ отца, то и дѣтей нѣтъ. Такъ равно и ваши попы: ежели въ Великороссійской Церкви благодати Св. Духа нѣтъ, то вашъ попъ отъ кого же ее получитъ? скажи-ко ты мнѣ? Ежели въ Великороссійской Церкви благодать Св. Духа по Господню обѣщанію будетъ и есть теперь, то она и истинная; а ваши попы все-таки пустые; потому, что они отъ Грекороссійской Церкви бѣжали, также и отъ своего епископа отлучились безъ благословенія, и епископовъ своихъ прокляли и отреклись отъ нихъ, а епископы ихъ отлучили отъ Церкви.—По правиламъ же св. Отецъ каждый священникъ, отлучившійся безъ благословенія отъ своего епископа, подъ запрещеніемъ и проклятіемъ находится.

Теперь скажи-ко мнѣ, чѣмъ ты свою церковь оправдаешь и какъ она можетъ назваться истинною и согласною слову Божія по Евангелію? Воистину ты никакъ не можешь защитить того, что ни съ чѣмъ не согласно.

Отвѣтъ: Да, это для меня задача, неудоборѣшимая и оружіе обоюду острое, и я противъ того ничего не могу сказать, что епископъ необходимъ для церкви и для спасенія человѣческаго. Но, что буду дѣлать, когда и у васъ и у насъ его нѣтъ? Видно такъ и быть. Только скажу, что наша церковь, хотя и не прямая дорога евангельская, и не согласна со словомъ Божіимъ, однакоже и непрямымъ путемъ мы стремимся въ ту сторону, куда показываетъ слово Божіе. Но ваша секта безпоповщинская совсѣмъ идетъ противъ слова Божія и Евангелія и все то отвергаетъ, что писано въ Евангеліи. Видно уже мы одинъ съ другимъ не согласимся, а только будемъ имѣть преніе, которому и конца не будетъ, а мнѣ пора идти въ путь и искать себѣ пристанища. И такъ благодарю васъ за хлѣбъ, за соль и теплый ночлегъ;—прощайте.

Когда я пошелъ вонъ, онъ сказалъ: иди, иди, братъ, я надѣюсь, что ты по своему разуму и памяти можешь найти правый путь въ царствіе небесное.

И я отправился въ путь, въ городъ Новозыбковъ.

59.

Этотъ начальникъ безпоповщинскаго монастыря, изъ Московскихъ купцовъ, человѣкъ умный, мужественный; отъ сѣдины весь бѣлый какъ лебедь, и еще очень бодрый и не монахъ, а просто мірской человѣкъ. Пришедши въ Зыбковъ, тамъ стоятъ три церкви, всѣ деревянныя; одна отъ другой неподалеку и всѣ разныхъ вѣръ—одна единовѣрческая, другая вѣтковская, третья дьяконовская; единовѣрческая всѣхъ меньше и хуже. Оттуда пошелъ въ Покровскій монастырь и Климову слободу,—тамъ тоже три церкви и также трехъ вѣръ. Изъ Покровскаго монастыря—въ слободу Клинцы,—тамъ двѣ церкви одной вѣтковской

секты. Тутъ близко въ Никольскій монастырь. Но во всѣхъ монастыряхъ не имѣлъ себѣ тихаго пристанища, ибо обманулся въ своемъ намѣреніи—не нашелъ того, чего желала душа моя, но совсѣмъ все напротивъ моего стремленія, что уже писано въ первой части моего странствія.

60.

Но сердце мое еще болѣе разстроилось въ безпоповскомъ монастырѣ отъ безполезнаго пренія, что мы заградили одинъ другому уста, а истинной Церкви найти не могли; я положилъ обѣщаніе, чтобы больше о вѣрахъ пренія не имѣть ни съ кѣмъ. Потомъ много мнѣ наговорили хорошаго о Керженскихъ скитахъ и о тамошнихъ непроходимыхъ лѣсахъ. Чрезъ Брянскъ я прибылъ въ Москву прямо на Рогожское кладбище. Походивши по Москвѣ, отправился въ Керженскіе лѣса. Также много слышавъ про Саровскую пустыню, съ товарищемъ вознамѣрились побывать въ Саровѣ. Чрезъ Владиміръ и Муромъ прибыли въ Саровъ. Когда начали подходить, сквозь лѣса показывалась каменная бѣлая ограда и златоглавыя церкви. Затрепетало мое сердце, какъ голубь, и слезы полились изъ глазъ. Товарищъ мой спросилъ: что ты перемѣнился въ лицѣ? Я отвѣтилъ: не знаю и самъ, что со мною дѣлается. Какъ увидѣлъ обитель—кипитъ сердце, да и только. Пришедши на гостинницу, насъ приняли очень ласково, мы ходили въ церковь ко всѣмъ службамъ. Что за правило!—вся служба, напѣвы и чины общежительныя приводили меня до восхищенія. Видѣлъ старца Серафима, какъ онъ шелъ послѣ ранней литургіи въ свою келію, тысячи народа стояли отъ церкви до самой келіи ряда въ два; всѣ желали принять отъ него благословеніе, но отъ множества народу нельзя было получить отъ него благословенія, и только прикасались къ его одеждѣ; мы взошли уже въ его сѣни, чтобы побесѣдовать съ нимъ, потому что я духомъ уже былъ близокъ къ Церкви. Но товарищъ мой сказалъ: какъ же мы взой-

демъ къ нему—вѣдь нужно принять отъ него благословеніе? Что же, какъ будто молотомъ ударило меня, и мы немедленно вышли. Итакъ, не сподобились получить отъ старца Серафима благословенія. Но Богъ можетъ быть это Самъ отвелъ, потому что время еще не пришло обращенію, но дабы мнѣ побольше всего показать, чтобы я искалъ св. Церкви не въ юномъ умѣ, но въ мужскомъ совершенномъ. Зато намъ и не позволено испытывать неиспытанныя судьбы Божіи; вотъ показалъ намъ не много св. Церкви, да и опять сокрылъ отъ очей нашихъ, дабы мы послѣ съ великими трудами, и стараніемъ, и скорбями ея доискивались.

Ходили въ трапезу и повсюду меня восхищало. Потомъ чрезъ три дня отправились въ путь; я нѣсколько разъ обращался лицемъ назадъ и горько плакалъ, говоря: О, святая обитель, ты яко градъ великъ и прекрасенъ—не разстался бы съ тобою, но одна причина разлучаетъ меня съ тобою—про то Богъ знаетъ.

61.

Пришедши, чрезъ города Арзамасъ и Нижній, въ Керженскіе лѣса и обошедши всѣ Керженскіе скиты, не могу ничего о нихъ говорить; о томъ я замѣтилъ въ моемъ странствіи. Опять возвратясь въ Нижній Новгородъ, сѣли на судно и поплыли по рѣкѣ Волгѣ въ Саратовскую губернію въ Игирскіе монастыри и заходили въ Казань. По Волгѣ, пониже Казани, стояли въ одномъ селеніи и были у одного крестьянина. Увидѣвши у него въ домѣ, въ моленной, стоящую икону Николая Чудотворца въ богатой вызолоченной ризѣ, я удивился и спросилъ: почему у васъ, крестьянъ, такая богатая икона? Это впору и купцу имѣть.—Они сказали случай, по какому она сдѣлана:

«Въ одно время былъ я въ Казани (сталъ разсказывать самъ хозяинъ) весной, 9 числа мая, въ день святителя Николая,—онъ случился въ воскресный день быть, а въ

Казани каждое воскресенье ярмарка. Предъ вечеромъ мы вздумали ѣхать домой въ лодкѣ, потому что весной вода входитъ въ самую Казань, и нагрузили лодку очень много, около 60-ти человѣкъ; всѣ одной нашей деревни, а мужики всѣ пьяные. Двѣ женщины выскочили вонъ, и мы поплыли; одна старая дѣвица все плакала и упрашивала, чтобы ее высадили гдѣ нибудь на островъ. — Но съ пьяными ничего не сдѣлаешь. Вѣтеръ все разыгрывался больше и больше, а ѣхать 17 верстъ все водою. Не долго уже и до вечера. Я былъ бурмистромъ тогда. Когда выѣхали на самую настоящую Волгу, какъ начало покачивать, и всѣ мы испугались. Но однако, слава Богу, кое какъ стали добираться къ нашему берегу, а земли еще нигдѣ не видно—все потопило водой. Вотъ и солнце сѣло;—начало смеркаться, и мы выѣхали на буранъ, какъ начало покачивать, да въ лодку поплескивать, а женщины закричали; человѣкъ, который правилъ, закричалъ на нихъ: молчать, выругавшись по-матерно: въ одну минуту лодка перевернулась вверхъ дномъ, и мы всѣ пошли ко дну, а меня краемъ лодка ударила въ голову такъ, что я немедленно очутился на самомъ днѣ, и сѣлъ на землю, и сижу на землѣ на самомъ днѣ, да и думаю: я уже теперь потонулъ, прощай бѣлый свѣтъ, прощай мои родители, прощай молодая жена съ дѣтьми! Потомъ вдругъ мнѣ пришло на память, что сегодня праздникъ святителя Николая, а онъ былъ великій чудотворецъ, онъ многихъ избавилъ отъ потопленія, и началъ ему молиться: О, святителю отче Николае, избавь меня этой напрасной смерти! Я на твою икону, которая у меня въ домѣ, сдѣлаю серебряную ризу и вызолочу ее. Что же, о, великое чудо!—Слышу кто-то взялъ за мои волосы, да какъ вдругъ потащилъ кверху, а потомъ на водѣ по верху воды къ лодкѣ. Покуда я сидѣлъ на днѣ, а она уже далеко отплыла внизъ. Не вижу никого, а только слышу, какъ держится кто-то за волосы. Притащивши, посадилъ на дно лодки, потому что она плыла верхъ дномъ; изъ дна вытащивъ паклю, моихъ рукъ

пальцы въ эти дыры всунулъ и сказалъ: держись же теперь крѣпче, чтобы волною не сшибло; голосъ слышалъ, а никого въ лицо не видалъ. Вотъ была ужасная картина: люди, какъ черви въ водѣ гильзятся, и всѣ кричатъ и умоляютъ, и просятъ помощи, но никто не помогаетъ. Къ намъ на лодку наплыло человѣкъ 20. Что же, слышимъ подъ лодкой женскій голосъ. Я одною рукой распоясался и подалъ поясъ. Что же, вытащилъ женщину беременную; я и ея руки всунулъ въ дыру, ибо она сидѣла въ лодкѣ. Покуда не было народа, то ей свободно было сидѣть, а когда насѣлъ народъ наверхъ, то ее и начало заливать водою. Но народъ мало-по-малу началъ утихать—всѣ потонули; у насъ съ лодки какъ волна найдетъ, нѣтъ да нѣтъ одного. Насъ осталось только 8 человѣкъ. Плывемъ мимо своей деревни и просимъ помощи. Многіе выходили и слушали, но думали, что пьяные бурлаки кощунничаютъ. Принесло насъ на островъ. Мы бродили по нему и нашли лоскутъ сухой земли. Тамъ родила женщина, которую я вытащилъ изъ-подъ лодки. Сидѣли мы 4 дня безъ пищи и безъ одежды. Потомъ Богъ послалъ помощь: на тотъ островъ принесло водою судно, и на немъ мы переплыли на берегъ и пришли домой. Вотъ по этому случаю и сдѣлана сія риза на икону святителя Николая; а послѣ мертвыя тѣла, какъ нарочно, всѣ, по одному, приносило къ нашей деревнѣ, и всѣ они здѣсь погребены, только одного тѣла не нашлось нигдѣ, которое правило лодкой, выругавшись по-матерно».

62.

«Еще скажу вамъ (тотъ же хозяинъ продолжаетъ) одно чудо *) святителя Николая, случившееся не очень давно; назадъ тому лѣтъ 20, былъ въ Казани одинъ купецъ, мнѣ ближній пріятель; онъ держалъ мельницу на рѣкѣ Свіягѣ верстъ за 80 отъ Казани.—Ѣздивъ часто на мельницу, по дорогѣ квартиры сдѣлались всѣ знакомы, какъ родные;

*) Различаемъ сказанія о чудесныхъ явленіяхъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ *частныя* лица, отъ чудесъ въ собственномъ смыслѣ, засвидѣтельствованныхъ высшею церковною властію. *Ред.*

говорилъ съ хозяевами откровенно, какъ дома; часто ѣздилъ одинъ безъ кучера, потому что опасности никакой не было. Въ одно время ѣхавъ одинъ, везъ съ собою 15-ть тысячъ рублей; хотя и прежде онъ возилъ, но никогда никому не сказывалъ. Пріѣхавъ на одну знакомую квартиру и разговорясь съ хозяевами, онъ сказалъ, что везетъ съ собою деньги. Они это приняли какъ бы холодно, у хозяина было три сына женатыхъ. Поужинавъ, купецъ легъ спать въ переднемъ углу, а деньги положилъ въ головы: хозяинъ съ дѣтьми положились умертвить купца, женщинъ изъ дому выслали; притащили большое корыто. Купецъ спитъ, ничего не чуя. Вотъ въ самую полночь всѣ четверо съ изощренными ножами подошли къ купцу и начали его будить, ибо они не хотѣли марать лавки кровью и полъ, а думали заколоть, какъ птицу. Онъ, проснувшись, вскочилъ и сказалъ: что вамъ угодно? Они сказали, что вотъ пришла къ тебѣ смерть; ложись въ это корыто и умирай. Купецъ прежде это принялъ за шутку, а потомъ видитъ, что это не шутка, сталъ ихъ просить со слезами, чтобы деньги его всѣ взяли себѣ, только бы отпустили его живого, но они никакъ на это не соглашались. Онъ сказалъ: вы знаете, что я имѣю отца, мать, жену и дѣтей, то дайте мнѣ немного помолиться Господу Богу, испросить благословенія у родителей, проститься съ женою и благословить дѣтей, ибо я уже теперь нахожусь въ рукахъ вашихъ. Они дозволили ему помолиться и зажгли еще восковую свѣчу у иконъ. Онъ началъ молиться, а не прощаться съ родителями, женой и дѣтьми,—и просить святителя Николая Чудотворца, чтобы онъ избавилъ его отъ напрасной смерти. Имъ наскучило уже стоять, они сказали: ну долго ли тебѣ еще молиться—ложись скорѣе. Батюшки мои, еще немного помолюсь—дѣтей не благословилъ. Они еще подождали, а онъ все проситъ святителя Николая на помощь. Они опять: ну, что очень размолился? Онъ еще попросилъ ихъ положить поклоновъ 10-ть, а положилъ 50; потомъ старикъ сказалъ: ну, что на него смотрѣть, онъ всю ночь промолится,—берите его и кладите хорошенько въ корыто.

Дѣти схватили купца со всѣхъ сторонъ, а онъ уже сдѣлался безъ памяти. Святый Никола, готовый на помощь, подоспѣлъ. Они только взялись за купца, а въ окно кто-то, застучавъ, сказалъ: Эй, братъ,—называя купца по имени, что ты дѣлаешь? выходи, пора ѣхать, уже свѣтаетъ. У хозяевъ у всѣхъ со страху и ножи изъ рукъ выпали и упустили купца. Онъ отъ страха стоитъ, не понимая, что это такое. Потомъ другой разъ стучитъ, говоря: что же ты, братъ, очень долго сряжаешься: одѣвайся во всю одежду свою, бери свои деньги и выходи на улицу. Онъ воспрянулъ, какъ отъ сна, и скоро обулся, одѣлся, взялъ сумку съ деньгами и побѣжалъ вонъ изъ дома, а хозяева отъ страха стоятъ омертвѣвши. Онъ, выбѣжавъ на дворъ, видитъ ворота уже отворены и конь его запряженный стоитъ на улицѣ, а кучеръ, сидя на передкѣ, говоритъ ему: садись хорошенько. Онъ сѣлъ и они поѣхали. Всю дорогу купецъ не могъ понять, что съ нимъ дѣлается. Стало свѣтать. Кучеръ говоритъ ему: вотъ каковъ Никола! поѣзжай теперь одинъ—Казань уже недалеко. Купецъ какъ проснулся и видитъ, что на передкѣ никого нѣтъ. Тутъ-то онъ только позналъ, что это былъ святитель Никола. Смотритъ и видитъ Казань, отъѣхавъ верстъ 50. Конь нисколько не усталъ, точно сейчасъ запряженъ. Пріѣхавъ, разсказалъ домашнимъ это происшествіе и сотворилъ велій праздникъ святителю Николаю. Потомъ увидѣлъ своихъ друзей на базарѣ; поздоровавшись съ ними, они сказали ему: ты насъ не знай и мы тебя также. Итакъ разошлись. Вотъ онъ батюшка какой великій Чудотворецъ». Доздѣ о семъ.

63.

Потомъ плыли мимо города Симбирска и великихъ горъ Жигулевскихъ, которыя выше облаковъ. Вотъ бы гдѣ надобно быть Россійскому Аѳону; всѣ покрыты непроходимыми лѣсами; длины онѣ по Волгѣ около ста верстъ; на всемъ пространствѣ только 2 селенія. Горы принадлежатъ

графу Орлову. Должно полагать, что въ нихъ довольное число проживаетъ пустынножителей. Мы, плывши, видѣли троихъ, я съ двоими еще разговаривалъ. Одинъ былъ православный, а другой старообрядецъ. Я изъявлялъ свое желаніе навсегда остаться жить съ ними; но они отговорили, что очень трудно жить отъ начальства,—безпрестанно преслѣдуетъ ихъ. Очень я сожалѣлъ объ этихъ Жигулевскихъ горахъ, что такое удобное и тихое мѣсто, а монастыря нѣтъ ни единаго. Потомъ проплыли города Самару, Сызрань и Хвалынъ и пристали къ селу Булакову; и тамъ слѣзли съ судна.

64.

Прибыли въ Иргизскіе монастыри въ 1-й Воскресенскій или Криволуцкій. Начальникъ былъ монахъ Прохоръ, послѣ основанія монастыря второй игуменъ, бывшій прежде уставщикомъ при игуменѣ Сергіи, основателѣ монастырей Иргизскихъ. Здѣсь поживъ немного, сходили въ прочіе два—Никольскій средній и Преображенскій верхній; но ничего я не нашелъ и похожаго на монастыри. Эти монастыри только существовали для торговли бѣглыми попами, ибо я самъ видѣлъ и даже говорить случалось объ этомъ. Пріѣзжали изъ Сибири и изъ Москвы торговаться съ монахами, говорятъ: вотъ попъ хорошъ, да дорогонекъ, десять тысячъ рублей; за то ужъ хорошъ; а вотъ за такого-то можно взять и двѣ тысячи рублей; а какъ сибиряки пріѣзжаютъ, то не глядя даютъ 20 тысячъ рублей, ужъ для нихъ-то мы хорошенькихъ и поберегаемъ. Вѣдь они и намъ недешево приходятъ; вотъ этотъ отецъ добрый ловецъ,—все хорошихъ сманиваетъ; хотя и дорогоньки становятся, а охотниковъ на нихъ больше и дороже даютъ. А другой привезетъ дурака дуракомъ и своихъ-то денегъ не возьмешь.

Вотъ настоятельскіе разговоры; и монахи какъ сойдутся, только и разговоровъ у нихъ: какъ поповъ сманиваютъ, обманываютъ и воруютъ ихъ. Это какъ бы наука и по-

хвала у нихъ. Для меня же это все было соблазномъ и убійствомъ, ибо никогда не поговорятъ что-нибудь отъ книгъ Священнаго Писанія, и не читаютъ ихъ, потому что имъ некогда—много другихъ дѣлъ. Для меня все это было очень странно, ибо я пошелъ въ монахи не попами торговать, но Богу молиться и душу спасать свою.

65.

Не найдя душѣ своей утѣшенія, кромѣ соблазновъ, я отправился по Волгѣ въ Астрахань. Тамъ много проходивъ по буграмъ, камышамъ, протокамъ,—все искалъ гдѣ-нибудь найти уединенную пустыню; не найдя ея, возвратился опять въ Дубовку, а потомъ въ Кіевъ, паки приложился къ св. мощамъ.

66.

Потомъ отправился въ Чернобыльскій раскольничій монастырь, отстоящій отъ Кіева въ 115 верстахъ, и остался тамъ пожить, такъ какъ я нашелъ его поскромнѣе прочихъ. Вотъ здѣсь я опять немного успокоилъ себя и мысли отъ долгаго странствія. Здѣсь былъ бѣглый іеромонахъ Никандръ, хотя и слабой жизни, въ годъ служилъ 2 или 3 литургіи, но все-таки есть. Вотъ здѣсь-то первый разъ Господь коснулся моего сердца, и я безпрестанно приходилъ въ размышленіе и даже сомнѣніе вообще о раскольническомъ заблужденіи, часто воспоминая о Саровской пустыни, какъ тамъ чинно и хорошо, хотя мнѣ возражали и бранили меня, зачѣмъ я говорю про греко-россійскіе монастыри и тѣмъ соблазняю братію, а другіе говорили, что этотъ человѣкъ уйдетъ въ великороссійскіе монастыри, но я объ этомъ и не думалъ никогда, хотя и приходили въ умъ всѣ наши недостатки по Евангелію, но все-таки думалъ помереть въ расколѣ. Безпрестанно стремился гдѣ нибудь жить одному въ пустынѣ и тѣмъ умилостивить Господа Бога, имѣя великую надежду на Него, что Онъ не погубитъ меня, ежели только я буду Его просить.

67.

Еще другой помыслъ меня одолѣвалъ, который еще остался съ малыхъ лѣтъ во мнѣ: идти по самому жестокому пути—юродственному; этотъ помыслъ угнеталъ меня болѣе 20 лѣтъ, уже до самой горы Аѳонской, когда тамъ открылъ его своему духовному отцу іеросхимонаху и пустынно-жителю Арсенію. Онъ мнѣ это разрѣшилъ такъ: что помыслъ хотя хорошій, но не отъ Бога данъ, потому что ты назначенъ отъ Него идти по другому пути. Съ тѣхъ поръ и донынѣ никогда на помыслъ не приходило юродствовать. Прежде нѣсколько разъ начиналъ этотъ путь, но Богъ не далъ помощи, такъ и остался безъ исполненія; вотъ уже здѣсь въ Чернобыльскомъ монастырѣ положился было его привести въ исполненіе, и даже началъ и сидѣлъ на цѣпи, но послѣ видя, что помощи Божіей нѣтъ, то и оставилъ до время.

Сообщилъ архимандритъ Ніконъ.

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ
ИГУМЕНА
ПАРѲЕНІЯ.*)

68.

Въ одно время здѣсь, въ Чернобыльскомъ монастырѣ, читалъ я неугасимый псалтирь, въ свою очередь, нощію; такъ меня сонъ одолѣлъ, что не могъ ему противиться; ибо я въ это время очень скорбѣлъ и плакалъ о недостаткахъ и соблазнахъ нашей секты и о спасеніи души своей, а наипаче больше въ эту самую ночь; легъ на постель, тутъ находящуюся, ибо читали въ одной келіи, и заснулъ самымъ тонкимъ и пріятнымъ сномъ. Вижу во снѣ, что я стою на великомъ и пространномъ полѣ, посреди котораго стоитъ высокій столбъ, или башня, только деревянная. Мнѣ показывается, что якобы она досязаетъ до небеси; азъ же подошелъ къ ней поближе и спросилъ тутъ стоящихъ людей: что это за столбъ? Они мнѣ отвѣтили, что это путь на небеса въ царство небесное, а кромѣ сего, другаго пути нѣтъ; азъ же, слышавши сіе, весьма возрадовался, потому, что мнѣ очень хотѣлось какъ-нибудь взойти въ царствіе небесное, ибо для этого только и оставилъ домъ родителей и весь міръ; взошелъ

---

*) Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душепол. Чт.* 1899 г.

во внутрь;—лѣстницы кверху нѣтъ, и тутъ же я пришелъ въ сомнѣніе, что не обманъ ли это. Какъ можно, чтобы не было въ царство небесное лѣстницы? но однако вижу, что изъ стѣны въ стѣну торчатъ древа и переклады и можно по нимъ лѣзть кверху. Вотъ я и полѣзъ кверху съ великимъ трудомъ, кое-какъ все пробирался кверху, и съ великимъ затрудненіемъ кое-какъ взошелъ на верхъ, и посмотрѣлъ въ высоту, но небесъ еще и слуху нѣтъ, ниже что видать. Потомъ посмотрѣлъ на землю,—столь высоко взошелъ, что и земли не видно. Ужаснулось мое сердце, и весь отъ ужаса вострепеталъ, помышляя въ себѣ:—вотъ я дуракъ послушался чужихъ человѣческихъ словъ, а теперь что сотворю, недоумѣю. Какъ я могу слѣзть съ такой высоты по такому неудобному пути; ну да ежели этотъ столбъ разрушится, вѣдь онъ не каменный, самый ненадежный, то пропалъ я на вѣки. Такъ помышляя, какъ вдругъ затрещалъ этотъ столбъ, и Господь его разрушилъ, а я полетѣлъ на землю внизъ головой. Лечу и помышляю самъ себѣ: а что ежели я упаду на воду, или на камень, или на лѣсъ, то пропалъ я; но если случится упасть по Божіей милости на траву, или песокъ, то можетъ быть останусь живъ. И тако мнѣ помышляющу, летящу и внизъ очима смотрящу все ближе и ближе къ землѣ,—что же? и се внезапу увидѣлъ я на землѣ стоящаго Самого Господа моего Іисуса Христа, въ неизреченной славѣ и со всѣми святыми, со апостолы, пророки, со святители и мученики, со преподобными и праведниками. Азъ размышляю въ себѣ: о Господи! Я Тебя искалъ на небѣ, а Ты еще со всею благодатію Своею обрѣтаешися на землѣ! Что же? мнѣ случилось падать предъ Самимъ Господомъ.—Онъ, Всемилостивый мой Спаситель, протянулъ десную руку Свою и принялъ меня на Свою пречистую длань и причислилъ меня грѣшнаго и окаяннаго къ Своему избранному полчищу! О коль неизреченныя радости исполнися душа моя, что и объяснить не могу, и лежу у ногъ святыхъ Божіихъ избранниковъ. Мнѣ говорятъ: встань теперь. Я сказалъ:

какъ я могу встать; я недостоинъ и у ногъ вашихъ лежать. Еще нѣкоторые спросили: за что тебя такъ Господь помиловалъ? Я отвѣтилъ, что отнюдь не знаю, потому, что не имѣю ни единыя добродѣтели, кромѣ грѣховъ своихъ. Они сказали мнѣ: это Господь тебя помиловалъ ради Своихъ великихъ щедротъ и по Своей великой милости. Отъ этого я вдругъ проснулся, какъ бы не спалъ, и наполнилось сердце мое радости. Донынѣ не могу забыть, хотя я тогда и многимъ это сказывалъ, но никто мнѣ этого не могъ растолковать. Самъ я не могъ того понять, что со мной впослѣдствіи случится? Но когда послѣ этого прошло много лѣтъ, тогда онъ мнѣ ясно раскрылся: когда Самъ Господь Богъ разрушилъ этотъ столбъ раскола, который мнѣ показывали раскольники, якобы только у нихъ можно спастися, и лѣзли въ царство небесное со всѣмъ не по лѣстницѣ, а только думали одними трудами спастися; но Господь по Своей милости и человѣколюбію его разрушилъ, а меня присоединилъ къ Своему избранному стаду, къ Своей св. соборной апостольской Церкви, въ которой Онъ Своею благодатію пребываетъ, Самъ Спаситель міра, и до скончанія вѣка пребывать будетъ, по Его неложному обѣщанію: се Азъ съ вами во вся дни, до скончанія вѣка, аминь.

69.

Великую я въ этомъ монастырѣ брань съ плотію получилъ—многіе искали души моей. Еще врагъ діаволъ изготовилъ было сѣть, въ которую хотѣлъ совсѣмъ поймать; ибо я имѣлъ одного друга послушника, изъ Московскихъ купцовъ, также молодого, и имѣлъ съ нимъ иногда разговоры о спасеніи душъ своихъ. Вотъ чрезъ него-то и хотѣлъ было меня поймать. Въ одно время зоветъ меня къ себѣ въ келію. Я пришелъ. Онъ много разговаривалъ; напослѣдокъ сказалъ: любезный братъ, знаешь я тебя зачѣмъ позвалъ, ибо хочу тебя наградить счастіемъ. Меня просили люди передать тебѣ: такая-то послушница, Рыль-

скаго города купеческая дочь, получившая наслѣдство послѣ родителей, 50 тысячъ рублей, она очень тебя полюбила и желаетъ за тебя выдти замужъ. Она очень хороша и молода; возьми ее, да и поѣзжай въ Молдавію, тамъ и живи. Я, выслушавъ это, плюнулъ и сказалъ: такой-то ты другъ; какъ ты осмѣлился это сказать? Отъ чего изъ дому ушелъ, а ты опять хочешь меня къ міру привязать. Теперь ты ко мнѣ не ходи, и я къ тебѣ не буду. И пошелъ отъ него.

Потомъ я сталъ думать, что покуда врагъ діаволъ не поймалъ меня въ сѣти, то надо отсюда уйти. Получивъ извѣстіе изъ Молдавіи, что внутри Карпатскихъ горъ завелся скитъ, и я вознамѣрился возвратиться въ Молдавію въ Карпатскія горы. Найдя товарища, пошелъ съ нимъ въ Молдавію. А о Чернобыльскомъ писано въ моемъ путешествіи побольше.

70.

Пришедши въ Молдавію, прошли прямо, никуда не заходя, въ городъ Ктятры. Тамъ спросили, гдѣ въ скитъ дорога? Шли верстъ 6 все между горами и лѣсами. Придя въ скитъ, дали мнѣ келію, въ которой я сталъ было проживать въ спокойствіи и радости. Не успѣлъ еще хорошенько отдохнуть, какъ братія начали похаживать ко мнѣ въ келію, каждый со своей вѣрой и со своимъ толкомъ,— чего я уже терпѣть не могъ; и сколько я тамъ нашелъ старцевъ, столько и толковъ; вотъ бѣда въ Россіи въ монастыряхъ соблазны, а здѣсь въ пустыни, въ непроходимыхъ горахъ Карпатскихъ, одни толки и повседневные споры. Здѣсь-то я былъ въ самомъ котлѣ разныхъ толковъ и споровъ. Сначала я съ ними не входилъ въ толки, но потомъ нужда заставила толки ихъ разрушать; хотя и говорилъ сначала, что я сюда пришелъ не вѣры искать, а Богу молиться и спасаться, а послѣ прямо сталъ говорить, что они всѣ толкуютъ и сами не понимаютъ что. Потомъ наскучили мнѣ эти толки, да еще и другая при-

чина заставила меня оставить Карпатскія горы. Я пошелъ въ Австрію, въ Боковину, въ Русское село Бѣлую Криницу

71.

Пришелъ прямо въ монастырь, такъ называли, въ домъ основателя этого села, крестьянина Иларіона Петровича, по фамиліи, Коровьи Ножки; въ этомъ селѣ 2 часовни и 2 хъ толковъ, хотя обѣ были поповщинскаго, но однако одинъ съ другимъ не сообщались; и въ часовни одни къ другимъ не ходили; а въ домахъ почти каждый держалъ свой толкъ, и другъ съ другомъ ни въ чемъ не соглашались. Еще засталъ въ живыхъ 2-хъ стариковъ, сотоварищей Коровьихъ Ножекъ, Павла сосѣда его, и Петра Ермолаевича Привола. Но мы помощію Бога всѣ эти толки и раздоры искоренили, и соединили всѣхъ во едино, и посреди села поставили церковь, хотя не православную, а все-таки церковь; а въ монастырь навозили лѣсу—хотѣли выстроить часовню, но братія собралась всякій сбродъ: пошли безчинства, разстройства и соблазны вокругъ, я попросилъ крестьянина Ивана Тихоновича, нѣтъ ли у него гдѣ мѣстечка потише жить одному, подальше отъ народа,— и онъ поставилъ мнѣ келію въ лѣсу, на своей землѣ. Вотъ я здѣсь одинъ въ пустынѣ, а келія—землянка сырая; много претерпѣлъ скорбей и страха, отъ бѣсовъ и отъ людей искушенія, а наипаче отъ женскаго пола, ибо придутъ иногда одна, иногда двѣ дѣвицы: батюшка, пусти въ келію да и только. Чрезъ это я оставилъ и пустыню. Какой пустынникъ 20-ти лѣтъ? Потомъ по дѣламъ ходилъ въ Львовъ и прошелъ вдоль всю Галицію. Хозяинъ мой, у котораго я жилъ, самый настоящій тутошній житель; родители его, вмѣстѣ съ Петромъ Иларіоновичемъ, основывали село Бѣлую Криницу, онъ, бывало, любилъ разсказывать свою родословную исторію и дѣла своихъ стариковъ, что они чудили на свѣтѣ. Здѣсь нѣсколько словъ скажу ихъ исторіи, что упомню, ибо много уже и забылъ—прошло болѣе 20-ти лѣтъ. Но то хорошо, что я

засталъ самыхъ современниковъ и 2-хъ товарищей Коровьихъ Ножекъ и нѣкоторыхъ изъ дѣтей его.—Вотъ разсказъ моего хозяина Ивана Тихоновича.

72.

Петръ Иларіоновичъ Коровьи Ножки былъ родомъ изъ самой Москвы, купецъ богатый (наслѣдствомъ его и мнѣ пришлось управлять,—пользоваться и жить въ его домѣ и быть хозяиномъ; всего довольно осталось: иконъ въ серебряныхъ ризахъ и вызолоченныхъ окладахъ и очень великая библіотека книгъ, такъ что я нигдѣ и въ большихъ монастыряхъ не видалъ; и много садовъ и одежды), но, попавши въ расколъ, заголковался и оставилъ Москву. Взялъ съ собою только жену, сына и все имѣніе и удалился прежде въ Стародубскія слободы, а когда стали его преслѣдовать, тогда онъ переѣхалъ за Днѣпръ и поселился въ мѣстечкѣ Чернобылѣ. Тутъ къ нему присоединилось семей 40 и завели какую-то свою секту, которую я не могъ узнать, потому что они и сами ея стыдились. Только, бывало, начнешь ихъ выпытывать, что у нихъ былъ за толкъ, они скажутъ: ну, уже говорить про старое нечего—попали было въ квашню, что едва вылѣзли. Когда и тамъ начальство стало ихъ преслѣдовать, тогда они всѣ уѣхали въ Турцію къ Некрасовцамъ, но только съ ними не соединились, а стали жить сами по себѣ и заниматься рыбною ловлею. Вотъ попали они на одинъ случай, который ихъ и дѣтей сдѣлалъ счастливыми.

Австрійскій императоръ захотѣлъ узнать глубину Дуная отъ самой Вѣны—до Чернаго моря, чтобы со временемъ сдѣлать сообщеніе водою Вѣны съ Константинополемъ и что пройдетъ ли флотъ. Когда промѣривали противъ турецкихъ крѣпостей Измаила и Тульчи, тогда турки, увидѣвъ нѣмцевъ, сочли ихъ шпіонами и сдѣлали за ними погоню. Нѣмцамъ было некуда дѣться, бросились къ русскимъ рыбакамъ и стали ихъ просить, чтобъ они ихъ спасли отъ турокъ. Русскіе вездѣ отважны,—не убоявъ-

шись турокъ, немедленно посадили нѣмцевъ въ лодку; отправивъ ихъ въ море, сказали, чтобы изъ моря другая лодка немедленно приплыла сюда. Турки, пріѣхавъ тотчасъ къ нимъ, спросили: казакъ, гдѣ нѣмцы—куда вы ихъ дѣвали? Рыбаки отвѣтили, что не знаютъ, что за нѣмцы и даже не видѣли ихъ. Турки: «вы ихъ въ море отправили—вонъ въ той лодкѣ». Рыбаки: «нѣтъ эта лодка наша; на ней поѣхали посмотрѣть рыбаки наши рыбныя снасти; вотъ она сейчасъ вернется». Турки, подождавъ, видятъ, что лодка вернулась, хотя и не та, но турки повѣрили и уѣхали въ свое мѣсто. Русскіе въ ночи привезли нѣмцевъ и одѣли ихъ въ свою одежду и вмѣсто работниковъ свезли ихъ въ Галацы,—въ Молдавію, а изъ Молдавіи уѣхали въ Австрію. Вотъ этотъ посланникъ, спасенный русскими, сказалъ имъ: «если хотите вѣчно быть счастливыми, то пріѣзжайте къ намъ въ Австрію, и что будете желать—все получите». Наши рыбаки и вздумали ѣхать въ Австрію. Самымъ первымъ тутъ былъ Петръ Иларіоновичъ Коровьи Ножки. Пріѣхавъ въ Черновцы, сказали, что дѣло имѣли до самого императора. Нѣмцы дали имъ квартиры. 6-ть человѣкъ поѣхали въ Вѣну. На заставѣ спросили ихъ: «зачѣмъ ѣдете въ городъ и какое имѣете дѣло?» Они, какъ были прежде научены, сказали, что имѣютъ дѣло до императора; ихъ тутъ же посадили подъ стражу; и 12-ть дней державъ подъ стражею, ежедневно допрашивали ихъ: какое имѣютъ они дѣло до императора? Они только и говорили, что имѣютъ дѣло до самого императора. Чрезъ 12-ть дней представили ихъ на лицо императору, который, обласкавъ ихъ, спросилъ, что вамъ надобно? Они сказали: что нужно такого-то генерала. Генералъ явился и тотчасъ узналъ ихъ. Императоръ спросилъ генерала: а что, ты этихъ людей знаешь? Онъ отвѣтилъ: «какъ мнѣ ихъ не знать—это мои спасители; если бы не они, то ты бы больше меня не увидѣлъ. Если имъ хочешь чѣмъ заплатить, то заплати тѣмъ, чего они желаютъ». Императоръ далъ имъ земли — сколько они хо-

тѣли—и указъ такой, что они пожелали имѣть. Но по своей глупости земли много не взяли. Теперь ее стало уже мало для садовъ. Потому они не хотѣли брать много земли, что не намѣрены были имѣть отъ себя потомства; ибо всѣ дали клятву, чтобы дѣтей своихъ не женить и замужъ не отдавать, ибо толки до добра не доводятъ: «на что намъ, говорятъ, женить дѣтей, когда скоро будетъ страшный судъ»; и прочая, многая смѣху достойная, ихъ дѣла;—скучно уже и писать о нихъ.

73.

Бывши я въ пустынѣ, тамъ въ монастырѣ одинъ странникъ задалъ намъ задачу, которая насъ очень отяготила; я тамъ, постригшись въ иноки, вознамѣрился идти за Дунай, въ Турцію, дабы убѣжать толковъ и соблазна, да еще подумалъ побывать во св. горѣ Аѳонской и въ Іерусалимѣ, ибо съ малыхъ лѣтъ какое-то имѣлъ внутреннее желаніе. Но Богъ оставилъ меня въ Молдавіи въ Мануиловскомъ скитѣ, гдѣ и послалъ мнѣ единомысленнаго друга, отца Іоанна, съ которымъ, помощію Бога, могли разрушить преграду раскола. Потомъ къ намъ присоединились двое—Силуянъ и Исихій, которые немедленно отправились въ Россію.

74.

Я ихъ проводилъ до самаго Корсунскаго единовѣрческаго монастыря, находящагося въ Таврической губерніи. Ѣхали мы чрезъ Австрію на Сочаву, и Черновцы, и Окопы; въ Россію выѣхали на Каменецъ-Подольскій, а потомъ все внизъ, на города Балту и Николаевъ и Херсонъ;—здѣсь переправившись чрезъ Днѣпръ, пріѣхали въ монастырь. Ожесточилъ Господь мое сердце — я не захотѣлъ здѣсь присоединиться къ Церкви и остаться на жительство. Никакія увѣщанія не подѣйствовали, хотя самъ ихъ архимандритъ увѣщевалъ присоединиться къ единовѣрческой церкви. Это искушеніе попущено было на меня отъ Бога

для моего смиренія, чтобы я не возгордился, что я самъ собою вылѣзъ изъ раскола.—Нѣтъ, видно аще не Господь привлечетъ кого, то никто не можетъ самъ собою вырваться изъ сѣтей раскола. Вотъ здѣсь, если бы не Господь меня избавилъ и вывелъ изъ заблужденія раскола, то пропала бы душа моя: она готова была принять смерть за расколъ, ибо шедши въ Молдавію все по раскольникамъ; а можетъ быть Господь и для другого дѣла, болѣе полезнаго, на время ожесточилъ мое сердце; иначе я не вышелъ бы изъ этого монастыря до смерти; но Господомъ назначено было мнѣ много еще пострaнствовать по свѣту и многихъ обратить на истинный путь изъ раскольническаго заблужденія; какъ это все послѣ случилось на самомъ дѣлѣ.—Съ горькими слезами проводили меня изъ Корсунскаго монастыря братія моя Силуянъ и Исихій. Пришедши въ Херсонъ, Николаевъ и Одессу, тамъ не много поживя, прибылъ въ Кишиневъ, чрезъ города Тирасполь и Бендеры; прописавъ паспортъ за границу, чрезъ Скуляни и Яссы, прибылъ опять въ Мануиловскій скитъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы къ отцу Іоанну, другу моему, никогда не ходить. Однако какъ пришелъ въ келію свою, нетерпимо захотѣлось повидаться съ другомъ моимъ. Когда я пришелъ въ его келію, онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, что это я возвратился назадъ; потому что съ какимъ я жаромъ поѣхалъ въ Россію и какую имѣлъ ревность къ св. Церкви.

Когда же я разсказалъ ему, что со мной случилось, онъ сказалъ: это Господь Самъ тебя ко мнѣ возвратилъ; ибо какъ вы уѣхали я все скорбѣлъ, что остался здѣсь одинъ въ своихъ тѣлесныхъ болѣзняхъ. Я, придя къ нему въ келію, вдругъ весь перемѣнился: какъ бы покровъ снялся съ моего сердца и увидѣлъ свою погрѣшность. Потомъ перешелъ къ нему въ келію совсѣмъ жить.

75.

Здѣсь скажу, какъ я чрезъ 7 лѣтъ увидѣлъ родителей, ибо эти первые 7 лѣтъ прошли моего странствія такъ, что я ихъ не видалъ и никакого извѣстія отъ нихъ не имѣлъ; также и они обо мнѣ ничего не слыхали; но только ежедневно плакали.—Пришелъ я въ свой городъ, прямо въ домъ того купца, отъ котораго выѣхалъ въ монастырь. О, какъ опять все это напомнило мнѣ день моего разлученія съ міромъ! Они уже не узнали меня, потому что уже обросъ бородою и въ монастырской одеждѣ; когда я сказался, много они плакали, а хозяинъ теперь только узналъ, кого онъ тогда провожалъ. Я распросилъ о родителяхъ и узналъ, какія они послѣ меня прошли искушенія и претерпѣли скорби: больше моего они всего натерпѣлись.

Я пожелалъ видѣть только одну родительницу, потому что еще боялся родителя, чтобы онъ не остановилъ меня торговать. Хотѣла идти сама хозяйка за ними, но хозяинъ не пустилъ, зная женскую слабость—что сдѣлаютъ плачъ. Вечеромъ пришелъ къ родителямъ, напоили его чаемъ и кое-что много разговаривали. Потомъ родитель зачѣмъ-то вышелъ вонъ; а гость родительницу увелъ въ другую горницу и сказалъ: «тебѣ сынъ поклонъ послалъ». Она, услышавъ имя сына, упала на землю и сдѣлалась какъ мертвая. Онъ, испугавшись, тотчасъ обрызнулъ лицо холодною водой. Она опамятовалась и спросила: «какого сына ты мнѣ помянулъ?—неужели Петю?» Онъ сказалъ «да, его». Она: «да гдѣ же онъ, неужели еще живъ?» Купецъ сказалъ: «живъ—у меня въ домѣ теперь и желаетъ видѣться съ тобою; но отцу сказывать не велѣлъ». Она сказала: «да онъ еще все боится отца,—ничего,—что было, то уже прошло, и отецъ давно его благословилъ и больше моего о немъ сожалѣетъ; но однако я не скажу ему, пока не

позволитъ Петя». Потомъ гость пошелъ домой, сказавъ, что онъ желаетъ видѣться утромъ, а не сегодня.

Родительница сдѣлалась вся не своя и измѣнилась въ лицѣ и даже мѣшалась въ рѣчахъ. Родитель тотчасъ замѣтилъ, что гость приходилъ не даромъ и спросилъ у родительницы: «что ты сдѣлалась сама не своя, говори скорѣе, или Петичка здѣсь близко гдѣ нибудь?» Она хотѣла было сказать, что не знаю, но не могла—упала и заплакала. Родитель: «гдѣ же онъ?» Она сказала гдѣ... и такъ всю ночь пробыли безъ сна, едва могли дождаться свѣта.

Утромъ я вышелъ на дворъ, смотрю—идетъ родительница и прямо ко мнѣ съ вопросомъ: «гдѣ здѣсь странникъ остановился?» Я не могъ стерпѣть, сейчасъ же сказалъ: «маменька! Вотъ уже не узнала сына своего». Она, ухватившись за меня, сдѣлалась безъ памяти,—едва втащили въ домъ. Потомъ мало-по-малу отдохнула и сказала: «хочешь ли съ отцомъ повидаться? Ты его боишься, что онъ тебя остановитъ? Не бойся, онъ давно уже тебя благословляетъ и о тебѣ сожалѣетъ больше моего. Онъ стоитъ за воротами, дожидается твоего соизволенія повидаться съ тобою». Я сказалъ: «когда такъ, то пусть придетъ: повидаемся и поговоримъ немного». Тутъ же послали за нимъ. Онъ, пришедши и увидавши меня, весь исполнился слезъ; потомъ, поздоровавшись, всѣ сѣли одинъ противъ одного; и всѣ молчимъ, хоть бы слово кто сказалъ. Я говорю: «что же вы молчите и ничего не говорите со мной?» Они отвѣтили: «не можемъ ничего говорить: сердца наши истаяли отъ жалости;—довольно намъ и того, что очи наши смотрятъ на тебя,—мы больше и не хотѣли: хоть бы разъ въ жизни на тебя взглянуть; но вотъ теперь уже на тебя цѣлый часъ смотримъ».—Потомъ родитель еще мнѣ замѣтилъ: «что ты не соскучился ли странствовать? а то пойдемъ домой жить,—мы бы очень рады были». Я отвѣтилъ: «смотрите на меня, я уже живой мертвецъ: первые годы перенесъ, хотя и тяжки были, а теперь уже слава Бога—живу радуюсь и веселюсь, и благодарю Бога моего, что

выхватилъ меня изъ міру». Потомъ они разсказали вкратцѣ, свои скорби, которыя претерпѣли послѣ меня. Я началъ имъ предлагать, чтобы они оставили расколъ и присоединились бы къ святой восточной Христовой Церкви. Но они не то чтобъ говорить, но даже напоминать о томъ не велѣли: «ты уже самъ какъ знаешь, а намъ этого не напоминай и не наводи намъ скорби; намъ и безъ того скорбно». Такъ посидѣли часа три, въ теченіе семи лѣтъ. простились опять на долго, но однако до смерти своей все знали, гдѣ я живу.—Писемъ посылалъ я очень мало, а все по слуху обо мнѣ знали, хотя и во Аѳонской горѣ я жилъ.—Вотъ первое было свиданіе.

76.

Живши мы въ скиту Мануиловскомъ, между раскольниками, были собраны на насъ соборы, родные пріѣзжали къ намъ на увѣщаніе, о чемъ писано въ первой части странствованій моихъ.

Перезимовавъ зиму, весной отправились въ Россію чрезъ Австрію, выѣхали въ Россію на Каменецъ-Подольскій и чрезъ Бердичевъ прибыли въ Кіевъ. Въ Кіевѣ насъ встрѣтили скорби, ибо гражданскій губернаторъ хотѣлъ насъ вернуть обратно въ Молдавію. Но мы, дождались новаго митрополита Филарета, который заступился за насъ и сдѣлалъ наше желаніе. Еще мнѣ привелось видѣть въ пещерахъ рабу Божію, которая открыла мнѣ великое таинство. Наконецъ, прибыли мы въ Костромскую епархію въ Высоковскій единовѣрческій монастырь. Ѣхали мы чрезъ города: Козельскъ, Нѣжинъ, Борзну, Королевецъ, Глуховъ, Сѣвскъ, Дмитріевъ, Кромы, Орелъ, Мценскъ, Тулу, Рязань, Касимовъ, Муромъ, Нижній-Новгородъ, Балахну, село Городецъ и въ монастырь Высоковскій. Здѣсь занималъ я должность уставщика, и ѣздили въ Кострому къ преосвященному епископу Владиміру, который принялъ насъ съ любовью. Здѣсь я собралъ и написалъ книгу противъ раскольниковъ; собралъ я ее изъ 80 древнихъ

книгъ, и новыхъ печатныхъ и рукописныхъ—о непоколебимости Христовой Церкви, о важности епископскаго сана, о седьми таинствахъ, безъ которыхъ не можно спастись, а безъ иныхъ можно обойтись, о святости и силѣ четвероконечнаго креста, книга величиною съ учебный псалтирь, писана полууставомъ порядочно, но къ сожалѣнію, должно быть, раскольниками истреблена; потому что я пошедши во св. гору Аѳонскую, съ однимъ помѣнялся и я взялъ Іоанна Лѣствичника, потому что въ Аѳонѣ раскольниковъ нѣтъ и преніе имѣть не съ кѣмъ. Этого человѣка опять въ Россіи совратили въ расколъ и онъ померъ въ Чернобыльскомъ монастырѣ, а куда моя книга дѣвалась—неизвѣстно.

77.

Живя въ Высоковскомъ монастырѣ, мы прочитали много книгъ, разныхъ, потому что онѣ были у меня на рукахъ. Подъ 23 апрѣля 1838 года, Богъ меня посѣтилъ, и я совершенно оглохъ и былъ глухимъ 10 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 20 дней.

1838 года, 19 мая пріѣхали мы въ Надѣевскую пустынь къ отцу Тимону и я съ нимъ въ его келіи много разговаривалъ; между прочимъ онъ узналъ, что я обратившійся изъ раскола, спросилъ меня: «а гдѣ ты теперь живешь?»

Я отвѣтилъ: «въ Высоковскомъ единовѣрческомъ монастырѣ».

Онъ вопросилъ: «стало быть ты еще не совсѣмъ оставилъ расколъ, а то для чего бы тебѣ жить въ такомъ полураскольничьемъ монастырѣ, еще и съ больными?»

Отвѣтъ: «нѣтъ, отче, я совершенно признаю истинную св. соборную апостольскую Христову Церковь, какъ восточную, такъ равно и греко-россійскую и никакого въ томъ сомнѣнія не имѣю; ибо истинно вѣрую словесамъ Христа Спасителя, что врата адова ея не одолѣютъ. Но только удерживаетъ меня двуперстное сложеніе и нѣкоторые обряды. Для того и выѣхали мы изъ Молдавіи».

Тимонъ: «вотъ я говорю, что ты не совсѣмъ чистъ, что такъ ты еще привязанъ къ двуперстному сложенію. Что тебя такъ очень привязало къ двумъ перстамъ? Ибо во Евангеліи Христосъ не сказалъ, чтобы въ два перста молиться; также и ни одинъ апостолъ о томъ не упомянулъ, ниже, который вселенскій или помѣстный соборъ, ниже, который изъ святыхъ приказалъ такъ молиться? Въ восточной-греческой Церкви и помину нѣтъ о двуперстномъ сложеніи, а только это начали толковать въ Россіи, но и то уже впослѣдствіи времени, не болѣе въ теченіе 100 лѣтъ; но и то въ это время въ Россіи ни одного святого Господь не прославилъ. Но хорошо, ты молишься въ два перста и это считаешь правильнымъ; а святую Христову Церковь ты необходимо долженъ признать и сказать, что она вся погрѣшаетъ въ томъ, что она молится вся въ три перста. Ты смотри: всѣ патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы и всѣ иноки, схимники, затворники и всѣ православные христіане, молятся въ три перста—во имя Святыя Троицы. Хотя и молятся нѣкоторые въ два перста, такъ это простолюдины и то самовольно; а хотя въ единовѣрческой церкви это и оставила св. Церковь, только по материнскому снисхожденію, для немощной братіи. Но если по твоему, что св. Христова Церковь погрѣшаетъ въ томъ, что въ три перста молится, то стало быть уже Христосъ ей не глава, и Духъ Святый въ ней уже не существуетъ и не управляетъ ею—стало быть Христовы и Евангельскія словеса несправедливы, и стало быть врата адова уже Церковь Христову одолѣли, когда она уже погрѣшила? Охъ, не дай Боже этого и помыслить,—ибо вѣрны и истинны словеса Христовы, писанныя во Евангеліи, ибо Самъ Господь сказалъ: что небо и земля мимо идетъ, словеса же не мимо идутъ».

Я какъ стоялъ и упалъ ему въ ноги и заплакалъ горькими слезами, сказавъ: «Отче святый! Прости меня окаяннаго и многогрѣшнаго раскольника, ты убѣдилъ меня; съ этого времени никогда не буду молиться по своей волѣ

въ два перста». Тутъ же перекрестился въ три перста во имя Св. Троицы; и сдѣлалась въ сердцѣ моемъ легость и неизреченная радость. Съ того времени и по сіе—молюсь въ три перста, безъ всякаго сомнѣнія благодатію Божіею.

Того же года я дважды посѣтилъ Надѣевскую пустынь и великаго старца пустынножителя Тимона, отъ котораго я получилъ много пользы душѣ своей и даже облегченіе глухоты моей, и дважды того лѣта ѣздили въ Кострому,—наконецъ и выѣхали совсѣмъ, ибо положились уже поступить прямо въ великороссійскіе монастыри и ѣхать, для препровожденія своей жизни во св. гору Аѳонскую; хотя преосвященный Владиміръ и много насъ уговаривалъ остаться, но не могъ, и мы по пути заѣхали въ Саровскую пустынь, въ которой гостили 10 дней и хотѣли было совсѣмъ остаться, но игуменъ Нифонтъ, хотя и съ любовью принималъ насъ, но велѣлъ намъ ѣхать въ Тамбовъ къ преосвященному. Мы много въ Саровѣ бесѣдовали со старцемъ, духовникомъ Иларіономъ. Потомъ прибыли въ Тамбовъ 14 августа подъ праздникъ Успенія Богородицы. Мы нѣсколько разъ ходили ко владыкѣ, но насъ до него не допустили. По этому мы заключили, что намъ нѣтъ видно воли Божіей остаться въ Саровѣ и поѣхали далѣе. Намъ очень хвалили въ Воронежской епархіи Толщевскую пустынь; заѣхавъ въ нее, мы только ночевали; потому не остались въ ней, что не показалась противу Сарова, итакъ, пріѣхали въ Воронежъ, сподобились приложиться къ св. мощамъ святителя Митрофана, но къ преосвященному архіепископу Антонію не сподобились подойти принять благословенія. Потомъ чрезъ города Дѣвицу, Старый Осколъ, Бѣлградъ, Харьковъ, Полтаву и Кременчугъ прибыли въ Корсунскій единовѣрческій монастырь; увидя тамъ своихъ старцевъ Силуяна и Исихія, много радовались,—два года съ ними не видались. Тутъ было совсѣмъ насъ уговорили остаться; но въ Одессѣ преосвященный Гавріилъ насъ не принялъ и мы должны были возвратиться въ Молдавію, чрезъ Тирасполь, Бен-

деры и Яссы, пріѣхали прямо въ Нѣмецкій монастырь, но тамъ насъ не приняли. Мы поѣхали въ монастырь Ворону, случайно заѣхавъ въ прежній свой скитъ, нашли свою келію порожнею,—какъ ее оставили. Мой другъ остался тутъ жить, а я пошелъ въ монастырь Ворону и тамъ большими трудами и скорбями могъ выпроситься.

Вотъ здѣсь на гостинной кухнѣ готовили мы пищу для гостей,—пришелъ одинъ старецъ, именемъ Зосима, пустынножитель и много мнѣ пророчествовалъ; теперь уже почти все исполнилось.

78.

Въ эту зиму ходивши къ другу моему отцу Іоанну въ скитъ Мануиловскій, тамъ еще Богъ помогъ обратить изъ раскола восемь человѣкъ;—вотъ зачѣмъ мы пріѣхали въ Молдавію.

Въ этомъ монастырѣ всѣхъ насъ и присоединили къ св. Христовой Церкви.

Сообщилъ *Архимандритъ Никонъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ
ИГУМЕНА
ПАРѲЕНІЯ.*)

79.

Здѣсь скажу о себѣ, какимъ образомъ первый разъ я узналъ о высотѣ безмолвія и о самой цѣли монашеской жизни, хотя и много странствовалъ по свѣту, но нигдѣ не слыхалъ, что есть совершенство монашеской жизни, ибо между раскольниками почти и слуху нѣтъ о ней. Хотя и много было разговоровъ о спасеніи души и въ мірѣ еще, но полагалъ, что надо побольше молиться, дѣлая поклоны,—поститься, милостыни не принимать и помогать бѣднымъ, а больше ничего не нужно; какіе уже нынче великіе подвижники, нынче кто вина не пьетъ да къ женамъ не ходитъ, вотъ и чудотворецъ, что для меня несносно было слушать, потому что и въ міру все это исполнялъ безъ опущенія.

По этому надобно заключить о жизни раскольническихъ монаховъ.

Мнѣ часто приходило въ размышленіе, что ежели я уйду въ пустыню, буду поститься и молиться, дѣлая земные поклоны, псалтирь и каноны читать, а послѣ что

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Чт.* 1899 г.

буду дѣлать? Неужели на этомъ и конецъ иноческой жизни неужели это самое и совершенство? Какимъ же образомъ намъ любить Бога?—Неужели только чтеніемъ и поклонами? Хотя я много читалъ книгу священно-инока Дороѳея, но не могъ себѣ тогда растолковать это, по юному моему возрасту и уму, и такъ все это осталось для меня въ неизвѣстности до времени; но пришло время—самъ Господь показалъ нечаянно и недуманно.

Вотъ, въ одно время, когда я, проходя изъ Карпатскихъ горъ въ Австрію,—мимо Мануиловскаго скита, зашелъ ночевать къ монаху Адаму,—онъ, принявъ меня,—самъ пошелъ ночевать на базаръ въ Фильтичени; я остался въ келіи одинъ. Вечеромъ, прочитавъ вечерню, началъ пересматривать у него книги: нѣтъ-ли какой, которой я еще не читалъ.

80.

Попалась мнѣ книга—бесѣды великаго Макарія Египетскаго, которую я еще не читалъ никогда, ибо она рукописная очень рѣдкая. Я и принялся ее читать. Что же? только началъ читать, почувствовалъ въ душѣ великую сладость и утѣшеніе. Когда, прочиталъ одно слово, то полились слезы ключами. Я не зналъ, что увидѣлъ, думая, что это и есть царство небесное. О, Боже мой! что читаю далѣе, то больше мнѣ открывается; такъ, что я во всю нощь позабылъ и о снѣ. Воистину сладки гортани моей словеса Господа. Теперь-то я узналъ для чего я оставилъ міръ и родителей. О, Боже мой! что наши толкуны толкуютъ о вѣрахъ? Вотъ бы надобно о чемъ толковать и думать—къ Богу-то поближе; тогда и вѣру истинную Онъ откроетъ; когда очи отверзутся, тогда и дорогу можно найти скорѣе, а то какъ слѣпцы слѣпцовъ водятъ и на настоящую дорогу выйти не могутъ; только и толкуютъ: тотъ не хорошо перекрестился, другой не такъ поклонился, а иной не такъ положилъ начало; кто не въ такой одеждѣ пришелъ, кто не такъ пропѣлъ,—не такъ слово

выговорилъ;—за всѣ эти мелочи одинъ отъ другого отдѣляются и одинъ другого гнушаются и вмѣстѣ не пьютъ и не ѣдятъ, а про любовь къ Богу и ближнему никогда и не помянутъ. Съ этого времени еще болѣе сердце мое зарвалось въ пустыню и на самые жестокіе труды.

Пришелъ отецъ Адамъ съ базару. Я ему сказалъ: «Отче! какой я прекрасный камень нашелъ у тебя въ келіи, про который еще никогда и не слыхалъ» и сказалъ ему, какую онъ имѣетъ прекрасную книгу у себя. Онъ сказалъ: «да, книга высокая, да по ней мало живутъ. Есть еще и другая книга, подобная этой, очень хорошая, только печати не нашей,—называется Добротолюбіе; но только наши ею гнушаются, за то, что великороссійской печати, но она есть въ дальнемъ скиту у отца Ѳеодосія и они ее держатъ тайно и никому не показываютъ». Я, услышавъ про такую душеспасительную книгу, немедленно отправился въ дальній скитъ. Придя къ отцу Ѳеодосію и отцу Гедеону, началъ упрашивать, чтобы они хотя показали мнѣ такую книгу; но они всячески отказывались, что у нихъ такой книги нѣтъ, и спросили: «кто тебѣ сказалъ, что мы держимъ такую книгу?» Я сказалъ, что отецъ Адамъ. Они, дѣлать нечего, вынесли книгу. Я какъ ее увидѣлъ, такъ и затрепетало мое сердце, и началъ просить, чтобы дали хотя на одну нощь. Они долго было не давали, наконецъ дали, прося меня, чтобы я никому ея не показывалъ. Я, взялъ ее и прочиталъ немного; тогда-то забрало меня за живое, и помышляю въ себѣ: что это такое? Грекороссійская Церковь какія имѣетъ драгоцѣнныя книги, а мы какіе нищіе отъ крупицъ падающихъ, какъ пси голодные хватаемъ! что это такая за тайна? всю благодать получаемъ отъ Россійскія Церкви, а все ее бранятъ наши толкуны! Съ этого времени сталъ я знать эти книги: Добротолюбіе и бесѣды Великаго Макарія Египетскаго.

Опять возвращаюсь къ моему путешествію.

1849 года въ іюнѣ проводили мы въ Россію старцевъ: отца Іоанна, Анатолія и прочихъ.

81.

28 сентября того же года и мы съ Никитой отправились въ св. гору Аѳонскую чрезъ города: Романъ, Бакевъ, Факшане, Браиловъ, Мачинъ, Силистрію, Тортукай, Рущукъ, Габрово, Шипкой, Калоферъ, Базарчукъ, Татарскій, Быстрицы, Серезъ, Изворъ, Гирсово. И во Аѳонѣ. Проживя во св. горѣ Аѳонской полтора года, дважды былъ постриженъ въ мантію и схиму. Здѣсь были духовные отцы и близкіе друзья—много кое-что я отъ нихъ узналъ. Если будетъ угодно Богу, то, что упомню, и напишу.

82.

1841 года апрѣля послали меня изъ русскаго монастыря для сбора и для обращенія родителей моихъ къ православной вѣрѣ и ко Христовой Церкви. Со скорбію и слезами я разлучился со св. горой Аѳонской. Чрезъ Архипелагъ, Дарданельскій проливъ, Калиполь, Константинополь, Черное море, Варну, Сулинъ, Тульчу, Галацы, Берлатъ, Васлуй, Яссы, и опять Галацы, Измаилъ, Кишиневъ, Кіевъ и пустынь Бѣлые берега и изъ Оптинска въ Москву,—потомъ чрезъ Нижній-Новгородъ, прибылъ, по Волгѣ, въ Казань; отсюда послалъ письмо въ Аѳонскую гору, чтобы немедленно выслали мнѣ сборную книгу, потому что нужно. Перемѣнилъ паспортъ, дѣла никакого нѣтъ и жить негдѣ.

83.

Узнавши, что друзья мои: отецъ Іоаннъ и Анатолій живутъ въ Саратовской губерніи Иргизскихъ монастыряхъ, хотя не имѣя ни одной копейки денегъ, чрезъ Самару прибылъ къ нимъ и много другъ другу радовались, что увидѣлись нечаянно.—Вотъ чрезъ 20 лѣтъ опять увидѣлъ Иргизскіе монастыри, но только уже не въ такомъ видѣ, какъ прежде были: не стало бѣглыхъ поповъ, а все за-

конное священство. Погостивъ тамъ 6-ть недѣль, я начальниками былъ выгнанъ, что сказалъ правду, что въ Аѳонѣ молятся въ три перста. Оттуда чрезъ Хвалынь, Сызрань и Симбирскъ опять возвратился въ Казань. Здѣсь въ консисторіи узнавъ, что нашего монастыря сборщику, монаху Іеринею, Святѣйшій Синодъ выдалъ книгу для сбора, я очень былъ радъ, хотя бы послужить сборщику для обители, и отправился въ С.-Петербургъ, хотя денегъ нѣтъ ни копейки. Чрезъ Нижній-Новгородъ, Владиміръ, Москву, Тверь, Новгородъ, прибылъ въ С.-Петербургъ, еще въ первый разъ какъ въ темный лѣсъ, но однако отыскалъ своего сборщика, который былъ въ Аѳонѣ близкій другъ; но онъ принялъ меня очень холодно, даже и огорчилъ. Я что буду дѣлать: ѣсть нечего, жить негдѣ, дѣла никакого нѣтъ—пошелъ на малую Охту въ часовню Валаамскаго монастыря и спросилъ: нельзя ли попасть на Валаамъ? Старцы отправили меня съ попутчиками туда и въ великомъ постѣ прибылъ я въ монастырь, и постились тамъ 6-ть недѣль до весны. Спаси Господи игумена Дамаскина: принялъ меня очень ласково и успокоилъ меня и даже упрашивалъ меня остаться навсегда у нихъ жить. Я сказалъ, что посланъ за послушаніе: на Валаамъ пріѣхали по льду, а съ Валаама въ лодкѣ, на берегъ, а потомъ пѣшій 250 верстъ по Финляндіи и по пути заходилъ на Коневецъ; тамъ погостилъ 4 дня. Валаамъ мнѣ лучше показался: больше благочинія и построже живутъ. Потомъ прибылъ въ С.-Петербургъ, а оттуда сѣлъ на тихвинку и поѣхалъ водою до Казани, чрезъ города: Ладогу, Тихвинъ и Устюжну,—по рѣкамъ: Сясь, Горюнь, Соминь и Мологѣ,—города Мологу, Рыбинскъ, Ярославль, Кострому, Нижній-Новгородъ и прибылъ въ Казань. Здѣсь бумаги и книга сборщика изъ Аѳонской горы меня дожидались. Я, получивъ, былъ утѣшенъ этимъ и, по благословенію преосвященнаго Владиміра, посбиралъ для горы Аѳонской. Насбиравъ 100 рублей серебр. отослалъ въ монастырь, а самъ отправился опять въ С.-Петербургъ для полученія

законной книги изъ Св. Синода и потомъ до Нижняго по водѣ, а до Москвы на коняхъ; здѣсь я вознамѣрился побывать въ Сергіевой Троицкой Лаврѣ и поклонится св. мощамъ преподобнаго Сергія. Еще дотолѣ въ Лаврѣ не бывалъ.

84.

Придя въ Лавру, я нашелъ знакомыхъ людей, бывшихъ въ Аѳонѣ. Тамъ погостилъ 2 недѣли. Поговѣвъ, причастился св. Таинъ; тогда еще скита Геѳсиманскаго и слуху не было. Потомъ отправился обратно въ Москву и до Хотькова монастыря проводили меня знакомые отцы: іеромонахъ Самуилъ, Грекъ, и іеродіаконъ Мелетій, уже теперь благочинный. Въ Хотьковѣ были у одной юродивой матери Евдокіи — она мнѣ всю жизнь мою прошедшую разсказала и всѣ недоумѣнія разрѣшила; и предсказывала грядущія на меня скорби. Показывая на свои ноги, сказала: вотъ эти ноги скоро въ кандалы закуютъ и проч. Но я хотя и догадывался, но не предвидѣлъ тому причины, и каждый помыслъ мой разрѣшила. Отсюда отправился въ Москву, а потомъ въ С.-Петербургъ; найдя Іеринея, просилъ его походатайствовать о мнѣ, или хотя показать мнѣ ходъ дѣла. Но онъ не только не помогъ, но еще помѣшалъ дѣлу. Что долженъ дѣлать—не знаю. Уже одинъ ходилъ къ оберъ-прокурору графу Протасову, но онъ отказалъ, потому что еще и Іеринеевой книгѣ срокъ не кончился; —далъ мнѣ совѣтъ ѣхать въ тѣ страны, гдѣ Іериней сбирать не будетъ; въ Сибири очень хорошо, а епархіальное начальство можетъ быть тебѣ разрѣшитъ, ибо у тебя документы хорошіе; а послѣ, когда Іериней окончитъ свой сборъ, тогда и тебѣ можно разрѣшить. Вотъ я и положился ѣхать въ Сибирь.

85.

Въ этотъ разъ Валаамскій игуменъ Дамаскинъ познакомилъ меня съ однимъ купцомъ, Сергѣемъ Артамонычемъ

Демидовымъ, рыбнымъ торговцемъ. Вотъ нашелъ я его себѣ друга, утѣшителя и благодѣтеля. Жизнь онъ свою продолжалъ по пустынически, хотя и торговалъ на милліонъ рублей, но ничто его не могло развратить. Онъ былъ лѣтъ 35-ти, чаю не пилъ, мясного не ѣлъ, въ баню не ходилъ и тѣло свое не мылъ—правило все выполнялъ монашеское; кушалъ въ день однажды, и то всегда съ монахами. Каждому, кто у него обѣдалъ, платилъ по полуимперіалу; странникамъ подавалъ по 1 руб. сер.,—нищимъ по 10 копеекъ; у него много рыбныхъ садковъ, на нихъ много комнатъ и всѣ онѣ заняты монахами, или странниками, и самъ жилъ на садкѣ, а семейство въ домѣ,—тамъ онъ и кушалъ; очень желалъ быть монахомъ, но семейственныя обстоятельства не позволили, ибо былъ опекуномъ малолѣтнихъ племянниковъ. Послѣ такъ міряниномъ и скончался.

86.

Я изъ Петербурга поѣхалъ въ Сибирь, хотя и не очень хотѣлось, но дѣлать нечего, и черезъ Москву въ Нижній-Новгородъ, а тамъ до Казани водою уже прибылъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Изъ Казани нанялъ извозчиковъ по пути съ товаромъ до Перми. Отъѣхавъ отъ Казани 500 верстъ и не доѣхавъ 5 верстъ до города Оханска, пріѣхали въ домъ извозчиковъ, а тутъ выпалъ снѣгъ, и имъ было нужно перекладывать товаръ съ тѣлегъ на сани. По Божьему изволенію, отецъ извозчиковъ сдѣлался боленъ и даже къ смерти. Дѣти поѣхали за священникомъ въ городъ (ибо приходомъ они въ городѣ). Пріѣхалъ священникъ и больного исправилъ по христіанскому обычаю, и больной выздоровѣлъ. Священникъ спросилъ меня: откуда и куда ѣду?—больше ничего.

87.

Пришла ночь. Только легли спать, вдругъ къ намъ въ домъ входитъ исправникъ, городничій и засѣдатель съ по-

нятыми. Хозяева испугались — что такое, и священникъ тутъ. Спросили у меня паспортъ. Посмотрѣвъ его, взяли къ себѣ, а мнѣ приказали собираться съ ними. Я полагалъ, что ничего не будетъ. Привезли въ земскій судъ— въ немъ и ночевалъ. Поутру, собравшись всѣ, привели меня и разспросили обо всемъ; бумаги и вещи всѣ пересмотрѣли и ничего подозрительнаго не нашли. Было не много книгъ, взятыхъ въ Москвѣ, которыхъ я еще и нечиталъ. И всѣ говорятъ, что въ немъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но священникъ говоритъ, что это бѣглый попъ раскольническій, и книги у него подозрительны. Хотя я и оправдывался, но ничего въ резонъ не приняли—бѣглый попъ раскольническій да и только. Многіе меня защищали и совѣтовали отпустить; но не отпустили, а посадили въ острогъ.

О, какъ показалось мнѣ это больно! Потомъ заклепали въ кандалы, какъ разбойника. Первые 3 дня я ничего не могъ дѣлать: ни пить, ни ѣсть, ни Богу молиться—даже весь ослабъ. Но потомъ Господь утѣшилъ меня, такъ что я радовался и благодарилъ Госнода Бога, что привелъ быть узникомъ безъ вины; даже цѣловалъ свои кандалы. Голову не брили—это опять какое-то было чудо, что никто на это не обратилъ вниманія. Вотъ и сдѣлался для меня острогъ затворомъ безмолвія, и пошло все правило церковное и келейное; но какъ у меня книги были всѣ отобраны, то я началъ все исправлять по общей минеи, т.-е. по четкамъ, для которыхъ не нужно ни свѣту, ни аналоя. И до днесь поминаю ту блаженную жизнь: вотъ было училище благочестія и академія всѣхъ любомудрыхъ наукъ! Но Господь посадилъ меня въ острогъ самый любопытный, на Сибирскомъ трактѣ. Каждую недѣлю проходила партія, посылаемая въ Сибирь: кто на каторжную работу — кто на поселеніе; партіи отъ 200 до 500. Я съ каждымъ почти занимался разговорами: кто за что осужденъ. Мнѣ всѣ откровенно сказывали обо всемъ, такъ что и подъ присягою того не открыли бы. Все это меня

утѣшало. Вотъ гдѣ любопытная картина, раскрывающая судьбы человѣческія, что воистину всуе мятется всякъ человѣкъ. Вотъ, для меня было обильное великое поле для сѣянія слова Божія. Сколько тутъ было безвинныхъ и сколько разлученныхъ родителей отъ дѣтей, мужей и женъ. Сколько я видѣлъ, какъ страдаютъ дѣти за родителей и жены для мужей своихъ, не хотѣвъ остаться на своей сторонѣ сиротами, но страдать вмѣстѣ.

О! сколько они въ пути примутъ нужды, претерпятъ скорбей, холода, тѣсноты и всякихъ непріятностей, что уму непостижимо: день идутъ по грязи, а придутъ на этапъ, не только что лечь, но и сѣсть негдѣ; а про духоту и смрадъ и говорить нечего;—(самъ ихъ послѣ видѣлъ въ Сибири, и этотъ путь называютъ огненною рѣкою); но зато тамъ, въ Сибири, благоденствуютъ. Сидѣвъ, я часто вспоминалъ рабу Божію Евдокію въ Хотьковѣ, что за 3 мѣсяца все она мнѣ предсказала. Посадили меня 1842 года въ октябрѣ.

88.

Вотъ другое испытаніе мнѣ Господь приготовилъ: въ декабрѣ мѣсяцѣ почувствовалъ я болѣзнь очень опасную и думалъ, что это уже моя кончина, ибо Господь меня это очистилъ предъ смертію. Пришедши къ смотрителю, распорядился вещами, которые у меня еще остались, что отдать въ церковь, что священнику, для поминовенія, и что братіи, со мной страждущей. Смотритель спросилъ: что ты, отецъ, распоряжаешься, ты еще не боленъ. Я сказалъ: не только что боленъ, но и кончина моя приходитъ ко мнѣ,—отправляйте меня скорѣе въ больницу, ибо мнѣ очень тяжко. Отправили меня въ арестантскую больницу, гдѣ лежатъ пересыльные арестанты. Дошелъ самъ безъ помощи другихъ. 24 декабря я потребовалъ къ себѣ священника. Пришелъ тотъ самый, который меня посадилъ въ острогъ; я очень обрадовался, чтобы разрѣшиться съ нимъ и простить его. Онъ, исповѣдавъ меня, узналъ, что

напрасно безвинный сижу; онъ заплакалъ, прося прощенія; я его простилъ, благодаря его, что онъ исполнилъ волю Божію. Потомъ я какъ-то пошевелилъ ногами, и кандалы забрякали. Онъ спросилъ: что это такое? Я сказалъ, что это узы Христовы. Онъ больше испугался и закричалъ: за что забили въ кандалы, человѣкъ взятъ по сомнѣнію. Сейчасъ раскуйте. Я было началъ просить, чтобы оставили помереть въ кандалахъ; но онъ велѣлъ немедленно расковать, я уже едва помню, какъ меня расковали. Потомъ, простившись со священникомъ, духовнымъ моимъ отцемъ, — мнѣ, что ближе къ вечеру, то хуже. Однако ночь провелъ, какъ воскъ истаявая; самъ чувствую, какъ во мнѣ все слабѣетъ. Но въ праздникъ Рождества Христова, послѣ литургіи, пришла жена священника и принесла мнѣ обѣдъ—разныхъ кушаньевъ, но я только посмотрѣлъ на нихъ, сказавъ: спаси Господи за всѣ ваши милости, но кушать ничего не могу; а если любите меня, то отдайте все это моей возлюбленной братіи, со мной лежащей, ибо они можетъ быть и желаютъ хотя малыхъ крупицъ сего кушанья—всѣ они на чуждой странѣ и больные, да и еще въ неволѣ. Она начала просить, чтобъ я чего-нибудь отвѣдалъ, но я и смотрѣть не хотѣлъ. Она отдала больнымъ, а я поблагодарилъ духовнаго отца.

89.

Потомъ къ вечеру очень мнѣ стало тяжко, даже уже не могъ рукою творить крестнаго знаменія, но все еще въ полной памяти. Вижу, что подходитъ ко мнѣ смертный часъ; но сердце мое очень спокойно; только помышляю: буди Господи воля твоя, что я въ жизни своей сотворилъ, а что не исполнилъ по немощи, или по лѣности, или не позволило время достигнуть до совершенства чистоты душевной, то на щедроты твои надѣюсь. Потомъ засвѣтили огни—это я еще видѣлъ. Потомъ вдругъ все закрылось: не стало ни огней, ни сотоварищей, лежащихъ около меня, какъ будто я одинъ лежу. Но это не долго продолжалось.

Вдругъ открылся уже мнѣ другой свѣтъ—не отъ огней міра сего, но не знаю откуда. Вотъ смотрю пришли ко мнѣ два юноши, такъ какъ бы лѣтъ по 15-ти имъ; они сами свѣтоносныя, красоты неизреченной, одежда на нихъ бѣлая—прозрачная, длинная; подпоясаны златыми поясами широкими; на главахъ волосы кудрявые свѣтлорусые—лежатъ немного по плечамъ; расчесаны на обѣ стороны; отъ лицъ ихъ сіяніе; очень веселые съ улыбкой на устахъ. Когда я ихъ увидѣлъ; о Боже мой! затрепетала душа моя отъ радости. Вотъ они и говорятъ мнѣ: отче, пойдемъ съ нами. Я сейчасъ всталъ съ постели и пошелъ съ ними между ихъ; они противъ меня выше—я имъ по поясъ. Идемъ мы по какому-то полю злачному, чистому, прекрасному, покрытому зеленою травою и разными цвѣтами, а подальше въ сторону лѣса зеленые—деревья, которые цвѣтутъ, а другіе уже съ плодами. Иду и помышляю въ себѣ: стало-быть я померъ, что въ такое зимнее время—такая благовонная страна,—гдѣ теперь на землѣ можно найти такую благовонную страну: ибо сего дня 25 декабря—Рождество Христово, хотя во Аѳонѣ и тепло, а все-таки зима. Потомъ спросилъ моихъ путеводителей: скажите мнѣ, друзья мои—стало-быть я померъ и вижу такую страну, какой никогда не видалъ? Они отвѣтили: померъ,—уже окончилъ свою скорбную жизнь. Охъ, какой я исполнился радости, что померъ и не узналъ когда, думая только: видно Господь сдѣлалъ со мной милость. Не знаю долго ли продолжали путь. Я все посматриваю въ стороны и любуюсь на всю природу. Потомъ смотрю впереди открылся градъ, огражденный стѣнами; стѣны очень высокія; чрезъ стѣны видно много сіяющихъ куполовъ. Я спросилъ водящихъ меня: друзья мои, что это за городъ—очень великъ и прекрасенъ. Они сказали: это градъ вышній Іерусалимъ, сотворенный Господомъ Іисусомъ Христомъ, по вознесеніи Своемъ, и въ немъ-то упокояются всѣ вѣрующіе во Христа, чада св. восточныя Церкви и исполняющія волю и заповѣди Господни. Когда я это услышалъ,

то еще больше возрадовался. Когда стали подходить близко къ стѣнамъ: стѣна каменная высокая, — кругомъ града поля и зеленыя травы—по лѣвую сторону сады и не очень часто деревья, между которыми много домиковъ небольшихъ. Я спросилъ водящихъ меня юношей: что это за домики и почто онѣ выстроены внѣ града? Они же отвѣщаша: въ этихъ домикахъ тѣ, кои оставили расколъ, а совершенно къ Церкви не присоединились—называемые единовѣрцы—они муки избавлены, а настоящей и совершенной радости не пріимутъ и во внутрь града не допускаются и не знаютъ, что тамъ есть. Я еще спросилъ: а гдѣ тѣ раскольники, не присоединившіеся къ Церкви? Они отвѣтили: ты ихъ не увидишь—они во адѣ во тмѣ и сѣни смертной съ прочими еретиками. Потомъ подошли мы къ воротамъ; намъ отворили; здѣсь не замѣтилъ я ничего, или позабылъ. Но только мы вошли во градъ, намъ открылась широкая и прямая улица—такъ широка, что я такой нигдѣ на землѣ не видалъ. Мы пошли по этой улицѣ. Градъ же столь прекрасенъ, что умъ человѣческій не можетъ вообразить, ни языкъ—сказать; если бы человѣкъ во плоти увидалъ, то и живъ бы не былъ; по улицѣ же несчетное множество народовъ и людей—одни по землѣ ходятъ, а другіе по воздуху летаютъ и всѣ радуются, ликуютъ и воспѣваютъ какія-то пѣсни, ибо смѣшаны всѣ—ангели и человѣцы. Воистину сказано, что уготовано праведнымъ и какая радость и какое блаженство ожидаетъ ихъ,—что око не видѣ и ухо не слыша и на сердце человѣку никогда не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его; когда я попался въ этотъ градъ, то все позабылъ,—все свое бытіе: что былъ на землѣ, что имѣлъ родителей, что былъ монахомъ;—а думалъ, что только настало мое существованіе на свѣтѣ, и донынѣ только вспомню тотъ градъ и ту радость и утѣшеніе, то прихожу весь въ трепетъ.

О, Боже мой! какой мы радости и блаженства лишаемся, ради маловременныхъ наслажденій, ради грѣховъ своихъ

и прелестей міра сего краткаго; и теперь не могу вспомнить безъ слезъ радость ту, и ея, ради грѣховъ моихъ, лишенъ быхъ.—Но мои спутники ни на что не обращаютъ вниманія; потому что имъ уже это все извѣстно и они привыкли, а только продолжаютъ путь свой далѣе и далѣе. Потомъ пришли мы къ однимъ домамъ, которыхъ 20-ть, по обѣимъ сторонамъ улицы по десяти, неизреченной красоты, подобны великимъ царскимъ дворцамъ; ибо какъ дворцы царскіе больше частныхъ домовъ, такъ и сіи больше прочихъ. Я, увидя ихъ, изумился; такъ они меня заняли, что я остановился, вопросихъ водящихъ меня: что это за домы, что они всѣхъ прочихъ больше и прекраснѣе? Они отвѣтили: эти домы Аѳонскія обители двадцати монастырей, ибо каждый монастырь здѣсь имѣетъ обитель, и когда кто изъ братіи помираетъ—сюда относится въ свою обитель. О, какой я радости исполнился, слыша такія сладкія слова, и немедленно вопросилъ: которая обитель нашего русскаго Пантелеймонова монастыря? Они отвѣтили: изъ числа этихъ, но только ты въ немъ не будешь; и съ этимъ словомъ поворотили обратно и повели меня съ собой; пошли тѣмъ же путемъ, откуда шли. Я спросилъ: куда же вы пошли? Они отвѣтили: обратно, ибо пришло Божіе повелѣніе тебѣ опять возвратиться въ міръ, въ свое тѣло. Тутъ-то я вспомнилъ, что я жилъ на свѣтѣ и сидѣлъ въ острогѣ. О! какъ мнѣ это показалось скорбно, что опять жить на землѣ, терпѣть такія скорби и началъ просить: оставьте меня здѣсь, хотя бы въ послѣднемъ уголкѣ. Они сказали: не наша это воля, а Божіе опредѣленіе; и такъ оскорбилось мое сердце, что я уже больше ничего не помню; какъ мы вышли во врата и я пришелъ къ тѣлу. Но вдругъ я пришелъ въ себя, открылъ глаза и перекрестилъ лице свое, вижу, что сторожъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, что ты, отецъ, живъ еще, а мы чуть тебя не закопали въ землю, но одинъ лѣкарь все отговаривалъ—моли Бога за него—совсѣмъ уже изготовилися погребать, а онъ еще уговорилъ подождать. И точно я ле-

жалъ уже не тамъ, гдѣ прежде. Потомъ спросилъ меня сторожъ: не хочешь ли поѣсть чего? Я сказалъ: хочу. Онъ: чего тебѣ хочется? Я сказалъ: молочка бы хотѣлось. Онъ: сегодня молоко не ѣдятъ—скоромно. Я сказалъ: какъ скоромно?—Вчера было Рождество Христово, теперь 12 дней разрѣшено на все. Онъ: уже прошло—сегодня сочельникъ, 5-е число января,—сейчасъ заблаговѣстятъ къ обѣднѣ, а послѣ будетъ освѣщеніе воды. Я-же, сіе услышавъ, удивился и сказалъ: а когда такъ, то принеси мнѣ изъ церкви просфору и св. воды. Онъ принесъ. Я съѣлъ просфору, выпилъ св. воды—потомъ скоро выздоровѣлъ.

90.

Какъ скоро прошло время 12 дней! мнѣ показалось за нѣсколько часовъ; и здѣсь все Божія премудрость и благость Его. Если бы это случилось въ деревнѣ, въ простомъ домѣ, то закопали или заморозили; а Богъ привелъ въ такомъ мѣстѣ казенномъ, да еще въ арестантскомъ, гдѣ самое наблюденіе за этимъ, дабы живого не похоронить или не заморозить; потому отъ скорбей всего на свѣтѣ случается и притворно умираютъ.—Выздоровѣвъ опять возвратился въ острогъ. Весною опять заболѣлъ и отправился въ больницу; лежалъ очень тяжко;—12 дней не могъ принимать ни пищи, ни питія и опять исповѣдался и причастился тѣла и крови Христовой; и лежалъ болѣе мѣсяца; до того дошелъ, что силишься и не можешь руки поднять, чтобы перекреститься;—ожидалъ каждую минуту смерти, но былъ все въ памяти. Потомъ выздоровѣлъ и опять въ острогъ. Придя туда, неосторожно напился холоднаго квасу, и сдѣлалось великое біеніе сердца; и опять слегъ въ больницу—еще недѣль 6-ть вылежалъ и недѣли 3 не могъ ничего ѣсть, что возьму то и вырветъ. Опять причащался св. Таинъ; теперь уже всѣ доктора сказали: ну, отецъ, видно уже ты отжилъ на свѣтѣ, собирайся на другой. Но Господь опять воздвигъ, и я выздоровѣлъ. Потомъ уже слава Богу былъ здоровъ.

Вотъ здѣсь-то я много изучилъ уроковъ жизни человѣческой и видѣлъ все на самомъ дѣлѣ. Здѣсь-то обитель плача и скорби и здѣсь можно быть скоро соединеннымъ съ Богомъ—лучше пустыни и монастыря, ибо дѣлать ничего не заставляютъ, но кто хочетъ самъ, такъ занимайся и дѣломъ. Молиться Богу не запрещаютъ, но еще рады тому. Пища готовая самая скромная; я жилъ утѣшался. Правило я самъ свое уставилъ по своему произволу; такъ что времени очень мало оставалось и для отдыха; хотя и по три копейки выдавали въ сутки кормовыхъ, я и то накопилъ экономіи. Купилъ святцы, псалтирь, Евангеліе—святцы и до днесь при себѣ держу. Правило устава напишу особо статьею, ежели будетъ угодно Богу; но въ томъ же горестномъ и плачевномъ мѣстѣ можно все худое сдѣлать только что есть на свѣтѣ, чему я самовидецъ; даже и на волѣ того трудно сдѣлать; но здѣсь все дѣлаютъ. Такожде я много имѣлъ разговоровъ и съ раскольниками и съ разными вѣрами, которыхъ пересылали въ разныя мѣста; ибо всѣ меня очень любили какъ начальники, такъ и вся своя братія, даже самые разбойники предо мной смягчались и дѣлались кроткими и всѣ мнѣ открывались, какъ духовному отцу; и какъ трудно изучать человѣческія страсти — уму непостижимо. Бывало плачутъ,—закаиваются что-либо сшалить, но только какъ отлучишься—опять за свое; ибо мнѣ позволено было въ день ходить по всѣмъ отдѣленіямъ и на дворѣ со всякимъ говорить, что только хочу. Я даже уже привыкъ и хотѣлъ просить начальство, чтобы до смерти меня оставили тутъ жить; потому что тутъ можно проходить всѣ пути спасенія: можно быть пустынникомъ, безмолвникомъ и послушникомъ, проповѣдникомъ и учителемъ—есть кого учить и наставлять, только не лѣнись. Ко мнѣ уже нѣсколько человѣкъ прилѣпились было особенною любовію и мы уже было сдѣлали изъ острога монастырь.

Сообщилъ архимандритъ Никонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ
ИГУМЕНА
ПАРѲЕНІЯ.*)

91.

Просидѣлъ въ острогѣ годъ безъ 20-ти дней; но выпустить меня забоялись, дабы я не пошелъ своего оправданія искать;—отправили меня по этапамъ въ Казань. Вотъ другая была академія: гнали насъ человѣкъ 11-ть, свойствъ все разныхъ; моихъ сотрудниковъ гнали на желѣзной цѣпи, а я какъ по волѣ, то принималъ святое подаяніе и носилъ суму; мои сотрудники шли посединѣ, а я бѣгалъ по грязи, какъ дитя, поперегъ улицъ и дороги, принимать подаянія. Шли 500 верстъ—6 недѣль,—въ самую грязь: октябрь и половину ноября. Но и этого (цѣпи) Господь не лишилъ—двѣ послѣднія станціи къ Казани, уже по снѣгу, шелъ прикованный на цѣпь. Придя въ Казань еще 2 недѣли продержали, потомъ выпустили. Просидѣлъ въ острогѣ и въ пути всего 1 годъ и 2 мѣсяца.

92.

Я, получивъ всѣ бумаги, и, узнавъ, что всѣ вещи мои пропали, не сталъ хлопотать и безпокоить начальство, а

*) Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душепол. Чтенія.* 1899 г.

благословилъ обидящихъ мя. Благодѣтели дали мнѣ немного денегъ, и я отправился въ С.-Петербургъ чрезъ Нижній-Новгородъ, Москву и Новгородъ.

Пріѣхавъ въ столицу къ своему другу Артамону Сергѣевичу Демидову, онъ узналъ меня, а также и со мной случившееся; много плакалъ и пошилъ мнѣ приличную одежду, и я явился къ товарищу министра народнаго просвѣщенія, Платону Александровичу Шихматову-Ширинскому; онъ принялъ меня очень ласково; и принялъ участіе въ дѣлахъ моихъ, чтобы исходатайствовать мнѣ книгу для сбора, и просилъ Протасова. Познакомили меня съ разными вельможами и возили меня по столицѣ въ своихъ каретахъ и почти ежедневно приглашали съ собой кушать; трижды Богъ привелъ быть въ Зимнемъ дворцѣ; прикладывался къ святынѣ, тамъ лежащей, хотя и въ кіотѣ, десной рукѣ св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня. Теперь я къ 2-мъ суставамъ десной руки Іоанна Предтечи прикладывался: въ Аѳонѣ въ монастырѣ Діонисіатѣ—къ средней кисти, отъ локтя до кисти, а кисть придѣлана серебреная, а въ зимнемъ дворцѣ—къ самой кисти; но гдѣ эта часть, отъ локтя до плеча, неизвѣстно. Еще и къ другой святынѣ великой прикладывался къ части честного древа Креста Господня; и къ иконѣ Божіей Матери, писанной евангелистомъ Лукою.

93.

О, Боже мой! Чудны дѣла Твои: то былъ вмѣненъ съ разбойниками въ темницѣ, — и на томъ же мѣсяцѣ съ князьями въ чертогахъ царскихъ! Упомяну здѣсь нѣсколько о князѣ П. А. Шихматовѣ-Ширинскомъ, товарищѣ министра народнаго просвѣщенія, а послѣ уже бывшемъ и настоящимъ министромъ Н. П.

94.

Это былъ человѣкъ истинный рабъ Божій. Сколько я ни приходилъ къ нему, всегда онъ выходилъ встрѣчать

съ уваженіемъ, и мы часа по 4 бесѣдовали съ нимъ. Въ одно время въ великомъ постѣ, въ четвертокъ на 3-ей недѣли, я пришелъ къ нимъ,—люди сказали, что сейчасъ сѣли кушать. Онъ, услыша мой голосъ, закричалъ: пожалуйте, пожалуйте, отецъ Парѳеній. Княгиня выбѣжала встрѣчать; и сейчасъ посадили съ собою обѣдать. Что же? все кушанье подали безъ масла постнаго. Я сказалъ: что вы уже очень запостились, князь: сегодня и во Аѳонѣ ѣдятъ съ масломъ, потому четвертокъ и поліелей пѣли, то разрѣшается на масло. Княгиня сказала: мы, отче, только разрѣшаемъ на масло въ субботу и воскресенье, какъ повелѣваетъ уставъ, а поліелеевъ-то мы не знаемъ. Потомъ потребовала масла, говоря: Богъ тебя, батюшка, послалъ къ намъ къ обѣду; вотъ и съ масломъ поѣдимъ.

Съ этого надобно взять примѣръ: какую они жизнь проводили, живя на такой высокой степени, и бывъ министромъ просвѣщенія!

Еще въ одно время, вечеромъ, пришелъ я къ нимъ. Княгиня встрѣтила меня, вмѣстѣ съ княземъ, и смѣется, говоря: батюшка, батюшка, у насъ князь сегодня былъ въ гостяхъ на обѣдѣ у великаго князя Михаила Павловича и пріѣхалъ домой голоднымъ и дома обѣдалъ. Я сказалъ: что это такое? Неужели у великаго князя нечего было пообѣдать? Князь же сказалъ: какъ нечего—кушанья было много, да все не мое—то скоромное, то съ рыбой, а я только сухого хлѣба поѣлъ, да съ тѣмъ и домой пріѣхалъ.

Вотъ примѣръ всѣмъ; какъ они любили Господа Бога и боялись въ чемъ-либо Его прогнѣвать. Ни чины, ни высота рода и должности не могли ихъ разлучить съ Богомъ!

Въ одно время княгиня ввела меня въ свою молитвенную, показывая мнѣ всю святыню: рѣдкія иконы и части мощей святыхъ и проч., ее зачѣмъ-то позвали. Мы остались двое съ одной старушкой, гречанкой родомъ; она мнѣ, показывая на полъ, говоритъ: княгиня каждую ночь вотъ гдѣ спитъ; простыню постелетъ—молится, молится

Богу, да и ляжетъ на полу. Вотъ въ наши времена въ Россіи есть какія княжескія фамиліи.

95.

Опять мнѣ отказали сборную книгу, потому что Іеринею книгу еще отсрочили. Я, получивъ отъ благодѣтелей денегъ на дорогу, отправился во Аѳонскую гору. Весну провелъ въ Москвѣ и многажды въ Чудовомъ монастырѣ видалъ митрополита Филарета; съ трепетомъ смотрѣлъ на него и дважды только въ толпѣ народа получилъ благословеніе. Въ то время я случился быть у юродиваго Ивана Яковлевича и онъ много мнѣ пророчествовалъ. Когда просохло немного, я на своемъ конѣ отправился въ Молдавію чрезъ города Калугу, Бѣлевъ, Болховъ, Орелъ, Кіевъ и Кишиневъ. Прибылъ въ Молдавію и отправился въ домъ родителей. Они приняли меня очень любовно. Сначала со мной не пили, не ѣли, но послѣ разрѣшили, о чемъ писано въ 3-й части моего странствія.

96.

Теперь я могъ ихъ убѣдить и присоединить ко св. Восточной Христовой Церкви; хотя прежде и говорилъ много и письмо писалъ, но ничего не помогло; а теперь все кончилъ. Получивъ письмо изъ Аѳонской горы, повелѣвающее возвратиться въ свою обитель, я прожилъ въ домѣ родителей 4 мѣсяца, но уже не въ томъ положеніи, какъ я ихъ сначала оставилъ, но въ самое 2-е на нихъ посѣщеніе Божіе, когда 2-го дома лишились, и своей страны, и были въ нищетѣ; вотъ я ихъ видѣлъ и въ самомъ блескѣ и молодости, а при старости въ нищетѣ; но они были все одинаковы и за все благодарили Господа, даже еще этимъ утѣшались. Но когда почталіонъ принесъ письмо изъ Аѳонской горы, родительница, увидя его, упала на постелю, что едва подняли. Она догадалась, что пришло время опять со мною разлучаться, хотя уже и была Богомъ извѣщена, но все-таки родительское сердце не могло равнодушно перенесть.

Мы простились. Послѣ меня немного Господь ихъ опять утѣшилъ, хотя не по старому, но однако слава Богу опять нажили домъ и состояніе порядочное.

97.

На пути меня постигло великое несчастіе; не та ли болѣзнь, которую предсказалъ мнѣ Иванъ Яковлевичъ; ибо всѣ свои бумаги потерялъ и не съ чѣмъ переходить карантинъ въ Турцію, а денегъ осталось немного; возвращаться же много хлопотъ и денегъ надобно. Одни люди нашлись тайно перевезть черезъ Дунай въ лодкѣ; взяли деньги впередъ, и я имъ на это ввѣрился, ибо я ѣду домой въ свою обитель, то это не почелъ во грѣхъ, да и денегъ мало. Что же? вотъ постигло искушеніе, какого въ жизни тяжкаго и скорбнаго не случалось, горче въ тысячу разъ острога. Эти люди, взявъ деньги, завезли меня ночью въ камыши и сказали, что тутъ есть лодка—рыбу ловятъ, а сами бѣжали, оставя меня одного. Что же мнѣ теперь дѣлать, хотя еще денегъ и есть немного, да ничего они не помогутъ; выйти не знаю куда; да и кругомъ кордоны—сейчасъ возьмутъ и будутъ судить; еще и родителямъ наведешь несносную скуку и скорбь, и то уже до конца отягощены своими скорбями. Что буду дѣлать? Хлѣба ни куска—вотъ искушеніе, и донынѣ вздумаю, то какая-то тоска отягощаетъ сердце. Пождалъ 2 дня, что не придутъ ли за мной, но нѣтъ. Потомъ началъ было ѣсть ягоду ажину, но желудокъ не принимаетъ—выбрасываетъ вонъ; еще 2 дня безъ пищи—это уже 4. Силы начали уже меня совсѣмъ оставлять и положился лучше умереть, нежели собою родителямъ нанести скорби.—Плакалъ и просилъ Господа, чтобы отъ бѣды сея избавилъ какъ-нибудь, которую я навлекъ на себя почти доброю волей. Вдругъ пришелъ помыслъ, взять камышу снопа 2 и переплыть Дунай. Цѣлый день я рѣзалъ камышъ и таскалъ на берегъ Дуная; слава Богу, что ножъ случился. Связавъ поясомъ 3 снопа, опустилъ въ воду и сѣлъ на

нихъ и пошелъ прямо на дно. Вотъ уже смерть тутъ;—уже безъ пищи до конца ослабъ, и еще сумка за плечами, а ночь темная.—Что же? Я простился со всѣми; видно меня смерть тутъ и дожидала; только еще одного Бога помнилъ и просилъ Его помощи. Берега же Дуная круты, какъ стѣна;—у самаго берега шестомъ не достанешь. Что же? со дна какъ бы кто вытащилъ меня, и я вынырнулъ. Смотрю—около самаго берега, ибо нисколько меня водою не снесло, несмотря, что на Дунаѣ вода быстрая и все водоворотами. Это уже было особенное чудо. Вылѣзъ кое-какъ на берегъ съ великимъ трудомъ; едва на берегу отдохнулъ и опять ушелъ въ камышъ. Началъ уже рѣзать не камышъ, а чиканъ—эта трава легче; а безъ пищи умирай да и только. Немного порѣжу, да опять валяюсь и прошу скорѣе смерти, что очень страданіе велико.—Кое-какъ день провелъ, а ночью опять всѣ силы уже напрягъ. Связалъ 3 снопа—2 рядомъ, а третій наверхъ—и сѣлъ; что же и поплылъ, погребая немного руками, ибо уже силъ не было; однако переплылъ широкій Дунай—болѣе версты ширины около Галацъ. Когда присталъ къ берегу, то не вѣрю самъ себѣ; а присталъ еще на островъ и тамъ уже небольшой проливъ. Вотъ и еще искушеніе: я хотѣлъ было перейти островъ поперегъ. Какъ зашелъ во внутрь острова, камышъ какъ лѣсъ толстый,—сломить его я уже былъ не въ силахъ, а пролѣзть невозможно; выбился изъ силъ видимо и легъ вверхъ лицомъ, и тутъ стало еще рвать—и всѣ корешки-то вырвало. Я опять кое-какъ всталъ и едва уже вышелъ назадъ. Немного отдохнувъ, пошелъ по берегу; слава Богу, что въ сумку вода не попала. Что же... О! чудесе! смотрю стоитъ лодка. Я началъ кричать, мнѣ отозвалися по Русски; я спросилъ, откуда они? Они сказали, изъ Исакчи пріѣхали-было рыбу ловить, да и не ловили—всю ночь проспали. Они спросили меня, что я за человѣкъ? Я сказалъ о себѣ. Они: отче, отче, мы только знать и пріѣхали за тобой, ибо мы никогда сюда не ѣздили ловить, а пріѣхавъ всю ночь проспали, и такъ

ничего не сдѣлали; — садись въ лодку мы свеземъ въ Исакчу. Я очень былъ этимъ обрадованъ,—сѣлъ, и мы поѣхали. Когда они узнали о моей участи, всѣ плакали и говорили: мы какъ бы нарочно за тобой пріѣхали, ибо безъ всякаго дѣла и ночевали.—Пріѣхавъ въ Исакчу, я цѣлую недѣлю привыкалъ къ пищѣ: нейдетъ ничего, да и только: чего ни поѣмъ—вонъ и вонъ. Слава Богу попра-вился, а тутъ Богъ далъ: получилъ всѣ свои вещи, которыя въ Галацахъ были отданы рыбакамъ отвезти въ Исакчу; и такъ я слава Богу мало-по-малу выздоровѣлъ; потомъ пріѣхалъ въ г. Тульчу,—тамъ увидѣлъ много знакомыхъ Аѳонскихъ монаховъ и выправилъ паспортъ до св. горы Аѳонской. Тутъ еще узналъ, что нашъ Русскій монастырь открылъ рыбный заводъ въ Георгіевскомъ гирлѣ.

98.

Я отправился туда; отъ Тульчи къ Черному морю будетъ верстъ 100. Пріѣхавъ, увидѣлъ много своихъ близкихъ друзей и братьевъ о Христѣ. Прожилъ у нихъ на заводѣ 2 недѣли; вещи и коробъ книгъ отправилъ съ однимъ іеромонахомъ въ Аѳонскую гору, на пароходѣ; а самъ и еще трое изъ братіи положились ѣхать въ Аѳонъ, чтобы путешествовать прямо сухимъ путемъ чрезъ Болгарію. Что же? вотъ еще постигло искушеніе:—которыя у меня были деньги при себѣ для дороги, на пути изъ завода въ Тульчу, все потерялъ; хотя и осталось, но очень мало

99.

Еще отъ Тульчи было часовъ 5 ходу; мы видѣли выстроенный нашимъ монахомъ Аѳонскимъ Паисіемъ монастырь, называемый Паица, мы ходили и любовались: мѣсто очень прекрасное, въ горахъ и лѣсахъ, подлѣ рѣчки; Султанъ далъ довольно земли и лѣсу—5 квадрат. верстъ. Но постройкою очень бѣденъ—церковь покрыта камышемъ; есть много хлѣбопахотной земли и рыбной ловли.

100.

Но мы не пошли сухимъ путемъ въ Аѳонскую гору, потому что по Турціи въ зимнее время ходить невозможно: то снѣгу нападетъ на аршинъ, то дождь, а горы высокія и рѣкъ множество, а мостовъ нѣтъ. Мы сѣли на корабль за плату по 20 левовъ съ человѣка до Константинополя, т.-е. по 4 руб. ассигн. Въ Константанополѣ греки и этого не взяли, а еще и пищей не оставляли, мы только сухарей купили себѣ и 8 ноября отправились въ море.—Вотъ гдѣ намъ было совершенное испытаніе, продолжавшееся 6-ть недѣль: вечеромъ мы отправились изъ Сулина, но съ половины ночи какъ подулъ вѣтеръ, какъ закипѣло Черное море, мы такъ отъ страха и омертвѣли. Кое-какъ провели первую ночь посреди пучины морской,—на свѣту затихло, и тишина стояла трое сутокъ; это еще нѣсколько хуже и вѣтру: вѣтеръ-то корабль на ходу не очень качаетъ, только страху много, а въ тишину на одномъ мѣстѣ валяетъ по волнамъ, какъ по горамъ, съ боку на бокъ. О, Боже мой! это невыносимая тоска, даже никто не можетъ ни на ногахъ стоять, ни пить, ни ѣсть, ни спать отъ тоски,—не можно никуда дѣваться, потому что корабль на одномъ мѣстѣ и неизвѣстно, далеко ли берегъ. На четвертый день началъ подувать вѣтеръ, и наши молодцы направили паруса и начали все держать къ Европейскому берегу; около полудня увидѣли летающихъ птицъ и имъ всѣ обрадовались, какъ родной матери, потому что признакъ тотъ, что недалеко уже берегъ; но и птицы обрадовались не меньше нашего: какъ увидѣли корабль и закричали, бросившись прямо на корабль отдыхать уже не пугаясь и людей, потому что уже бы имъ надобно умирать: видно вѣтромъ ихъ отнесло отъ берега, и они уже изъ силъ выбились; вмѣсто того, чтобъ упасть въ море и пропасть, они отдохнули на кораблѣ и полетѣли въ ту сторону, куда мы держимъ; ибо понимаютъ, что въ этой

странѣ ближе берегъ. Мы передъ вечеромъ подошли къ берегамъ; но едва корабельщики узнали какой берегъ и гдѣ, закричали потомъ: Коварна! Коварна, около Коварны. Но въ ночь опять разыгрался вѣтеръ, и наши опять начали удаляться въ море; ибо ночью вѣтеръ около берега страшнѣе, нежели въ морѣ. Бѣжали всю ночь безъ парусовъ, чтобы потише, а днемъ вѣтеръ еще болѣе разыгрался, и мы въ Варнѣ остановились и стояли много дней; отъ сильнаго вѣтра всѣ якоря у насъ оторвало,—только одна желѣзная цѣпь удержала; того и смотри, что цѣпь порвется, вотъ и прощай, и около берега потонемъ, потому что море кипитъ, какъ въ котлѣ, и помощи подать невозможно, ибо нѣсколько судовъ съ народомъ около берега потонуло, въ нашихъ глазахъ, а греки только и говорятъ: молитесь отцы—смерть близка, только какъ цѣпь лопнетъ, вотъ и прощай,—надежды на спасеніе никакой нѣтъ. Слава Богу 3 дня цѣпь выдержала; вѣтеръ затихъ, и наши нашли даже и оторванные якоря. Потомъ пошли опять въ море;—подулъ вѣтеръ, уже штурмъ, со снѣгомъ, и сдѣлался морозъ, а мы въ морѣ. Какъ плеснетъ, то и мерзнетъ; снѣгу навалило на аршинъ, и это все съ морской водой слилось и замерзло. Мы лежали наверху въ лодкѣ запасной, что насъ совсѣмъ завалило снѣгомъ и заморозило водою и намъ нельзя пошевелиться. Про себя говоримъ: ежели будемъ тонуть, то нельзя будетъ и перекреститься, такъ и потонемъ. Матросы уже полумертвые всѣ мокры и замерзли; огня нѣтъ, да и нельзя было развести. Одинъ разъ хотѣли было сварить и поѣсть горячаго, какъ поддало, котелъ и остался пустой—все выскочило. Вотъ здѣсь-то пословицу сказать: кто на морѣ небывалъ, тотъ досыта Богу не молился и горя не видалъ. Потомъ кое-какъ подбились къ берегу и около его побѣжали, но то бѣда, что нѣтъ затишнаго мѣста. Потомъ увидѣли множество кораблей и пароходовъ, стоящихъ въ заливѣ. Матросы всѣ закричали съ радости. Хило, Хило, (такъ назывался этотъ городъ); потомъ насъ закричали по

гречески: отцы вставайте скорѣе—вотъ Хило; здѣсь будемъ стоять;—въ городѣ 15-ть церквей. Мы отъ радости всѣ вскочили и вошли въ гавань, остановясь съ прочими кораблями. Сидѣли нѣсколько дней; пищи уже у насъ не стало, и сухари всѣ вышли. Дождались субботы, ходили къ вечернѣ и просили тамошняго епископа помочь намъ. Онъ велѣлъ въ воскресенье послѣ литургіи зайти къ нему, и онъ приказалъ по всѣмъ церквамъ собрать для насъ милостыню. Мы пришли, и всѣ старосты церковные снесли милостыню. Владыка не сталъ и считать, сказавъ: возьмите, что Богъ послалъ—все ваше. Мы получивъ, дома на кораблѣ сосчитали; и очень довольно; спаси ихъ Господи, ибо только 50 домовъ христіанскихъ. Потомъ утихло и мы пустились ночью въ море. Когда же вышли въ открытое море, какъ начало насъ покидывать, нельзя и на ногахъ устоять. Наши корабельщики едва добрались назадъ, но уже не въ Хило, а еще дальше—въ заливъ къ городу Бугазу. Тутъ часто бывали въ монастырѣ св. Анастасіи. Спаси Господи игумена,—не оставлялъ насъ безъ хлѣба и рыбы скумреи, вмѣсто сельдей. Простояли тамъ до 18 декабря,—все вѣтеръ со снѣгомъ,—и стояло болѣе ста кораблей и большое количество пароходовъ. Всего тутъ натерпѣлись мы и холоду, и голоду, и ежедневно въ нашихъ глазахъ тонули корабли; наши сотоварищи, хотя и въ заливѣ стояли, но все-таки волны были большія. Потомъ было затихло, и насъ кораблей 10-ть отправились въ море. Но какъ вышли въ открытое море, и начало насъ покачивать; наши ну-ка скорѣе назадъ и опять пришли въ Хило.

101.

На другой день, среди дня, смотримъ изъ моря бѣжитъ небольшое судно подъ Русскимъ флагомъ; но не знавъ мѣста въ чужомъ царствѣ, въ виду насъ и города, попали на подводный камень; ибо они очень обрадовались судамъ, да къ намъ прямо, а надо бы немного кругомъ обѣжать;

что же, судно начало тонуть, и они выкинули печальный флагъ. Греки изъ города бросились въ малыхъ лодкахъ спасать ихъ; однако успѣли снять людей, паруса и еще кое-что; только лишь сняли — корабль обернуло вверхъ дномъ, и понесло въ море. Мы ихъ встрѣтили. Всѣ Русскіе молодцы, но очень худы; они намъ очень рады, что встрѣтили Русскихъ недуманно. Они разсказали, что:

102.

они пошли съ лѣсомъ изъ Херсона въ Севастополь и версты 3 только не успѣли войти въ Севастопольскую гавань, какъ хватилъ сѣверо-восточный вѣтеръ со снѣгомъ; сколько не бились, а насъ все дальше и дальше въ море; уже берега скрылись, и мы начали все держать къ Европейскому берегу, а глубина необыкновенная. Потомъ стало помельче, и мы догадались, что это отлогіе берега Дунайскіе, и забоялись, какъ бы не встать на косу; спустили всѣ якори; но, качавши, ихъ всѣ оторвало, и они остались въ морѣ. Мы пошли опять въ даль, боясь мели; корабль нашъ сталъ опасенъ,—мы же все, что было: лѣсъ и товаръ побросали въ море и тѣмъ облегчили корабль. Вотъ и носило насъ 15 дней по морю и не знали въ какой сторонѣ; изъ пищи ничего не могли ѣсть: то отъ холода, то отъ скорби, что каждую минуту ожидали смерти, а варить въ котлѣ ничего нельзя—не удержишь; уже простились съ родной стороной, съ родными, съ родителями, женами и дѣтьми сами между собою; ибо отъ неѣденія до конца изнемогали. Наконецъ увидали горы—замерло сердце; видимъ, что Турецкая страна незнакомая, испугались хуже моря; потому что не знаемъ, гдѣ скрыться отъ вѣтра; бѣжали съ самаго утра подлѣ горъ. Наконецъ увидѣли эти корабли. О какой было неизъяснимою радостію исполнились, и правили прямо къ судамъ, но вдругъ попали на камень; бросились во внутрь—уже половина судна воды, но благодаримъ Господа Бога, что сами всѣ спаслись живыми, да попали къ христіанамъ. До здѣ ихъ разсказъ.

103.

Мы съ ними пробыли 3 дня. Наши корабельщики опять было вздумали ѣхать; только лишь показали носъ въ открытое море, да и назадъ, и вернулись въ дальній заливъ къ Вугазу. Здѣсь наши 2 товарища слѣзли съ корабля и пошли сухимъ путемъ; потому всѣмъ ѣхать на кораблѣ денегъ не достаетъ, а мы двое остались. Повсюду нерадость. Они пришли въ Аѳонъ послѣ насъ недѣли 2, претерпя скорбей не меньше насъ, но несравненно больше. Мы еще постояли довольно; потомъ погода перемѣнилась совершенно, и насъ кораблей 100 вдругъ вышли въ море; и очень скоро дошли до Константинополя,—22 декабря.

104.

Въ Константинополѣ 23 числа погребали Іерусалимскаго патріарха Аѳанасія. Мы скоро нашли попутчиковъ и сѣли на корабль; греки за провозъ съ насъ ничего не взяли. Праздникъ Рождества Христова бѣжали вѣтромъ по Мраморному морю и пробѣжали Дарданельскій проливъ, такъ же и Архипелагъ, надѣясь скоро быть во св. гору Аѳонскую; но корабельщики пристали къ острову Лимносу. Въ городѣ стояли дней 5-ть, и здѣсь турки взяли съ насъ гарачь по 30 левовъ съ человѣка, такъ что отдали всѣ деньги. Часто мы здѣсь ходили въ церковь, которая очень порядочна; простоявъ послѣднюю вечерню подъ Новый годъ, очень торжественную,—въ ночи отправились въ путь.— Здѣсь качало день, едва ли не сильнѣе Чернаго моря, ибо тамъ меня ни разу незакачивало до безпамятства, а здѣсь и я, и всѣ матросы лежали безъ памяти и всѣхъ рвало; ибо противъ лба Аѳона самое опасное мѣсто; тутъ спорная вода Черноморская и Архипелагская и въ тихое время все ходитъ водоворотами. Но слава Богу часа въ 2 пополудни подошли къ Аѳонской горѣ, и до вечера все бились подойти къ пристани, ибо за горой вѣтеръ не бе-

реть; уже начало смеркаться мы подошли къ пристани, ночевавъ въ монастырѣ Ксиропотамѣ. Поутру рано пришли въ Руссикъ. О горе! съ чѣмъ я пришелъ—сбору ни копейки, только прежніе 100 рублей серебромъ, пересланные мною; да вещей руб. на 1000. Для меня было почти невыносимо это. Пришелъ въ монастырь, отцы мои приняли меня съ отеческою любовію и остались мною очень довольны: 1) что родителей обратилъ изъ раскола; 2) что очень много претерпѣлъ скорбей; и они сказали: полно тебѣ теперь странствовать, уже упокоимъ до смерти тебя.

105.

И точно послѣ послали меня въ пустыню послужить немного одному великому подвижнику, старцу пустынножителю, схимонаху Тимоѳею, Валаамскому молчальнику, сказавъ: вотъ за твои труды и скорби тебѣ келія, церковь, сады и огороды,—живи тутъ до своей кончины; пища, одежда и всѣ тѣлесныя потребности изъ обители, и здѣсь трудись по своей волѣ для себя, только тебѣ и послушанія: каждую субботу и подъ праздникъ ходить въ монастырь на всенощное бдѣніе, и кононаршить, и причаститься св. Таинъ тѣла и крови Христовой. И вотъ воистину Господь утѣшилъ тѣмъ, чего душа моя желала съ самой юности. Часто ходилъ къ первому моему старцу пустынножителю духовнику іеросхимонаху Арсенію.

Иногда раздумаешься, гдѣ я былъ эти прошедшіе 3 года—какъ въ котлѣ вываривался, въ скорбяхъ и искушеніяхъ. Но вотъ Господь опять возвратилъ въ тихое и небурное пристанище. Неужели я еще буду странствовать по свѣту? неужели я еще разлучусь со св. горой Аѳонской?

Суетны помыслы человѣческіе! Это еще было начало болѣзнямъ, это еще только были цвѣты, а плоды послѣ будутъ. Въ 1845 году препровождающу мнѣ жизнь въ пустынѣ со старцемъ Тимоѳееемъ, до назначенія еще пути въ Россію старцемъ моимъ Арсеніемъ, приснился мнѣ сонъ очень замѣчательный,—слѣдующій:

106.

Стою я на широкомъ пространномъ полѣ, по одну сторону великое море, а подлѣ моря до небесъ гора, а между моремъ и горою великая пропасть, и въ ней тьма, между пропастью и горою, по утесу, узенькая тропинка, такъ, что только одной ногой ступить; позади горы и пропасти, куда идетъ тропинка, великое злачное поле, на немъ сады, цвѣты и зелень—умъ человѣческій превосходитъ; по среди поля стоитъ икона Божіей Матери, Пресвятыя Дѣвы Маріи, сіяетъ подобно солнцу и лучами своими озаряетъ поле. Посреди же этой узенькой тропинки, на полупути, стоитъ діаволъ въ самомъ великомъ и страшномъ видѣ, и всѣхъ тѣхъ, которые захотѣли было пройти по этой тропинкѣ на то прекрасное поле, только лишь дойдутъ до него, и онъ сейчасъ ввергаетъ въ бездну, которая по правую сторону тропинки, а по лѣвую гора, какъ стѣна стоитъ.—Я смотрѣлъ долго на это страшное зрѣлище, ужасался этой страшной дорожки, а наипаче врага діавола. Мнѣ очень было желательно попасть на то прекрасное поле къ Божіей Матери и былъ объятъ жалостію о тѣхъ людяхъ, которыхъ діаволъ ввергаетъ въ ту страшную бездну и вѣчно погубляетъ и тѣхъ, которые было пошли и съ хорошимъ намѣреніемъ дойти на то пречудное поле къ Божіей Матери. Что же? я возгорѣлся любовію попасть на то поле, во чтобы то ни стало и погубить того врага, губителя человѣческаго; и началъ приготовляться въ путь. Что же? всѣ, на томъ полѣ бывшіе люди со мной, начали меня разбивать и уговаривать, чтобы я не ходилъ, а то пропадешь вѣчно, и даже упрашивать со слезами отъ сожалѣнія; предлагали тысячи опасностей и бѣдствій, представляя того страшнаго исполина, что ни одинъ не могъ его миновать, чтобы онъ его не ввергнулъ въ бездну. Но я всѣ ихъ увѣщанія пренебрегъ и сказалъ: что бы вы мнѣ

ни говорили, я не послушаю; развѣ кому не желательно быть на томъ прекрасномъ полѣ у иконы Богородицы? Развѣ мнѣ не жалко тѣхъ людей, которыхъ онъ погубляетъ? Я пойду, что будетъ, то и будетъ: съ помощію Бога побѣжду сего губителя, ибо хотя онъ страшенъ и великъ, но не силенъ; св. Андрей юродивый такого же побѣдилъ. И тако пошелъ по этой узкой тропинкѣ, хотя и всѣ уговаривали не ходить, но никого не послушался и началъ пробираться шагъ за шагомъ по той страшной и узенькой тропинкѣ. Вотъ уже сталъ подходить близко къ тому страшному исполину-чудовищу, онъ же на меня заскрежещущи зубами, говоритъ: а, что ты отважился со мной спорить и бороться? Вотъ я дамъ какъ толчка, то и полетишь въ эту пропасть; уже много вашего брата туда слетѣло. Я ему сказалъ: вотъ посмотримъ, кто кого заставитъ слетѣть; самъ проклятый не слети попрежде меня, вѣдь ты только страшенъ, а силы-то ты не имѣешь. Что же? только какъ подошелъ къ нему—и схватились съ нимъ бороться;—возились долго; все одинъ другого не одолѣвали. Наконецъ какъ-то я его хорошенько поддѣлъ, да какъ далъ ему хорошаго толчка, онъ и полетѣлъ въ пропасть, только затрещалъ по камнямъ; я очень былъ радъ, и скоро уже прошелъ эту узкую тропинку и вышелъ на то прекрасное поле и бросился прямо къ иконѣ Божіей Матери; поклонившись Ей три поклона, я приложился. Икона величины аршина полтора и держитъ на рукахъ Предвѣчнаго Младенца Господа Іисуса Христа, на подобіе Тихвинской. И наполнилось сердце мое неизреченной радости и я проснулся и долго объ это размышлялъ. Разсказывалъ этотъ сонъ старцу Тимоѳею и духовнику Іерониму. Но они ничего не могли сказать; только духовникъ Іеронимъ, вздохнувъ, сказалъ: какъ бы съ тобой чего нислучилось—великаго искушенія.

107.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ встрѣтили мы дорогого гостя Великаго Князя Константина Николаевича; сопровождая Его по горѣ Аѳонской, простились съ нимъ на пароходѣ.

108.

27 іюля праздновали храмовой праздникъ св. великомученика Пантелеймона; того же дня старецъ мой Арсеній объявилъ резолюцію рѣшительную, навсегда оставить гору Аѳонскую, и пустыню, и обитель, и начать многолѣтнее странствіе въ Сибирскую страну, въ градъ Томскъ; потомъ вывелъ изъ пустыни и изъ Русской обители; проживавши у него въ келіи, былъ все время нездоровъ и боленъ ногами. 5 числа августа получилъ отъ игумена моего Герасима и отъ духовника Іеронима полное благословеніе на всю мою временную жизнь.

Сообщилъ архимандритъ Никонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ
ИГУМЕНА
ПАРѲЕНІЯ.*)

109.

14 числа сентября праздновалъ Воздвиженіе Честнаго Креста Господня въ монастырѣ Ксиропотамѣ и было торжественное всенощное бдѣніе, продолжавшееся 12 часовъ; между каѳизмъ, по третьей и по шестой пѣсни канона, духовникъ читалъ акаѳистъ Честному Кресту; раздѣливъ на 4 статьи, читалъ по-гречески, а концы у акаѳиста припѣвали. По великомъ славословіи, было полное, по уставу, Воздвиженіе Честнаго Креста, съ нѣкоторыми особенными церемоніями, ибо прежде Воздвиженія, какъ вынесли изъ алтаря Крестъ, то прежде сдѣлали малый крестный ходъ позади столбовъ, а потомъ трижды обойдя аналой, на немъ же долженъ быть положенъ крестъ, а крестъ воздвизали—самое Честное древо Креста Господня, съ отверстіемъ гдѣ вонзенъ былъ гвоздь.

110.

22 сентября получили извѣстіе, что прибылъ корабль изъ Солуня, который сажаетъ поклонниковъ въ Іеруса-

*) Продолженіе. См. іюльскую кн. *Душепол. Чтенія.* 1899 г.

лимъ—и мы должны были на немъ ѣхать; подъ 23 число, подъ воскресенье, служилъ духовникъ всенощное бдѣніе; онъ началъ читать правило къ служенію, а я пошелъ въ свою келію; собираясь, всю ночь не спали. Послѣ всенощной я, сидя, немного задремалъ и вижу во снѣ, что многіе отцы Аѳонскіе несутъ кресты отъ самаго Честнаго древа Креста Господня. Я спросилъ ихъ: гдѣ они взяли кресты? Они же отвѣщаша, что духовникъ Арсеній ихъ награждаетъ. Я сказалъ: почему онъ мнѣ не даетъ? и я его ученикъ. Придя къ нему сказалъ: отче святый, почему же ты прочихъ награждаешь крестами, а мнѣ не даешь, хотя бы одинъ. Онъ же отвѣтилъ: и тебя награжду, ибо твой крестъ никому не отдамъ, ибо онъ не таковъ какъ прочіе. Потомъ вынулъ изъ своего ковчега крестъ великій,—отъ самаго Честнаго Животворящаго древа Креста Господня, обложенъ весь златомъ и каменіемъ драгимъ!—и сказалъ мнѣ: вотъ твой крестъ; Господь тебя благословитъ—возьми и неси, не отягощаясь. Азъ же, получивъ, весьма возрадовался, и такъ проснулся.—Пришелъ къ духовнику, а онъ еще читаетъ правило; я сказалъ ему, что видѣлъ. Онъ же сказалъ: вотъ возлюбленное мое чадо, помни и знай, что я тебѣ далъ крестъ не иного древа, а самаго Христова креста, теперь же неси и не отягощайся.

111.

23 октября простился я со своимъ духовникомъ старцемъ и наставникомъ вѣчно и болѣе уже не видалъ его и отправился въ дальній путь за 12 тысячъ верстъ съ 12-ю руб. ассиг. денегъ и просить было не велѣно. Вотъ мнѣ теперь-то наступило совершенное испытаніе, въ которомъ, по предсказанію духовнаго моего отца іеросхимонаха Арсенія, всѣ излились на меня благости Божіи и показано Его премудрое домостроительство, а отъ меня одно требовалось: терпѣніе и упованіе на Бога и послушаніе исполнить завѣщаніе старца моего.

Того же числа я простился со всѣми отцами моими и

братіею; сѣлъ на корабль и отправились въ путь во святый градъ Іерусалимъ. Садился на корабль весь въ болѣзняхъ и ранахъ, насилу могъ ходить; но вотъ первая на меня излилась милость Божія, ибо на кораблѣ, по предсказанію моего старца, въ скоромъ времени все зажило, ибо онъ сказалъ: всѣ твои болѣзни и раны только до корабля, а тамъ будешь здоровъ.

112.

Осенняя погода и вѣтры не очень намъ пріятствовали на морѣ; въ островахъ Митилинѣ, въ Хіосѣ, Кастолоречѣ, и Кипрѣ стояли по нѣскольку дней; въ Митилинѣ ничего замѣчательнаго не видѣлъ, ибо стояли въ маломъ городкѣ. Но въ Хіосѣ много ходили и видѣли, ибо Хіосъ почти весь въ развалинахъ; ходивши по улицамъ между великихъ каменныхъ зданій, смотрѣли великолѣпные развалины домовъ, расписанныхъ разными цвѣтами; и церкви стоятъ однѣ стѣны, съ иконнымъ стѣннымъ писаніемъ; но жителей ни одного нѣтъ. Только одинъ разъ шли мы по улицѣ,—изъ развалинъ вышла женщина лѣтъ 60-ти и начала намъ говорить, заливаясь слезами: вотъ въ этихъ великолѣпныхъ домахъ, я помню, жители были богатые, купцы и вельможи, но не осталось отъ нихъ никакого потомства, потому что всѣхъ ихъ порубили турки. Этотъ великолѣпный домъ былъ нашъ: мужа моего и дѣтей моихъ, но всѣхъ ихъ и сродниковъ моихъ порубили турки, и я одна несчастная осталась оплакивать ихъ кончину и свои скорби; живу въ своихъ развалинахъ, только одно у меня осталось утѣшеніе, что святая церковь, а то только плачу и прошу Господа, чтобы уже поскорѣе и я переселилась къ своимъ роднымъ.

Мы, услышавъ это, очень разстроились сердцами. Воистину невозможно ходить по улицамъ, чтобы не плакать; когда намъ чуждымъ такъ прискорбно, а кольми паче тѣмъ, которые помнятъ его цвѣтущее состояніе и своихъ родныхъ, посѣкаемыхъ турками, какъ пшеницу пожинали.

113.

Потомъ мы отправились въ путь и бѣжали попутнымъ вѣтромъ мимо острововъ: Самоса, Патмоса, Кои и Родоса; въ тотъ день у насъ на кораблѣ случилось происшествіе: были съ нами два поклонника русскіе изъ Тверской губ. и я съ ними обѣдалъ; потомъ начали читать вечерню; одинъ стоялъ подлѣ меня, потомъ отойдя отъ меня, сѣлъ подлѣ боку корабля; греки и болгары закричали: русскій померъ,—шапка съ головы упала въ море; мы подбѣжали и точно померъ, и хотѣли, чтобы онъ ночевалъ на кораблѣ, но всѣ закричали: неможно, неможно; мы, отпѣвъ погребеніе, привязали камень и бросили въ море, по морскому обычаю.

114.

Потомъ вѣтеръ перемѣнился и подулъ противный; мы много было противились, но однако заставилъ повернуть въ островъ *Кастолоріво*; тамъ пробыли нѣсколько дней; часто ходили въ церковь во имя св. царей Константина и Елены; церковь очень хороша—каменная и просторная. Эта страна уже недалеко прилежитъ къ Мурликійской странѣ, гдѣ проживалъ святитель Николай Чудотворецъ.

115.

Потомъ пошли въ путь къ острову Кипру; хотѣли было пробѣжать его мимо, не заходивши въ него; онъ оставался у насъ влѣво и половину его прошли въ виду, потомъ наши матросы въ ночь поворотили было направо въ Палестину; бѣжали очень скоро восточнымъ вѣтромъ; къ полуночи вѣтеръ разыгрался; корабль небольшой, — какъ стало покачивать и поплескивать, только держись за веревки; наши корабельщики видятъ, что дѣло худо, и опять побѣжали въ Кипръ островъ; море закипѣло какъ въ котлѣ; я было хотѣлъ пролежать одѣвшись, и прочи-

тать правило, какъ начало поддавать и меня всего подмочило. Я, вставъ, не могъ стоять; волны ходятъ чрезъ корабль; жены внутри корабля кричатъ неистово, а наверху люди всѣ кто за что ухватился — держатся, дабы волной не унесло въ море. Вотъ смотримъ летитъ большой табунъ птицъ, подобныхъ воробьямъ, порхаютъ по морю и прямо на нашъ корабль; мы всѣ думали, что это воробьи; и полетѣли прямо чрезъ нашъ корабль, и нѣсколько ихъ задѣло веревками, и попадали на палубу; но мы смотримъ это не птица, а рыба летучая съ крыльми, только небольшая, и мы хотѣли было хорошенько посмотрѣть и высушить, но матросы всю ее живую съѣли; мы даже скорбѣли на нихъ.

116.

Уже къ самому вечеру начали подходить къ Кипру, къ одному городу, но гавани тутъ нѣтъ, и наши матросы убрали всѣ паруса; подошли поближе къ берегу, а берегъ отлогій, и боятся подойти близко. Отъ берега греки подъѣхали въ лодкахъ, чтобы снять народъ съ корабля и просятъ по 5-ть левовъ съ человѣка за перевозъ; другіе начали торговаться съ ними; но я сказалъ: теперь какая торговля, а какъ бы нибудь попасть на берегъ; а лодкѣ близко къ кораблю подойти нельзя; волны какъ горы, какъ притронется, такъ и пропала — всю вдребезги разобьетъ. Я взялъ свою сумочку и бросилъ въ лодку, а потомъ и самъ бросился, и слава Богу попалъ очень хорошо; глядя на меня человѣкъ 20-ть соскочило—и мы попали на берегъ; но греки другой разъ уже не поѣхали, хотя давали имъ по 10-ть левовъ. Мы въ городѣ встали на квартиру и преспокойно ночевали; ходили въ церковь къ вечернѣ, утренѣ и литургіи; церковь очень великая и прекрасно убранная; хотя городъ небольшой, но прекрасный; народъ все торговый; все дешево: хлѣбъ, вино и рожки; какъ лѣса стоятъ древа; вино такъ хорошо и сладко, что подобнаго едва ли найдешь на всемъ земномъ

шарѣ и очень дешево, по 20 паръ, т. е. по 10 к. асоко, три фунта вѣсу. Женскій полъ одежду носитъ самую степенную, древнюю, на головахъ большіе кокошники, покрытые большими фатами. Простоявъ здѣсь двое сутокъ, поутихло, и мы пошли поперекъ моря въ Палестину.

117.

На 3-й день подошли къ берегамъ Палестины, а къ вечеру къ Яффѣ—со многимъ страхомъ, едва попали на берегъ. Взойдя въ православный монастырь, мнѣ сказали, что есть 2 монаха изъ Петербурга, изъ Невской лавры. Я началъ ихъ разыскивать; увидѣвъ ихъ, возрадовался, ибо знакомые: іеромонахъ Іосифъ и іеродіаконъ Филадельфъ. Бывая въ Невской лаврѣ, я многажды бывалъ у нихъ въ келіяхъ; мы очень одинъ другому были рады, что увидались вмѣсто С.-Петербурга въ Палестинѣ, въ Яффѣ. Съ этого часа они мнѣ были 6-ть мѣсяцевъ неразлучными сопутешественниками по Св. землѣ.

118.

Потомъ отправились въ Іерусалимъ кто на чемъ — кто на верблюдѣ, кто на конѣ, а другіе на мулѣ, т. е. на ослѣ, кто на магарчикѣ, т. е. на осленкѣ. Первую ночь отъ Яффы ночевали въ Рамлѣ, а на другой день прибыли въ Св. градъ Іерусалимъ, и приняли насъ въ патріаршій монастырь; ходили къ вечернѣ, а потомъ къ ужину; поутру къ утренѣ; на утрени во время каѳизмъ умывали намъ ноги; послѣ литургіи трапезовали; ночевать на другую ночь свели во храмъ Гроба Господня. Прикладывались ко Гробу Господню и ко всѣмъ святымъ мѣстамъ; поутру послѣ литургіи опять въ патріархію, а оттуда по квартирамъ—по разнымъ монастырямъ: насъ Аѳонскихъ въ Архангельскій монастырь, и дали намъ на 6 человѣкъ келію просторную; и мы стали препровождать зиму, ежедневно посѣщая святыя мѣста; на второй день повели насъ въ Геѳсиманію, и на гору Елеонскую и Сіонскую; на третій

день пошли въ Виѳлеемъ, — тамъ лобызали всѣ святыя мѣста; здѣсь ничего не описываю, ни мѣстъ, ни обычаевъ, ибо это все писано въ моемъ странствіи и путешествіи, а здѣсь только о томъ упомяну, что тамъ пропущено.

119.

Въ постъ Рождества Христова приходитъ къ намъ въ монастырь Русскаго консула племянникъ и говоритъ мнѣ: отче, ты живалъ въ Австріи, въ Буковинѣ? Я отвѣтилъ: живалъ, долгое время. Онъ же сказалъ: иди посмотри въ патріаршемъ монастырѣ пришли какіе-то монахи раскольническіе, одежда на нихъ странная; не знакомы ли они тебѣ? Я пошелъ; придя на гостиницу, увидѣлъ ихъ; они обѣдали вдвоемъ. Я долго смотрѣлъ и одного узналъ, сказавъ: здорово, старецъ Алимпій. Онъ изумился, что я называю его по имени и спросилъ: да какъ ты, отецъ, меня знаешь? Живя въ Іерусалимѣ, мы полагали, что здѣсь не только насъ, но и страны нашей не знаютъ. Я сказалъ: посмотри на меня попристальнѣе, то и ты меня узнаешь. Онъ много на меня смотрѣлъ и сказалъ: не могу узнать, кто ты еси.

Я сказалъ: вотъ братъ, отецъ Алимпій, уже своихъ не узналъ, а кто съ тобою странствовалъ по Австріи, по Галиціи, во Львовъ и Броды? и кто жилъ въ пустынѣ у Ивана Тихоныча?

Онъ вскочилъ и бросился ко мнѣ на шею, говоря: братъ ты мой любезный, отецъ П., неужели это ты: сколько лѣтъ я уже про тебя не слыхалъ, полагая, что уже тебя и на свѣтѣ нѣтъ. Потомъ началъ говорить: прошу тебя заступи ты насъ у патріарха, ибо едва насъ приняли въ патріархію, говорятъ, что вы, еретики, ступайте къ католикамъ, къ латинамъ.

Я: хорошо, сколько могу заступлю васъ, только вы скиньте съ себя эти мантійцы и камилавки, а ходите въ

спальныхъ камилавкахъ *), а то васъ почитаютъ еретиками, и мнѣ съ вами ходить нельзя, а то и меня зазрятъ съ вами—почтутъ сообщникомъ. Они немедленно все скинули и благодарили меня за совѣтъ. Потомъ я съ ними сѣлъ и разспрашивалъ, зачѣмъ они забрели въ Іерусалимъ.

Они сказали: мы все ищемъ вѣры. Хорошо, ты себѣ нашелъ, а намъ каково быть безъ епископовъ и безъ церкви? Намъ сказали, и даже читали, что въ Сиріи за Ливанскими горами, якобы, есть по нашей вѣрѣ старообрядческой епископы, и даже самъ патріархъ содержитъ вѣру, якобы самую древле-греческую; то намъ Московское наше старообрядческое общество прислало довольное число денегъ для издержекъ, и мы прежде прошли Сербію, Черногорію и Болгарію, все искали нашихъ старообрядческихъ епископовъ и по всей Австріи; но повсюду гдѣ только скажутъ, что въ такомъ-то мѣстѣ вѣра древле-греческая, мы обрадуемся и придемъ; точно, вѣра греческая, но не наша, а все ваша; а новою вѣрою они называютъ вѣру латинскую или уніатскую. И такимъ образомъ ничего не нашли.

Потомъ, взявъ еще денегъ, отправились въ Сирію чрезъ Константинополь. Были въ Сиріи, Антіохіи и Дамаскѣ у Антіохійскаго патріарха и за Ливанскими горами и нашли епископа, про котораго слышали; и точно такъ, что этотъ епископъ между множествомъ магометанъ, латинъ и уніатовъ остался одинъ со своею паствою, принадлежащею къ Антіохійскому патріарху, и называется отъ всѣхъ православнымъ и вѣры Греческой, но не нашъ, а вашъ, ибо молится въ три перста, а про наше двухперстное сложеніе нигдѣ и слуху нѣтъ, какъ бы его никогда здѣсь и не бывало.

Потомъ мы вздумали сюда въ Іерусалимъ поклониться св. мѣстамъ; но, пріѣхавъ ко вратамъ Іерусалима, насъ

*) На св. горѣ Аѳонской и на Востокѣ иноки, ложась спать, не снимаютъ подрясниковъ и даже мягкихъ валеныхъ камилавокъ. *Прим. ред.*

остановили Турки, спросивъ: къ какой здѣсь принадлежите націи? мы хотѣли сказать: ни къ какой, Турки пожалуй не впустятъ и во Іерусалимъ, и сказали: что къ греческой православной націи, и Турки проводили насъ по улицамъ до патріаршаго монастыря; изъ монастыря вышло много духовенства, и насъ никакъ не хотѣли принять, смотря на нашу странную одежду. Мы говорили, что мы православные, но они не вѣрили, а когда увидѣли наши паспорты изъ Австріи, то сказали: поѣзжайте въ католическій монастырь; едва, едва мы могли упросить, чтобы приняли насъ; когда же митрополитъ согласился насъ принять, то въ одну секунду подскочило къ намъ много послушниковъ; взявъ нашу одежду, повели насъ въ гостиницу и угощали какъ родныхъ.

Я сказалъ: вы, отцы, теперь хотя на время свое суевѣріе оставьте и ходите молиться Богу въ церковь, чтобы васъ не зазрили, ибо здѣсь всѣхъ еретиковъ ненавидятъ. Они на это согласились. Поутру ноги имъ умывать не стали, хотя имъ и хотѣлось, даже давали деньги, но имъ сказали: хотя мы васъ и приняли, но все-таки сомнѣваемся, что вы не чистые православные христіане и поэтому не можемъ вамъ омыть ноги.

Потомъ провели ихъ по всѣмъ степенямъ какъ и прочихъ поклонниковъ и они сдѣлали хорошее пожертвованіе въ патріархію; и дали имъ келію въ нашемъ Архангельскомъ монастырѣ, близъ моей келіи; хотя бы годъ они прожили.

Вотъ здѣсь-то были у насъ ежедневныя пренія и разговоры о вѣрѣ, о догматахъ и о всемъ прочемъ; но они уже раскола не показывали, ходили въ церковь ко всякой службѣ, молились съ нами вмѣстѣ и ѣли антидоръ, были какъ православные.

Я ихъ повсюду сопровождалъ. Монахъ Алимпій человѣкъ духа вольнаго, каждое дѣло разсуждаетъ для собственныхъ цѣлей. Товарищъ его, монахъ Павелъ, естества кроткаго и есть нѣсколько страха Божія. Мы много раз-

говаривали, и я все имъ показывалъ и часто по нѣскольку часовъ имѣли преніе; говорилъ я имъ слѣдующее:

Отцы! вы люди умные и довольно начитанные; вотъ уже вы больше меня видѣли всего своими глазами; были, какъ сами говорите, въ Сербіи, Босніи, Черногоріи, Греціи и прошли всю Сирію и Палестину, можетъ быть побываете и въ Египтѣ. Видѣли-ли вы гдѣ, чтобъ было согласно съ вами, молятся-ли въ два перста, и гдѣ-нибудь нашли-ли вы съ вами сходственный обрядъ; скажите мнѣ безпристрастно?

Они отвѣтили: нѣтъ, нигдѣ не нашли этого, а повсюду согласно съ Грекороссійскою церковію — это много насъ удивляетъ.

Я: а что, вы смотрѣли ли ихъ книги и спрашивали-ли ихъ, что согласны-ли теперешнія ихъ книги съ древними книгами? и не бывало ли у нихъ когда какой перемѣны въ книгахъ и обрядахъ?

Отвѣтъ: мы не за этимъ ѣздимъ, чтобы искать вѣры или узнавать которая истинная, или разспрашивать объ обрядахъ, мы въ вѣрѣ не сомнѣваемся, а только того, которая съ нами согласна, та и наша.

Я: какъ же вы сами прежде сказали, что согласной съ вами нигдѣ не нашли, и вся восточная церковь во всемъ согласна съ россійскою церковію, а не съ вами. Это явно, что вы неправы и перемѣнили древніе обряды и обычаи, а если бы Россійская церковь по вашему мнѣнію перемѣнила вѣру, книги и обряды, то бы она не была согласна съ восточною церковію, которая разсѣяна въ 3-хъ частяхъ свѣта, въ разныхъ государствахъ подъ разными державами и подъ разными духовными управленіями. Хотя бы въ одномъ мѣстѣ что и перемѣнили, то въ другомъ бы это изобличили, даже и самыя древнія ихъ книги; но возьмитесь вы теперь за это дѣло, вы люди свободные, при хорошемъ состояніи и уже путешествуете по здѣшнимъ странамъ,—повѣрьте всѣ книги древнія съ нынѣшними новыми и спросите всѣхъ ученыхъ и неуче-

ныхъ, духовныхъ и мірскихъ, ибо повсюду есть люди, которые знаютъ языки, и увѣрьте въ Россіи всѣхъ толковъ своихъ, называемыхъ старообрядцами; но только скажу вамъ истинную правду, потому что я самъ, бывъ раскольникомъ и заблудшимъ, присоединился ко святой Восточной Христовой церкви и никакого сомнѣнія не имѣю, но все-таки безпрестанно только гдѣ бываю и всѣхъ спрашиваю объ этомъ, что нѣтъ ли какого несогласія въ книгахъ древнихъ съ новыми; но отъ всѣхъ слышу и самъ своими очами вижу, что всѣ Восточной Христовой церкви Греческія, Сирскія и Грузинскія книги, какъ новыя, такъ и древнія во всемъ между собою согласны. Вѣру и догматы всѣ содержатъ самую ту, которую приняли отъ Христа чрезъ апостоловъ и которая запечатана мученическою кровію и утверждена святыми отцами на седми вселенскихъ соборахъ. Прожилъ я 7 лѣтъ на св. горѣ Аеонской, также ходилъ по всей Греціи,—нигдѣ не случалось видѣть ни на древнихъ иконахъ, ни на стѣнномъ древнемъ писаніи, чтобы молящаяся рука была изображена въ 2 перста, какъ это случается видѣть въ Россіи часто на древнихъ иконахъ, но и то не очень древнихъ, а писанныхъ уже послѣ Стоглаваго собора, а древнія самыя Россійскія и Греческія всѣ изображены просто простертыми горѣ. Вы сами теперь здѣсь, вникните въ это здѣсь, въ Іерусалимѣ и Синаѣ и заѣзжайте во св. гору Аѳонскую и посмотрите безпристрастно.

Они отвѣтили: мы сказали тебѣ, что не за этимъ поѣхали, чтобы искать истины и не за тѣмъ посланы, то насъ никто и не послушаетъ, ежели бы мы что и разсказали здѣсь; но конечно трудно найти чего съ нами, старообрядцами, согласнаго, отъ чего это — мы уже не знаемъ; хорошо тебѣ, что такъ началъ все разыскивать и на все ты согласенъ, только бы было праведно и истинно; а другой не такой, — приверженъ къ тому, въ чемъ родился, хотя бы видѣлъ какой и недостатокъ.

Я: охъ Боже мой, помилуй васъ Господи, до какого вы дожили безумія; мало того, что вы ничему не хотите вѣрить, но даже и разыскать истину не хотите, и этимъ самымъ ниспровергаете самое божественное Евангеліе и самыя словеса Спасителя нашего Господа Іисуса Христа, который сказалъ: ищите и обрящите, толцыте и отверзется вамъ, просите и дастся вамъ. Какое же вы теперь будете имѣть оправданіе предъ Богомъ, что не только ничему не вѣрите и ничего не ищете и не просите, но явно вы заблудшіяся и погибшія овцы; ходите по свѣту и сами не знаете зачѣмъ и чего ищете.

Съ этого времени они всячески старались уклоняться отъ пренія, даже и отъ разговоровъ объ этомъ предметѣ.

Въ одно время вышли мы изъ своей церкви и я ихъ остановилъ на паперти. Подвелъ ихъ къ иконамъ, стоящимъ подлѣ стѣны, обращеннымъ лицами къ стѣнѣ, три иконы: Спасителя, Божіей Матери и св. Архангела Михаила, и сказалъ имъ: посмотрите на эти иконы, всякаго удивленія достойныя, ибо они прежде были здѣсь мѣстныя, а потомъ за ветхостію вынесены и поставлены; посмотрите на нихъ безпристрастно, сколько они древни, ибо кипарисъ древо негніющее, но и оно изотлѣло, какъ мука сдѣлалась; если бы съ обѣихъ сторонъ красками не были связаны, то бы всѣ разсыпались какъ прахъ; посмотрите: пальцемъ всю икону между красокъ выскоблишь, но и которыя уже вмѣсто ихъ поставлены, какъ по древности смотрѣть, должно быть лѣтъ около пятисотъ есть; но посмотрите, какъ у нихъ изображены благословляющія руки, не именносложно-ли какъ и донынѣ употребляетъ Восточная церковь?

Они ихъ поворочали и посмотрѣли, сказавъ: да, эти иконы по древности замѣчательны, но однимъ этимъ иконамъ повѣрить нельзя.

Я: если Богъ дастъ когда мы будемъ въ Виѳлеемѣ, то я вамъ тамъ покажу еще и этихъ древнѣе, отъ лѣтъ царя

Іустіана великаго, при которомъ былъ 5-й Вселенскій соборъ, около 1300 лѣтъ, всѣ благословляющія руки также изображены именносложно, но еще не краскою писаны, а мусіею изображены—таковыхъ можно найти тысячи по архипелажскимъ островамъ.

Они замолчали и начали мнѣ льстить, чтобы я съ ними ничего не заводилъ говорить; но я не обинуясь безпрестанно увѣщевалъ ихъ и показывалъ имъ.

Они, видя, что имъ со мною худо, что на каждомъ шагу я обличаю ихъ заблужденія, — начали помышлять, какъ бы имъ скорѣе убраться изъ Іерусалима. Сходили въ Лавру св. Саввы освященнаго, а въ Виѳлеемъ такъ и не пошли, дабы не обличить своего заблужденія. Но нѣкоторые изъ Русскихъ поѣхали въ Синайскую гору и они съ ними собрались въ Синай. Но доѣхавъ до Суеза, попались имъ навстрѣчу поклонники изъ Синая, а съ ними былъ одинъ мошенникъ, именемъ Костюшка, изъ евреевъ; вѣры никакой не держалъ, а только промышлялъ: провожалъ Русскихъ поклонниковъ въ Синай и въ прочія мѣста, ибо хорошо зналъ языки Греческій, Русскій, Турецкій и Арабскій; много разъ бывалъ въ Россіи, и съ кѣмъ только онъ имѣлъ дѣло, то всѣхъ обманывалъ. Вотъ на него-то они и попались. Этотъ еврей много зла сотворилъ для погибели человѣческой. Онъ, увидя ихъ, сказалъ имъ: а вы куда ѣдете? Они отвѣтили: въ Синайскую гору. Онъ сказалъ имъ: вы и не думайте этого, чтобы вамъ ѣхать въ Синай, васъ тамъ и въ монастырь не впустятъ; тамъ и ночевать негдѣ, лучше вернитесь съ нами въ Египетъ.

Они задумались; переговоривъ съ нимъ, открыли ему тайну, что они ищутъ сманить какого-нибудь епископа православнаго хотя бы и заштатнаго. Онъ имъ сказалъ: а дадите мнѣ по сту червонцевъ въ годъ, я въ Константинополѣ добуду вамъ хотя 2-хъ и буду ему за драгомана, ибо тамъ много есть заштатныхъ. Они этому очень

обрадовались и сказали, что эти деньги дать согласны, только бы это дѣло сработалъ; вернулись назадъ въ Египетъ, а потомъ въ Константинополь. Костюшка не малое время искалъ такую добычу;—наконецъ и нашелъ одного митрополита Амвросія, находившагося подъ судомъ и подъ запрещеніемъ отъ служенія, ибо онъ, бывъ въ Босніи митрополитомъ, напалъ на одного богатаго христіанина, началъ его тѣснить и напрашивать турецкаго пашу; но христіанинъ, не стерпѣвъ этого притѣсненія, со всѣмъ семействомъ отступилъ Христа и принялъ магометанство. Послѣ дошло это законопреступленіе до патріарха Константинопольскаго, и его вытребовали въ Константинополь: патріархъ запретилъ его отъ служенія и священнодѣйствія, — котораго по окончаніи суда, должно лишить сана и всего священства и быть сослану куда-нибудь въ заточеніе вѣчное. Вотъ этого-то архипастыря и нашли себѣ раскольники. Но они знали, что если увезти его въ такомъ положеніи, то послѣ, если это узнается, только надѣлаютъ смѣху. Этотъ полуразстрига еще не соглашался такъ ѣхать просто, но чтобы положили ему ежегодно жалованья по 500 червонцевъ, а сыну его по 150 червонцевъ. — Они на все это согласились, только бѣда, что запрещенъ. Вотъ и выдумали ложь діавольскую, чтобы обманомъ взять разрѣшеніе отъ патріарха. Разсорили довольное число червонцевъ въ патріаршей канцеляріи и по прочимъ грекамъ, сродникамъ этого лжепастыря. Составили ложную духовную, что якобы одна богатая гречанка, духовная его дочь, заповѣдала ему довольное количество денегъ, только, чтобы онъ ее помянулъ и отпѣлъ по ней заупокойную литургію; это все было сдѣлано ложно. Изъ канцеляріи выдано ему разрѣшеніе только для погребенія одной жены и якобы патріархъ подписался, а можетъ быть изъ одной канцеляріи, потому что она знала этотъ обманъ и имъ ничего не нужно только однѣ деньги, но отъ суда, отъ отлученія и запрещенія онъ не

освобождается. Это дѣло показало бы конецъ суда. Но раскольники, получивъ эту бумагу, обрадовались и посадили своего лжемитрополита, съ сыномъ и со снохою, на пароходъ и направились прямо въ Молдавію и тихими стопами въ Австрію; Алимпій немедленно отправился въ Россію, прямо въ Москву. Раскольническое общество наградило его около милліона рублей.—Онъ, пріѣхавъ въ Австрію, отправился въ Вѣну; тамъ ухлѣбилъ высшее австрійское начальство и оно вытребовало лжемитрополита въ Вѣну, доложивъ императору. Императоръ спросилъ папы Римскаго, и тотъ благословилъ; а императоръ приказалъ спросить объ этомъ Константинопольскаго патріарха. Вотъ тутъ былъ ударъ для Павла (?), ибо онъ зналъ, кто онъ таковъ и какъ его увезли; отъ этого впалъ въ чахотку; но Алимпій выдумалъ еще обмануть и составить ложь: послалъ довольное число червонцевъ въ Константинополь въ Австрійское посольство въ канцелярію, чтобы сдѣлать все въ пользу ихъ, обойдя патріарха. Это все сдѣлано такъ, какъ они хотѣли;—деньги все на свѣтѣ дѣлаютъ!

Но, впослѣдствіи, узнавъ объ этомъ патріархъ, всѣмъ соборомъ, заочно, лишили его сана: за измѣну православія и за побѣгъ предали его анаѳемѣ: за всѣ дерзкіе его поступки, что не только бѣжалъ и измѣнилъ православію, но подъ запрещеніемъ дерзнулъ служить литургію и рукополагать, и, еще сверхъ всѣхъ правилъ святыхъ соборовъ, дерзнулъ одинъ рукоположить епископа еще въ чуждой епархіи!

Вотъ отъ такого то проклятаго и запрещеннаго корня, разстриги, и жида проклятаго, произошло раскольническое Австрійское духовенство! Это не духовенство, а одна модель и театръ, одинъ нарядъ и проформа: не имѣетъ ни Духа Святаго, ни власти вязать и рѣшить; потому что они не отъ Христа приняли ключи и рукоположеніе, которое передается другъ другу пріемно; но отъ извержннаго и проклятаго отъ патріарха и всего Святѣйшаго сѵнода Константинопольскаго митрополита Амвросія.

Это я самъ слышалъ въ Молдавіи во время моего проѣзда въ 1847 году отъ самихъ раскольниковъ, которые только пришли изъ Австріи. Поэтому Молдавскіе раскольники этого священства около половины не приняли; но сожалѣю, что этого я не зналъ, живя въ Константинополѣ, а то бы я все изслѣдовалъ.—Но довольно объ этомъ; возвращусь паки на первое, какъ я проживалъ въ Іерусалимѣ.

Сообщилъ Архимандритъ Никонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ
ИГУМЕНА
ПАРѲЕНІЯ.*)

120.

Въ постъ Рождества Христова очень я скорбѣлъ о томъ, что не хотѣлось мнѣ ѣхать въ Россію; а желалъ паки возвратиться во св. гору Аѳонскую, или помереть въ Іерусалимѣ; просилъ Господа Бога не оставить въ такихъ скорбяхъ, или послать конецъ жизни, или утѣшить меня. Въ одну ночь, ночевавъ въ храмѣ гроба Господня и зайдя въ Кувуклію одинъ,—ибо всѣ легли спать,—я же, слезами лице омывая, палъ на гробъ Христа Спасителя. На колѣняхъ стоя, а руками облокотясь на гробъ, плакалъ и говорилъ: О! Владыко многомилостиве и человѣколюбче! услыши мою молитву на семъ св. мѣстѣ, на живоносномъ Твоемъ Гробѣ, и утѣшь скорбящую мою душу, ибо Тебѣ извѣстна вся печаль моя и всѣ мои скорби. Ежели здѣсь не услышишь, то гдѣ же больше, и такъ иная и многая говорилъ, Христовъ Гробъ слезами омочивъ; и немного задремалъ; слышу, какъ кто говоритъ: прочти 95-й псаломъ и успокойся. Я вскочилъ, смотрю никого тутъ нѣтъ. Былъ со мной маленькій псалтирь, который я началъ читать: вос-

*) Продолженіе. См. августовскую кн. *Душепол. Чтенія.* 1899 г.

пойте Господеви пѣснь нову, воспойте Господеви вся земля; воспойте Господеви, благословите имя Его; благовѣстите день отъ дне спасеніе Его. Возвѣстите во языцехъ славу Его, во всѣхъ людехъ чудеса Его. Яко велій Господь и хваленъ зѣло, страшенъ есть надъ всѣми боги. Яко вси бози языкъ бѣсове; Господь же небеса сотвори. Исповѣданіе и красота предъ Нимъ, святыня и великолѣпіе во святилѣ Его. Принесите Господеви, отечествія языкъ, принесите Господеви славу и честь. Принесите Господеви славу имени Его; возьмите жертвы и входите во дворы Его. Поклонитеся Господеви во дворѣ святѣмъ Его: да подвижится отъ лица Его вся земля. Рцыте во языцѣхъ, яко Господь воцарися; ибо исправи вселенную, яже не подвижится; судитъ людемъ правостію. Да возвеселятся небеса, и радуется земля; да подвижится море и исполненіе его; возрадуются поля, и вся яже на нихъ; тогда возрадуются вся древа дубравна отъ лица Господня, яко грядетъ, яко грядетъ судити земли, судити вселенней въ правду, и людемъ истинною своею.

Когда же я прочиталъ сей псаломъ, то исполнилось сердце мое неизреченною радостію; какъ бо Господь Самъ лично мнѣ объявилъ свою святую волю и раскрылъ всю мою будущую жизнь, и зачѣмъ Онъ меня посылаетъ въ Россію; только помышлялъ въ себѣ: Господи! какимъ же образомъ могу я возвѣстить во всѣхъ языцѣхъ славу Твою и во всѣхъ людѣхъ чудеса Твоя; я человѣкъ неученый невѣжда, а еще и глухой; но прости меня Господи за таковыя помышленія, отъ человѣкъ только это невозможно, а Тебѣ Господу Богу все возможно. Буди Твоя святая воля надо мною.

121.

Тамъ же въ Палестинѣ, того же года, въ Виѳлеемѣ градѣ, 24 декабря, наканунѣ Рождества Христова, въ великомъ храмѣ, во время литургіи въ навечеріе Рождества Христова, стоялъ я надъ самымъ входомъ въ вертепъ,

гдѣ родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Когда начали читать Евангеліе, какимъ-то образомъ сверху упала лампада, въ которой былъ фунтъ масла, прямо мнѣ на голову, но на головѣ была камилавка; но какъ лампада упала сверху, а камилавка съ головы, и масло не попало, ни на камилавку, ни на рясу, а все осталось на головѣ и волосахъ, а лампада упала съ головы на землю и вся вдребезги разбилась; это происшествіе удивило всѣхъ.

122.

Въ Іерусалимѣ, въ великомъ постѣ, пришелъ я въ Ѳеодоровскій монастырь, къ Невскому іеромонаху отцу Іосифу, онъ говоритъ: отецъ поставь-ка самоваръ, да напьемся чаю. Я сказалъ: нынче постъ, неохота мнѣ пить чай, давай лучше оставимъ. Онъ же: мы люди заѣзжіе, странники, намъ Богъ проститъ; я, сотворивъ послушаніе, поставилъ самоваръ и напились чаю. Пришелъ домой въ свою келію, легъ и уснулъ. Вижу во снѣ много страшныхъ звѣрообразныхъ муриновъ, схватившихъ меня; и принесли чашу какого-то нестерпимаго смраду и насильно мнѣ вливаютъ въ уста, хотя и не хотѣлъ и отвращался. Но они говорятъ: попей-ка ты нашего чаю, вотъ онъ каковъ—другой разъ не захочешь. Я проснулся и чувствую нестерпимую горечь въ гортани уже на яву; продолжалось не малое время; когда я уже исповѣдался и причастился св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой—тогда не стало уже горечи. Съ этого времени семь лѣтъ не пилъ чаю и не ѣлъ сахару, что какую-то имѣлъ отвратительность. Не за то, чтобы онъ былъ Богомъ запрещенъ, или скверенъ, ибо всѣ травы Господь сотворилъ чистыми; но причина та, что не во время его пилъ, то Господь мнѣ и показалъ, что сколько Ему Создателю не угодно раннее яденіе и питіе, не во время позволенное.

123.

Когда я жилъ дома въ малыхъ лѣтахъ, то мнѣ родители и бабушка отнюдь не давали рано ѣсть, до литургіи,

или до часовъ, даже и воды напиться, ибо это считали за великій грѣхъ; это было показано на дѣлѣ, какъ это діаволу угодно, а Богу противно; ибо была тамъ одна женщина, имѣвшая въ себѣ духа нечистаго; какъ только какой праздникъ, то и начнетъ ее мучить, ломать и заставлять ѣсть; но она сколько противится, столько онъ ее мучитъ. Но какъ только послушаетъ и хотя немного чего поѣстъ, то тутъ же и оставляетъ ее въ спокойствіи. Поэтому и заключили, что какъ діаволу пріятна ранняя ѣда, такожде и питіе, а Господу Богу это стало-быть оскорбительно. Поэтому всячески старались поститься до настоящаго времени — обѣда; а чай по большей части пьютъ рано утромъ; это-то должно быть и противно Богу, а угодно діаволу.

124.

Еще случился съ нами быть въ Іерусалимѣ одинъ человѣкъ россійскій, Владимірской губ. лѣтъ ему 35; онъ нѣсколько помѣшанъ какъ бы въ умѣ; однако въ церкви читаетъ и поетъ; рѣчь у него какая-то дикая, смѣхъ самый отвратительный и даже когда смѣется, то не можно терпѣть; въ Филипповъ постъ постился и причащался въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ; причастившись, хотѣлъ было перекреститься и приложиться къ потиру, но рукой чуть у игумена не вышибъ изъ рукъ чашу; но игуменъ, хотя чашу удержалъ, но Кровь Христова почти вся вылилась на полъ; игуменъ все языкомъ съ полу собиралъ.

Проведя зиму въ Іерусалимѣ и дождавшись св. Пасхи, въ среду на Пасхѣ выѣхалъ изъ Іерусалима и прибылъ во св. гору Аѳонскую; старца своего Арсенія уже не засталъ въ живыхъ. Вотъ здѣсь-то меня опять постигло искушеніе за мое маловѣріе, ибо, придя въ Аѳонъ, не имѣлъ денегъ ни копѣйки; продолжать путь въ Россію нѣтъ никакихъ средствъ, а остаться въ Аѳонѣ вездѣ можно, ибо всѣ знакомые меня каждый приглашаетъ къ себѣ въ сожительство, а другіе уже совѣтовали остаться навсегда;

я началъ колебаться мыслями, что не остаться ли мнѣ здѣсь, да и необходимость моя заставляетъ остаться. Прежде я остался пожить у одного брата подъ Ватопедскимъ монастыремъ на келіи въ одной прекрасной долинѣ между горъ; а потомъ перешелъ на келію къ Коренявымъ подъ Иверскій монастырь; началъ жить было радуясь припѣваючи и забывать старцево завѣщаніе.

Что же? въ одну ночь вижу сонъ, якобы я въ Палестинѣ стою на полѣ и вижу летитъ великій и страшный змѣй и, надлетѣвши надъ меня, началъ спускаться ниже и ниже и упалъ подлѣ меня и крыломъ прижалъ меня, что мнѣ нельзя отъ него избавиться. Я проснулся и подумалъ, что это сонъ и мечта, но стало что-то мнѣ хуже, какъ бы скучно и грустно. Но я не опомнился, а все въ первомъ положеніи остаться во Аѳонѣ. Потомъ, чрезъ нѣсколько дней, опять вижу этого змія, но уже разѣваетъ челюсти и хочетъ проглотить. Я, проснувшись, много размышлялъ, что это такое; послѣ этого уже стало мнѣ очень дурно; начали во мнѣ и страсти оживляться и уныніе. Всѣ замѣтили и каждый спрашиваетъ: или нездоровъ? но я чувствую нездоровье души моей; все еще меня не образумило и даже уже очень со мной дѣлается дурно; но я думалъ, что все это пройдетъ. Вотъ вижу и опять этого змія—уже совсѣмъ хочетъ проглотить; такъ я испугался, что вскочилъ, думая, что̀ это за напасть? но послѣ этого я уже вовсе почти впалъ въ отчаяніе и даже хлѣба лишился и вижу, что въ душѣ моей сдѣлалась совершенная тьма и мученіе горче ада; я сдѣлался весь, какъ сумасшедшій. Теперь-то я только очувствовался, что это искушеніе за то на меня послано отъ Бога, что я втунѣ оставилъ старцево завѣщаніе и вспомнилъ словеса покойнаго старца, что назадъ не оглядывайся, а то пропадешь навѣки. Такъ же и святителя Петра въ Іерусалимѣ: что безъ Бога и во Аѳонѣ пропадешь. Я немедленно отправился въ монастырь Русикъ къ духовнику Іерониму, объявилъ ему всѣ бѣды и искушенія. Онъ заплакалъ и ска-

залъ: это за то Господь отъ тебя отступилъ, что ты не исполняешь завѣщанія покойнаго старца Арсенія; иди, иди скорѣе въ Россію. Я сказалъ: отче святый, какъ же я могу итти—денегъ нѣтъ ни копѣйки и случая никакого нѣтъ. Развѣ вы дадите мнѣ на дорогу; я вамъ вышлю съ избыткомъ. Но онъ отказалъ. Объ этомъ подробно описано въ 3-й части моего странствія.

125.

Здѣсь скажу нѣкоторыя сказанія Аѳонскихъ старцевъ. Сказывалъ мнѣ одинъ духовный братъ и другъ мой слѣдующее, съ нимъ случившееся, происшествіе:

Въ одно время случилось мнѣ, по діавольскому наваожденію пасть въ искушеніе, и послѣ вижу во снѣ, что взяли меня два діавола, въ видѣ эѳіоповъ черныхъ, и привели къ самому сатанѣ, сидящему на высокомъ тронѣ. Онъ страшный, очи огненные, такъ и сверкаютъ, усы висятъ длинные.—Діаволы говорятъ ему: вотъ это твой рабъ. Онъ же хотѣлъ было поцѣловать меня; но я смѣло сказалъ: лжете проклятые, я рабъ Господа моего Іисуса Христа. Вдругъ какъ полетѣли всѣ сквозь землю, и я остался одинъ и тутъ же проснулся и позналъ свое паденіе и плакахся о немъ.

126.

Потомъ я отправился въ Россію съ игуменомъ Евсигменскаго монастыря, чрезъ Солунь въ Константинополь. Прозимовавъ въ Константинополѣ на 1-й недѣлѣ великаго поста, пробылъ весь постъ на кораблѣ; такъ и не привелось было мнѣ поговѣть, исповѣдаться и причаститься св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Въ одну ночь, стоявъ мы кораблемъ въ Буюкдерѣ, я вижу во снѣ, что отецъ Іеронимъ Сербинъ, духовникъ русскимъ въ Константинополѣ, сдираетъ съ меня наросшую кожу, какъ овчину мохнатую; съ великимъ трудомъ онъ содралъ; содравъ, она спала, и мнѣ сдѣлалось весьма легко: кажись бы по-

летѣлъ; и такъ проснулся. Поутру немедленно отправился въ Константинополь и тамъ у отца Іеронима іеромонаха исповѣдался и причастился св. Таинъ. Совершенно почувствовалъ какую-то легость душевную и тѣлесную; тутъ и дѣла мои всѣ развязались, и денегъ Богъ послалъ на дорогу; я сѣлъ на пароходъ и въ 60 часовъ прибылъ въ Молдавію, въ городъ Галацы, а потомъ въ Яссы; здѣсь 2 юноши пожелали ѣхать со мной въ Россію; мои родители со всею радостію ихъ проводили, хотя мы всѣ плакали, но они насъ утѣшали, чтобы объ нихъ мы не скорбѣли, потому что, говорятъ, уже немного намъ осталось жить на свѣтѣ, какъ-нибудь доживемъ, а родительница уже была слѣпая; отъ многихъ слезъ въ жизни своей, и такъ простившись, отправились въ путь и въ путь далекій за пять тысячъ верстъ въ Сибирь до г. Томска; изъ Яссъ пошли пѣшіе, и верстъ 100 отошли. Перейдя границу въ Россію мои юнцы устали и заплакали, а наипаче малый; тутъ купили коня и польскую каруцу, колеса некованныя, втулокъ и поддосокъ не было, и наверху отъ дождя никакой защиты не было, и поѣхали какъ на пять верстъ. Всю дорогу на постоялые дворы не заѣзжали, но кормили и ночевали въ чистомъ полѣ или въ лѣсу: гдѣ есть вода, тамъ и квартира наша; какъ пріѣхали, одинъ коня выпрягать, другой за водой, а третій огонь разводить и варить обѣдъ; вотъ мы трое странниковъ ѣдемъ и сами не знаемъ куда въ дальнюю Сибирскую страну, которую мало и слышали; да и коня намъ Богъ далъ 4-го товарища, только онъ не могъ съ нами говорить, но всѣ наши рѣчи и слова понималъ, и не могли мы въ немъ узнать силы, ибо ни грязь, ни пески нигдѣ его не останавливали; кормили его прямо изъ торбы, ибо хрептуга не было.

Бывало, ребята оба какъ расплачутся, что куда мы ѣдемъ въ сторону самую холодную. Я имъ скажу: хотя сторона-то и холодная, да жить-то будемъ тепло. Переѣхали горы и хребты Уральскіе и пріѣхали въ г. Шадринскъ Пермской губ. Вотъ и денегъ у насъ не осталось

ни одной копѣйки, а ѣхать еще 1600 верстъ до Томска. Но какъ старецъ не велѣлъ ничего просить ни отъ кого, то я и долженъ былъ выѣхать изъ Шадрина съ 1-мъ рублемъ, ибо одинъ мой спутникъ здѣсь остался и заложилъ свои часы, давъ мнѣ руб. сереб., а самъ остался на чужой сторонѣ безъ копѣйки, но въ тотъ же день онъ послѣ насъ поступилъ къ хозяину, а мы выѣхали 14-го числа августа, подъ Успеніе Богородицы. Отъѣхали 27 верстъ и въ селѣ Маслянкѣ остановились ночевать у одного крестьянина и выпрягли коня. Хозяинъ вынесъ квасу и мы стали на повозкѣ ужинать: хлѣбъ съ квасомъ. Вотъ приходитъ одна женщина къ намъ и спрашиваетъ насъ, откуда и куда ѣдемъ? Мы ей сказали. Она начала насъ звать къ себѣ ночевать, что она успокоитъ насъ и коня. Но я отказался, говоря: мы уже теперь со двора ѣхать не можемъ, ибо намъ Господь это дѣлать не велѣлъ, но въ который домъ войти, тамъ и пребыть велѣлъ; а за утро, когда поѣдемъ въ путь, тогда ежели угодно можно заѣхать и къ тебѣ. Она осталась этимъ довольна. Мы, ночевавъ, поѣхали въ путь; вотъ та женщина выбѣжала изъ дому и взяла коня подъ узду и повела къ себѣ на дворъ, и выпрягла. Мы тутъ пообѣдали. Это старая дѣвица Татьяна Филиппьевна Уварова, истинная раба Божія, такъ насъ наградила, что намъ достало до самого Томска, еще 1 руб. сер. остался. Вотъ Господь какъ насъ не оставлялъ, хотя ни отъ кого ничего и не просили, по завѣщанію старца. Уже Сибирью поѣхали за обозомъ до самаго мѣста. Прибыли въ Томскъ 11 сентября 1847 года.

127.

Здѣсь настала моя жизнь въ другомъ родѣ. Проживъ въ Томскѣ 7 лѣтъ, на Томскѣ окончено было мое описаніе странствія и путешествія. Теперь уже буду писать все новое и все любопытное; здѣсь я все претерпѣлъ, что есть на свѣтѣ скорбнаго и непріятнаго; здѣсь же я былъ награжденъ и утѣшенъ тѣмъ, что есть въ мірѣ лучшаго

и пріятнаго. Охъ, значителенъ для меня Томскъ;—это былъ для меня котелъ, въ которомъ 7 лѣтъ Господь меня вываривалъ; съ одной стороны поливалъ на меня кипяткомъ, сѣрою, смолою и огнемъ, а съ другой—Господь изливалъ на меня масло и розовую воду и всякое утѣшеніе и всякія свои милости; наконецъ вышелъ вполнѣ увѣнчаннымъ; посрамишася всѣ врази мои видимые и невидимые. Каково было претерпѣть 10 мѣсяцевъ въ мірскихъ домахъ и почти главы негдѣ было подклонить и 7 лѣтъ ходилъ безъ монашества, почти мірскимъ и нигдѣ не быть причисленнымъ и ни къ какому званію не принадлежать, а ежеминутно быть угрожаему острогомъ и ссылкою; терпѣть клеветы, поношенія и укоры даже каждымъ кускомъ хлѣба упреками. Но все Господь Богъ помогъ перенести и претерпѣть; хотя безпрестанно сердце мое болѣло, но зато уже Господь и утѣшалъ, ибо милости и утѣшенія свои изливалъ на меня не каплями, но цѣлыми ведрами, наконецъ и увѣнчалъ полнотою радостей.

6 лѣтъ я сидѣлъ въ одной келіи, которая была три аршина длины и три аршина ширины; въ ней-то я написалъ 18 томовъ книгъ, пуда два вѣсу, все церковными буквами, въ числѣ коихъ и описанія моего странствія и путешествія и проч.; больше все списывалъ съ готовыхъ печатныхъ и рукописныхъ. Тысячъ до 2-хъ написалъ писемъ къ разнымъ лицамъ, ибо переписку имѣлъ очень большую.

Я буду писать все самую истину, и самыхъ благодѣтелей и друзей моихъ надобно оскорблять, но за то Господь Богъ да проститъ ихъ прегрѣшеніе, что сотворили противъ меня, ибо они это дѣлали по невѣдѣнію и по наущенію злыхъ людей, ибо они были люди, а не ангелы; зато намъ не надобно всякому слуху вѣрить и быть очень осторожному; но вотъ приступаю къ подробному описанію Томской моей жизни.

128.

11 го числа сентября окончилъ я 2-хъ лѣтнее мое путешествіе, назначенное мнѣ отъ старца моего, 12 тысячъ

верстъ, съ 12 рублями ассигнаціи начатое; еще остался отъ дороги 1 рубль.

Подъѣхали мы къ рѣкѣ Томѣ и увидѣли г. Томскъ, который 2 года былъ у меня на умѣ и предметѣ; увидѣвъ его, сердце мое забилось голубемъ, ово радующися, что оканчиваю дальній путь и 2-хъ лѣтнее путешествіе, ово отъ ужаса, что къ кому я пріѣду: нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ и гдѣ на первый разъ пріютиться, но все-таки думалъ, что съ окончаніемъ этого пути окончатся и скорби мои; но это не оправдалось, ибо скорби уѣхали въ Томскъ впередъ меня, на почтовыхъ, и дожидались меня въ Томскѣ. Переѣхавъ рѣку Томь на паромѣ, а до города еще версты 2 ѣхать по берегу рѣки, я говорю своему спутнику: вотъ слава Богу дальній путь кончаемъ, что̀ будетъ въ Томскѣ? Что же? конь какъ бы понялъ мои слова, началъ играть и радоваться и ушами безпрестанно водить и не знаетъ, что дѣлать, то бѣжать, то прыгать, то на дыбы хочетъ; мы, смотря на него, заплакали, что животное такъ обрадовалось окончанію пути, который ѣхали три мѣсяца все впередъ да и только. Но мое сердце обрадовалось и испугалось. Мы, въѣхавъ въ городъ, стали спрашивать, гдѣ постоялые дворы? намъ сказали, что настоящихъ постоялыхъ дворовъ нѣтъ, а становятся по знакомству. Вотъ первая стрѣла, что у меня знакомыхъ нѣтъ никого, то стало-быть никто и не приметъ ночевать; и точно: ѣздили, ѣздили, никто не принимаетъ. Вотъ въ Кіевѣ мы видѣли одного человѣка, купца Харлова, и едва отыскали его домъ, и его дочь насъ приняла; мы слава Богу ночевали первую ночь. Поутру полилъ сильный дождь, и сдѣлалась въ Томскѣ по колѣно грязь, но мы слава Богу пріѣхали еще по сухому пути. Я пошелъ въ полицію прописать паспортъ; придя на квартиру, хозяйка меня гонитъ со двора, хотя я и просилъ дня на три, но она была непреклонна.—Я пошелъ искать себѣ пріюта, но никто не принимаетъ; вотъ уже вечеромъ попадается мнѣ странникъ, я спросилъ его: есть ли здѣсь добрые люди, которые принимаютъ стран-

никовъ? Онъ сказалъ: есть довольно, но только всѣ заняты сборщиками и странниками, ибо наступила осень. Но, впрочемъ, пойдемъ къ одному поселенцу, онъ приметъ съ любовію, только очень тѣсновато у него. Пришли къ нему; точно, онъ радъ принять съ любовію, но только можно ночевать, а въ день негдѣ, потому что онъ снимаетъ маленькую лавочку для мелочной торговли; но я радъ и этому; того же вечера переѣхали къ нему, и я на послѣдній рубль купилъ овса коню и это скормилъ; потомъ повелъ его на базаръ продавать и дорогой говорю коню: вотъ пришло время намъ съ тобой разставаться и сегодня тебя продамъ. Что же, о чудо: конь заплакалъ и полились изъ глазъ слезы ручьями, даже мы, на него смотря, заплакали. Приведя его на базаръ, продали за 15 руб. сереб. одному человѣку. Что же, когда передали ему коня, то онъ ржалъ и оглядывался,—какъ бы не хочетъ отъ насъ разлучаться. Мнѣ этихъ денегъ достало на всѣ издержки въ полиціи, въ совѣтѣ и губернскомъ правленіи, а спутника своего отдалъ во служеніе къ хозяину. Я пошелъ къ преосвященному Аѳанасію, но его дома не было, ибо ѣздилъ по обширной всей епархіи и еще не будетъ его дома съ мѣсяцъ.

129.

Я, взявъ у губернатора годовой паспортъ для прожитія въ Томской губерніи, живу какъ странникъ, никого нѣтъ знакомаго и никого ни о чемъ не разспрашиваю. День какъ нибудь пробиваюсь, а ночь ночую въ лавочкѣ, а днемъ больше пребываю въ церкви. Но духовные особы меня узнали, а наипаче, которые близкіе ко владыкѣ и члены консисторіи и говорили за глаза: этотъ монахъ Аѳонскій видно пріѣхалъ здѣсь монастыри заводить, но едва ли ему здѣсь это удастся сдѣлать. Начали разглашать для меня непріятныя вѣсти и разныя сшивать клеветы и нелѣпости. Даже многажды мнѣ говорили въ глаза: поѣзжай отсюда, да и только. Но я все дожидался владыки.

Около 10 числа октября пріѣхалъ и владыка, но ему много уже на меня наговорили и противъ меня вооружили самые его приближенные. Потомъ я, избравъ время, пошелъ ко владыкѣ. Но онъ принялъ меня очень холодно, сказавъ: зачѣмъ пріѣхалъ сюда, поѣзжай отсюда. Я сказалъ: владыка святый, куда мнѣ еще ѣхать я и то ѣхалъ сюда 12-ть тысячъ верстъ. Онъ сказалъ: а когда не поѣдешь по волѣ, то по неволѣ поѣдешь; и такъ закричавши на меня, ушелъ. Я ходилъ къ нему много разъ, но уже не сталъ и принимать меня. Однажды онъ ходилъ по монастырю, я хотѣлъ было взять благословеніе, онъ скоро отъ меня пошелъ; я сказалъ: владыка святый хоть ты бѣгай, но отъ меня не убѣжишь: я твой, а ты мой. Потомъ онъ видя, что отъ меня не убѣгаетъ, сказалъ мнѣ: иди прими присягу на вѣрноподданство Россіи, тогда приму отъ тебя прошеніе, а иначе не приму. Я вижу, что хотя бы еще и скоро мнѣ принимать присягу, но дѣлать нечего, надобно. Въ губернское правленіе подалъ прошеніе, къ счастію на заграничномъ столѣ столоначальникъ тотъ самый, который у меня купилъ коня, и онъ скоро всѣ дѣла мои кончилъ. Принявъ присягу на вѣрноподданство Россіи, выдали мнѣ свидѣтельство для избранія рода жизни. Я подалъ немедленно прошеніе ко владыкѣ, чтобы принялъ въ свою епархію въ число монашествующихъ, а о постриженіи моемъ учинилъ бы справку въ Аѳонской горѣ, а до довершенія дѣла принялъ бы меня въ свой архіерейскій домъ; но владыка во всемъ отказалъ. Мнѣ было велѣно явиться въ консисторію, а гдѣ я присталъ на квартиру, хозяинъ уѣхалъ по дѣламъ и меня гонятъ вонъ.

Я, придя въ консисторію, вотъ всѣ члены выбѣжали ко мнѣ и секретарь,—всѣ на меня закричали: поѣзжай отсюда, а то сгноимъ тебя въ острогѣ. Я сказалъ: отцы, я отсюда не поѣду, а вы меня острогомъ не стращайте, мнѣ теперь несравненно хуже острога. Въ острогѣ я буду

имѣть теплую комнату и готовую пищу, а теперь я ничего не имѣю, ни квартиры, ни хлѣба.

Вотъ изъ консисторіи и отправили меня подъ стражею въ губернское правленіе. Я уже испугался и зашелъ на квартиру, сказавъ: что я иду едва ли не въ острогъ, то вы знайте гдѣ я. Придя въ губернское правленіе распечатали конвертъ. Предсѣдатель съ совѣтниками, прочитавъ бумагу, сказали: вотъ ищи любви-то въ насъ мірскихъ людяхъ, когда ея въ духовныхъ не бывало; неужели у нихъ нѣтъ ни одного умнаго человѣка. Зачѣмъ же они тебя прислали къ намъ, вѣдь бумаги отъ насъ тебѣ выданы. Когда они не могли тебя удовлетворить и рѣшить твоего дѣла, то они должны отнестись въ Святѣйшій Синодъ, а не къ намъ; а просто сказать, они не хотятъ тебя принять.

130.

Я спросилъ, что же мнѣ теперь дѣлать? Они сказали: приходи за утро, мы всѣ твои бумаги выдадимъ обратно; а дѣлай, что знаешь. Я на другой день, получивъ всѣ бумаги, горько заплакалъ, что я буду теперь дѣлать: квартиры нѣтъ, хлѣба нѣтъ и денегъ ни копѣйки.—Гдѣ я приставалъ въ домѣ, пріѣхали мужики изъ деревни; видя мою тѣсноту и бѣдность, очень сожалѣли обо мнѣ; одинъ сказалъ мнѣ: отче, тебѣ очень плохо жить, да и негдѣ—пріѣзжай ко мнѣ въ домъ, у меня есть особенныя комнаты и хлѣба довольно, я тебя упокою. Я, видя, что уже въ Томскѣ мнѣ очень тѣсно, пошелъ ко владыкѣ просить благословенія въ деревню. Онъ спросилъ: что тебѣ губернское правленіе сказало? Я сказалъ, что обратно выдало бумаги. Потомъ я отправился въ деревню за 150 верстъ, но въ Сибири это какъ дома, и точно, я ѣхалъ одну ночь; мужики на полупути немного покормили. Я пріѣхалъ; хозяева меня приняли очень ласково. Но изъ Томска посланъ былъ нарочно за мной благочинный, членъ консисторіи, взявъ засѣдателя и понятыхъ, въ полночь обсту-

пили домъ, въ которомъ я ночевалъ; взяли меня, какъ разбойника, однако не связали, и привезли въ волостное правленіе. Тутъ я отъ горя сердца моего сказалъ благочинному рѣчь, въ которой обличилъ его при публикѣ, всѣ увидѣли, что одна на меня злоба; сдѣлались всѣ до меня добры; потомъ на подводѣ отправили меня въ Томскъ въ земскій судъ; тамъ всѣ меня знали и немедленно выдали всѣ мнѣ бумаги; это было 22 декабря. Я, придя ко владыкѣ, сказалъ: Богъ съ тобой, владыка святый, что самъ ты меня не принялъ, да и нигдѣ мѣста не даешь. Онъ сказалъ: отецъ, прости меня, я истину тебѣ скажу, что я не зналъ, какъ благочинный уѣхалъ за тобою. Съ этого времени владыка сдѣлался ко мнѣ ласковѣе и добрѣе.

131.

Вотъ и другое Господь мнѣ приготовилъ утѣшеніе, ибо увидя меня одна странница, сказала: иди со мной, тебя желаютъ видѣть одни страннолюбцы и благодѣтели. Я пошелъ съ нею и пришли въ домъ къ мѣщанину Ѳеодору Ивановичу Головкову. Онъ и супруга его, Настасья Іосифовна, приняли меня и обласкали какъ родные, сказавъ мнѣ: мы багюшка наслышаны о тебѣ, что очень бѣдствуешь и не имѣешь себѣ пристанища, то мы тебя принимаемъ со всею любовію; вотъ тебѣ эта комната и живи сколько тебѣ будетъ угодно, хотя годъ, или болѣе, а о пищѣ и не имѣй попеченія, насъ Господь пропитаетъ. Я очень былъ этимъ благодѣяніемъ утѣшенъ и перебрался къ нимъ на квартиру; здѣсь то Господь немного меня успокоилъ, хотя не духомъ, но тѣломъ; совершенно меня упокоили. Спаси ихъ Господи.

132.

8 января 1848 года подалъ я прошеніе въ Святѣйшій Синодъ о принятіи меня въ монашество. Но владыка часъ отъ часу былъ ко мнѣ расположеннѣе. Послѣ каждой служ-

бы началъ меня звать къ себѣ угощать и показывать свою библіотеку и всѣ свои драгоцѣнности.

Но въ великомъ постѣ еще меня испытали. Былъ я у утрени въ Алексѣевскомъ монастырѣ, у дверей стоялъ квартальный; послѣ утрени я пошелъ на квартиру, а квартальный за мной. Идя мимо части, онъ позвалъ меня въ часть. Я завернулъ. Частный спросилъ: гдѣ я стою на квартирѣ? Я сказалъ; онъ посадилъ меня въ сани съ собою; пріѣхали на квартиру, всѣхъ испугали; частный забралъ всѣ мои вещи и бумаги и привезъ меня въ часть. Оставя меня въ части, самъ уѣхалъ. Чрезъ часъ пріѣхалъ и приказалъ взять вещи и бумаги и итти на квартиру. Я спросилъ: что значитъ это? Онъ сказалъ: все клевета вашихъ духовныхъ. Это уже послѣдняя была попытка.

133.

Уже на Пасхѣ и послѣ Пасхи владыка совершенно ко мнѣ расположился и началъ всѣмъ меня награждать; просфоры, приносимыя ему 3: изъ собора, монастыря и домовой церкви, всѣ отдавалъ мнѣ и часовъ по 6-ти со мной разговаривалъ;—меня обо всемъ распрашивалъ. Однажды спросилъ: а что ты не имѣешь ли чего для памяти записаннаго? Я сказалъ: есть у меня маленькая тетрадка, гдѣ я записывалъ кое-что въ Іерусалимѣ, гдѣ чернилами, гдѣ карандашемъ, гдѣ по уставу, гдѣ скорописью. Онъ велѣлъ мнѣ ее принести. Я принесъ. Онъ, прочитавъ, очень полюбилъ и приказалъ одному священнику переписать; тотъ переписалъ, да кое-что поправилъ со славянскаго на русскій слогъ. Владыка на это оскорбился, а мнѣ началъ говорить, чтобы я еще этимъ занялся и кое-чтоописалъ подробнѣе и побольше; но я отказывался невозможностію упомнить мѣста, и не имѣю мѣста, гдѣ писать, и тягостію скорбей. Онъ хотя и ежедневно объ этомъ напоминалъ, но все еще слегка. Потомъ часъ отъ часу началъ болѣе и болѣе принуждать.

Сообщилъ Архимандритъ Никонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ИГУМЕНА

ПАРѲЕНІЯ.*)

134.

Подъ 28 апрѣля 1848 года видѣлъ я во снѣ своего родителя, что онъ якобы собрался въ дальній путь и я съ нимъ прощался и горько плакалъ. Онъ меня благословилъ, сказавъ: прости меня любезный мой сынъ; чѣмъ-нибудь я иногда тебя и оскорбилъ и я тебя во всемъ прощаю и вѣчно благословляю, ибо я иду въ невозвратный путь; мы уже больше не увидимся.—Я, проснувшись, горько плакалъ дня 3 и записалъ этотъ день. Въ сентябрѣ получилъ письмо отъ зятя изъ Молдавіи, что точно въ самую ночь эту, подъ 28 апрѣля, онъ скончался.

Того же 1848 года подъ 23 мая, подъ седьмую недѣлю по Пасхѣ, послѣ всенощной спалъ я на квартирѣ своей на постели и вижу во снѣ, что пришла къ одру моему возлюбленная моя мати. Павъ на лице мое, стала говорить мнѣ слѣдующее: возлюбленное мое чадо, отецъ Парѳеній, вотъ пришелъ мнѣ часъ отъити отъ міра сего, я пришла тебя посѣтить и благословить, вотъ я тебя прощаю и благословляю моимъ родительскимъ благословені-

*) Продолженіе. См. ноябрьскую кн. *Душепол. Чтенія.* 1899 г.

емъ. Я же моими руками ея обнялъ и прижалъ къ себѣ сколь силъ моихъ было. Она же сказала мнѣ: за симъ прости меня ради Христа, уже мнѣ время итти, и я отпустилъ ее изъ рукъ моихъ; она пошла отъ меня; я тутъ же пробудихся отъ сна; такъ же я дня 3 плакалъ—льются слезы да и только. Въ прежде упомянутомъ письмѣ было сказано, что въ самую эту ночь она скончалась; ибо я записалъ это число и мѣсяцъ.

Хотя намъ снамъ вѣрить и ненадобно, но нѣкоторые съ разсужденіемъ старцевъ, и отвергать не надо.

135.

Но на прошеніе въ Св. Синодъ мнѣ отвѣта никакого не послѣдовало. Того же 1848 года 21 іюля ходили мы со владыкой по саду много часовъ. Онъ привелъ меня подъ свой домъ, въ нижній этажъ, въ одну келію, спросивъ меня: а что отецъ Парѳеній, хороша ли эта келія? Я отвѣтилъ: хороша, владыка, да не моя. Онъ сказалъ: а какъ будетъ твоя? Я сказалъ: уже когда вы сначала меня отвергали, а теперь уже невозможно этого. Онъ сказалъ: такъ вотъ на зло сдѣлаю, что будетъ твоя, а самъ улыбается. Потомъ сказалъ: я тебѣ говорю правду—иди съ Богомъ—перебирайся въ эту келію. Я сказалъ: уже сегодня поздно, до утра надобно потерпѣть. Что же? Консисторія узнала, что владыка хочетъ меня принять въ домъ свой; испугавшись, всѣ прибѣжали ко владыкѣ и всячески стали его уговаривать и стращать, чтобъ не принималъ.

Поутру я пришелъ къ литургіи; владыка, увидѣвъ меня, позвалъ къ себѣ и сказалъ: погоди перебираться въ келію, а напиши ко мнѣ прошеніе на простой бумагѣ и подай мнѣ. Я пошелъ, написалъ и подалъ. Онъ же сказалъ: теперь иди съ Богомъ, перебирайся; я твоимъ недоброжелателямъ уста заграждy.

136.

На прошеніи надписалъ: спросить губернское правленіе не имѣетъ ли препятствій Аѳонскій монахъ Парѳеній про-

живать при архіерейскомъ домѣ, до рѣшенія дѣла его. Губернское правленіе отписало, что никакого съ ихъ стороны препятствія нѣтъ. Я перебрался ко владыкѣ въ домъ 22 іюля; съ этого времени владыка сталъ мнѣ совершенный отецъ; ежедневно началъ дѣлать меня соучастникомъ своей трапезы и большую часть времени провождать со мной въ бесѣдахъ. Вотъ здѣсь-то совершенно напалъ на меня: пиши свое путешествіе, да и только. Сколько я ни отзывался, сколько ни плакалъ, что не могу этого дѣла начать; онъ сказалъ: ежели ты не будешь писать, то навсегда останешься несчастнымъ человѣкомъ. Я приду въ келію, возьму перо и сижу надъ бумагой часа два, не зная, что писать и съ чего начать; плачу и прошу Господа вразумить меня. Владыка позоветъ къ себѣ, спроситъ: а что, началъ ли писать? Я скажу—нѣтъ. Такимъ образомъ у насъ споръ на долгое время.

Наконецъ онъ употребилъ одно средство еще: однажды послѣ литургіи позвалъ къ себѣ и спросилъ: что началъ ли писать? Я сказалъ—нѣтъ. Онъ, больше ничего не говоря, обѣими руками благословилъ меня и сказалъ: иди пиши, Богъ тебѣ откроетъ, что писать, а безъ того уже больше ко мнѣ и не ходи. Я заплакалъ и пошелъ. Придя въ келію, довольно поплакалъ и взялъ перо; посидѣлъ съ часъ и протеръ слезы; вдругъ мнѣ блеснуло въ умѣ, какъ мы начали собираться въ Аѳонскую гору, и я началъ это писать,—начало 2-й части,—что же? о! чудесе: сдѣлалась въ умѣ моемъ какая-то свобода и чистота; я все сталъ какъ бы видѣть, слышать самыя тогдашнія событія и слова. Написалъ двѣ страницы церковными буквами до вечера. Вечеромъ владыка позвалъ меня къ себѣ, и я взялъ свою тетрадь. Онъ спросилъ: что началъ ли писать? Я отдалъ ему тетрадь и сказалъ: за ваши владыка святыя молитвы и благословеніе очень хорошо началъ. Онъ, прочитавъ, съ радости не знаетъ какъ восхвалить меня. Съ этого уже дня писалъ я до окончанія очень свободно, даже никогда ни на одну минуту не было остановки; но пишу какъ бы съ готовой книги.

137.

Владыка уѣхалъ по епархіи на 3 мѣсяца, а меня оставилъ одного; вотъ тутъ-то мнѣ былъ крестъ. Только бы могли изыскать какія средства меня оскорбить, тѣ всѣ были употреблены; потому что экономъ архіерейскаго дома первый мой былъ гонитель, а теперь остался я подъ полнымъ его надзоромъ, даже каждымъ кускомъ хлѣба меня упрекали, и я не сталъ ходить въ трапезу. Наконецъ дождался своего отца и благодѣтеля; онъ только подъѣхалъ къ заставѣ и спросилъ одного знакомаго купца: живъ ли отецъ Парѳеній, ибо ѣздилъ 3 мѣсяца. Пріѣхавъ благословилъ меня, со слезами на глазахъ; пожалъ мою руку и спросилъ: что не обижали ли тебя безъ меня? Я сказалъ: нѣтъ. Но онъ стороной узналъ все, какъ со мною поступали и далъ хорошій экономy нагонъ. Однажды сказалъ мнѣ при публикѣ: отцу Парѳенію все хорошо и всѣ добрые люди, хотя бы былъ по уши въ смолѣ кипячей, и все говоритъ, что самая пріятная вода. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ первыхъ числахъ, вдругъ требуютъ меня въ полицію; я немного было испугался, подумалъ — еще чего консисторія не придумала ли, но однако это послужило къ моему счастію. Я прихожу, секретарь говоритъ мнѣ: губернаторъ требуетъ отъ тебя показаніе подробное: гдѣ родился, гдѣ проживалъ и гдѣ постригался въ монахи. Я спросилъ: здѣсь это напишите, или я у себя дома напишу? Онъ велѣлъ написать дома. Я написалъ и на другой день снесъ въ полицію. Больше никакого не было слуху, что это такое; уже черезъ 7 мѣсяцевъ узнали, какую губернаторъ сдѣлалъ для меня милость.

Но какъ владыка заставилъ меня писать путешествіе мое, меня началъ смущать помыслъ, что я это началъ дѣло, угодно ли оно Богу, ибо напишешь перомъ, то послѣ не вырубишь топоромъ—пословица есть. Какъ бы оно не послужило во вредъ душамъ человѣческимъ, хотя владыка

и приневолилъ меня писать, но мнѣ неизвѣстно—угодно ли это Богу. Этотъ помыслъ очень меня сталъ угнетать, такъ что и владыка замѣтилъ и спросилъ меня: что ты отецъ Парѳеній, или нездоровъ, что ты не веселъ и очень похудѣлъ, скажи мнѣ? Я ему отвѣтилъ: я слава Богу здоровъ и болѣзни никакой не имѣю.

138.

Но какъ я уже былъ болѣе 10-ти лѣтъ глухъ, то владыка часто говоритъ что-нибудь потише; я не дослушаю и молчу—владыка спроситъ: что же ты молчишь или не слышишь? Я отвѣчу: не дослышу. Онъ скажетъ: какой бы ты человѣкъ хорошій, но очень трудно съ тобою говорить, все кричи. Это тяжко для меня.

Однажды пошелъ я на базаръ, зашелъ въ лавку, гдѣ продаютъ иконы; я увидѣлъ икону Иверской Божіей Матери, Аѳонской вратницы, и то чудно, что во Аѳонѣ и работана, съ греческими подписями,—хотя и на бумагѣ, но я очень ей обрадовался; тутъ взялъ ее и принесъ домой. Это было 12 ноября. Потомъ 14 ноября 1848 года Господь меня утѣшилъ великою радостію въ самый день моего рожденія: поутру до литургіи ежедневно я писалъ свое путешествіе, вотъ пишу и на икону Божіей Матери посматриваю; что же, вдругъ, что-то въ лѣвомъ ухѣ у меня очень лопнуло, я удивился этому: что же вдругъ сталъ слышать, какъ перо пишетъ по бумагѣ. Я попробовалъ пальцемъ—слышу, и даже не вѣрю самъ себѣ. Я всталъ, началъ ходить—слышу свои шаги, слышу выше меня шевелится владыка, а за стѣной письмоводитель. Я жилъ болѣе 3-хъ мѣсяцевъ и ничего не слыхалъ, полагая, что все капитальныя стѣны и что живу одинъ одинехонекъ. Потомъ ударили къ литургіи, я слышу мой сосѣдъ попрежнему постучалъ въ стѣну, чтобы я шелъ къ литургіи, но я самъ прежде уже его услышалъ. Я пошелъ въ церковь. Когда вышелъ на дворъ, то показался мнѣ другой свѣтъ, ибо слышу по городу шумъ, крикъ животныхъ

и людей; я стоялъ не знаю гдѣ, ибо 10 лѣтъ 6-ть мѣсяцевъ и 20-ть дней уже не слыхалъ хорошо. Потомъ, вшедши въ церковь, еще показалось чуднѣе: поютъ очень громко и повсюду шумъ, а у меня слезы ключами отъ радости; и благодарилъ Господа, что такое излилъ на меня благодѣяніе. Вспомнилъ слова старца моего Арсенія. Когда еще во Аѳонѣ 1845 года говорилъ ему: какъ же ты, отче, посылаешь меня такого калѣку глухого? онъ мнѣ сказалъ: это дѣло Божіе, ежели угодно будетъ Богу, то и слышать будешь. Послѣ литургіи я зашелъ ко владыкѣ и сказалъ: владыка святый, поздравь меня съ радостію. Онъ спросилъ: съ какою, развѣ ты получилъ какую вѣсть о дѣлахъ своихъ? Я сказалъ: нѣтъ, я слуху о дѣлахъ не получалъ, но получилъ собственно слухъ, ибо одно ухо у меня проткнулось, и я теперь слышу очень хорошо; теперь, какъ хотите, тихо говорите, я слышу. Онъ, удивившись, началъ говорить со мной потихоньку. Мы оба много радовались и прославляли Господа Бога, творящаго дивная чудеса и протыющаго уши глухимъ. — Это утѣшеніе я принялъ отъ Бога за самое извѣщеніе, что труды мои, которые заставилъ меня трудиться владыка, пріятны Господу Богу, и сердце мое сдѣлалось очень покойно и съ радостію началъ продолжать свое послушаніе.

139.

1849 года въ январѣ мѣсяцѣ скончался мой благодѣтель Ѳеодоръ Ивановичъ Головковъ; причастившись св. Таинъ и исповѣдавшись въ полной памяти, часа за 3 до смерти, масломъ пособоровшись, и отходную духовный отецъ прочиталъ,—и отлетѣла душа его ко Господу. Самъ владыка въ соборѣ,—никто его не просилъ и онъ никому не сказалъ,—самъ назначилъ служить литургію и самъ отпѣвалъ погребеніе,—самъ сказалъ надгробное слово, въ которомъ ублажилъ покойнаго и вкратцѣ объяснилъ его добродѣтели; но какъ самъ не могъ говорить отъ слезъ, такъ и весь народъ,— который почти не вмѣстилъ со-

боръ,—рыдалъ, а наипаче всѣ бѣдные и странствующіе, то и я теперь не могу все передать. Владыка по своему обыкновенію говорилъ безъ приготовленія—наизусть, но однако нѣсколько словъ остались у меня въ памяти. Вышелъ онъ на амвонъ, перекрестился и протеръ слезы на глазахъ и началъ говорить слѣдующее:

140.

Во имя Отца, и Сына, и Сына и Святаго Духа, аминь. Что это здѣсь въ соборѣ стоитъ за гробъ? И гробъ, какъ видится, должно быть самаго бѣднаго человѣка, потому что онъ ничѣмъ не раскрашенный и не покрытый златотканными покрывалами, какъ здѣсь есть обычай покрывать, и даже по обычаю здѣшнему по пути и не набросано вѣтвей пихтовыхъ; это явно означаетъ бѣдность умершаго. Гробъ его сдѣланъ изъ простыхъ досокъ, покрытъ онъ простымъ церковнымъ покрываломъ, это все ясно показываетъ, что онъ былъ человѣкъ не богатый, да и вамъ извѣстно, что онъ былъ человѣкъ не богатый; такъ точно видно онъ не заботился о томъ, чтобъ собрать больше денегъ и оставить послѣ себя, и заготовить себѣ богато убранный гробъ. Но стало-быть онъ больше старался о томъ, чтобы и послѣднюю свою копѣйку, которую онъ добывалъ своими трудами, предпослать къ Богу, чрезъ посредство ближнихъ—странствующихъ, бѣдныхъ и нищихъ, которыхъ онъ ежедневно сотни пропитывалъ; это я не похваляю умершаго какъ это свойственно льстецамъ, но говорю истинную правду, что единогласно скажетъ весь Томскъ; но что я говорю Томскъ, а вся обширная Сибирь, и даже въ Россіи тысячи объ этомъ знаютъ, ибо вы спросите странника, и сборщика, и богомольца, который бывалъ въ Томскѣ: гдѣ онъ стоялъ и имѣлъ пріютъ въ Томскѣ? Всѣ единогласно скажутъ: у Ѳеодора Ивановича Головкова.

Почему же, когда онъ бѣдный былъ человѣкъ, и я самъ отпѣлъ по немъ погребеніе? Потому, что добродѣтели его

меня заставили, и даже вы сами къ тому понудили, потому что я знаю, какъ онъ былъ человѣкъ бѣдный, но вы мои дѣти всѣ богатые и бѣдные съѣхались и сошлись на его погребеніе, и мало того, что сошлись въ такое холодное время, что и сей великій храмъ едва вмѣстилъ васъ; но всѣ вы, какъ я самъ вижу, плачете и рыдаете объ разлукѣ со умершимъ. Много я здѣсь погребалъ богатыхъ и славныхъ, но ни на одномъ погребеніи не было такого собранія народа, и не по одномъ такъ не плакали, какъ вы всѣ плачете объ этомъ блаженномъ рабѣ Божіемъ Ѳеодорѣ; да, и должно плакать и плакать горько, потому что лишились мы собрата и согражданина, чрезъ добродѣтели и молитвы котораго, можетъ быть, спасался весь градъ отъ гнѣва Божія и отъ наказанія. Вотъ были новые наши Томскіе Авраамъ и Сарра, но Авраамъ и Сарра были богатые, а эти наши были бѣдные, но домъ и нашихъ страннолюбцевъ былъ отверстъ всѣмъ странствующимъ и бѣднымъ. Но вотъ Авраамъ скончался, а Сарра осталась, не имѣющая никакихъ средствъ уже упокоить странствующихъ, а развѣ впослѣдствіи возстанетъ Исаакъ и наслѣдуетъ добродѣтели отца своего; но теперь не предвидится въ Томскѣ преемника и наслѣдника его добродѣтелямъ; но отчаяваться не могу; можетъ быть Господь и отъ камени воздвигнетъ чада Аврааму.

Но скажу и о смиреніи сего блаженнаго усопшаго раба Божія: я ежедневно слышалъ отъ всѣхъ сборщиковъ и сборщицъ и странниковъ, кого ни спросишь: гдѣ остановились на квартирѣ? Всѣ говорятъ: у Головкова.—Вотъ и я пожелалъ его видѣть и съ нимъ познакомиться: но онъ отказался отъ этого, сказавъ: гдѣ мнѣ съ архіереемъ знакомиться, я принимаю странныхъ не ради того, чтобы прославляться, но ради Бога.

Онъ всегда въ числѣ прочихъ принималъ отъ меня благословеніе, но я его зналъ и любилъ сердечно, и за самое его смиреніе еще болѣе полюбилъ; онъ ни одной службы не пропускалъ, чтобы не быть ему, и я уже зналъ его мѣсто, гдѣ онъ становится.

Но и кончина его была самая христіанская, желалъ бы я, чтобы всѣмъ намъ была такая; да сподобитъ его Господь Богъ своего небеснаго царствія.

О! Рабе Божій Ѳеодоре, аще будешь имѣть дерзновеніе у Царя небеснаго, то и насъ не забудь своимъ ходатайствомъ у престола Божія. Аминь.

Это я здѣсь помѣстилъ малую часть.

141.

Здѣсь я скажу нѣсколько словъ о жизни сего странноюбца раба Божія Ѳеодора Ивановича Головкова. Уроженецъ былъ города Тюмени Тобольской губ., но жизнь свою проводилъ въ Томскѣ, ибо служилъ у хозяевъ, занимался письмоводствомъ; состоянія большаго не имѣлъ, но имѣлъ свой домъ и жену Настасью Іосифовну, добродѣтелями превозшедшую и мужа своего; имѣлъ дѣтей 6-ть человѣкъ, три сына и три дщери; средняя теперь монахиня Сусанна, въ Иркутскомъ Знаменскомъ монастырѣ, казначея, а прочія всѣ въ супружествѣ.

Но страннолюбіе ихъ было неограниченное; я жилъ самъ у нихъ въ домѣ 8 мѣсяцевъ; ежедневно у нихъ полонъ дворъ повозокъ и домъ—странниковъ и сборщиковъ и сборщицъ: въ одной половинѣ дома мужчины, а въ другой—женщины, и не такъ упокоятъ какъ бы привелось, но всегда съ приготовленіемъ, трижды въ день поятъ чаемъ, и рыба, и пироги; еще кромѣ странниковъ и нищихъ всѣхъ кормятъ обѣдомъ; но были очень не богатые, такъ что жалованья едва доставало, даже безпрестанно бывалъ долженъ за съѣстные припасы. Уже бывало узнаешь, когда онъ получитъ жалованье: первымъ долгомъ купитъ свѣчъ бѣлаго воску рублевыхъ и наставитъ у иконъ по всѣмъ комнатамъ, уже видно, что хозяинъ получилъ жалованье. Но церковной службы, только бы ему позволило время, никогда не оставлялъ и очень любилъ хорошее пѣніе, завсегда бывалъ тамъ, гдѣ служитъ владыка и поютъ пѣвчіе. При мнѣ случились у нихъ въ домѣ боль-

шіе недостатки, такъ что жена его не вынесла и сказала ему: вотъ мы до какого дошли состоянія, что если ты помрешь, то нечѣмъ и похоронить будетъ. Онъ какъ бы пророчественно ей сказалъ: глупая, глупая, меня такъ будутъ погребать, что весь градъ сойдется на погребеніе и самъ владыка будетъ отпѣвать. Что же, по его предсказанію и случилось.—А по смерти его, жена его уѣхала въ монастырь въ Иркутскъ, къ дочери, и уже пострижена теперь въ монахини; а въ домѣ остался средній сынъ съ семействомъ, и такъ же принимаетъ странныхъ и даже послѣднюю копѣйку дѣлитъ съ нищими.

142.

Въ одно время владыка приходитъ ко мнѣ въ келію и приноситъ книгу Библію; и уже дома подписалъ и печать приложилъ и ею благословляетъ меня, говоря: вотъ благословляю тебя этой книгой и книгою матерью всѣхъ книгъ, а когда мать-то къ тебѣ заберется, то она тебѣ полную келію натаскаетъ дѣтей; и вотъ его слова сбылись, ибо въ теченіе 6-ти лѣтъ уже у меня въ келіи пройти нельзя,—вся книгами завалена.

Писалъ я книги своего путешествія съ большою скорбію: ночь читалъ псалтирь, сорокоусты за упокой, и на эти деньги покупалъ бумагу, свѣчи, чернила и перья, и одежду, и восковыя свѣчи, и ладанъ, а владыка ничего не давалъ. Но когда я окончилъ и переплелъ самъ и принесъ владыкѣ,—онъ принялъ очень пріятно и вынесъ мнѣ денегъ 20 руб. сер. Я говорю ему: на что же ты мнѣ теперь даешь денегъ, когда онѣ уже не нужны; ты бы тогда далъ, когда я писалъ книги, тогда онѣ точно были нужны. Онъ, улыбаясь, сказалъ: я все дожидалъ, что отецъ Парѳеній не попроситъ ли денегъ, и этимъ тебя и искушалъ, однако ты все-таки меня пересилилъ.—Потомъ онъ мнѣ вдругъ выписалъ за 6-ть лѣтъ творенія св. отцевъ. Прочитавъ мои путешествія, заставилъ еще переписать на бѣло.—Я еще сидѣлъ годъ переписывалъ, но съ неболь-

шой прибавкой; а владыка какъ началъ мнѣ выписывать книгъ, только успѣвай благодарить; началъ давать денегъ на бумагу, свѣчи и на все, чего уже и ненужно. Но сколько владыка сдѣлался добръ, столько часъ отъ часу подымалась на меня зависть и разныя пустыя клеветы и доводили до владыки; но онъ лучше ихъ зналъ меня и не вѣрилъ никому ничего.

143.

1849 года іюня 29 въ праздникъ св. апостолъ Петра и Павла, въ соборѣ теплый придѣлъ, то владыка служилъ въ соборѣ, а я стоялъ литургію у себя въ домовой церкви, и послѣ литургіи пришелъ къ себѣ въ келію; только мой сосѣдъ, письмоводитель, позвалъ меня къ себѣ и сказалъ; отче Парѳеній, поздравляю тебя съ радостію. Я спросилъ: съ какою радостію? Онъ сказалъ: пришли о тебѣ бумаги изъ Аѳонской горы, всѣ въ твою пользу. Я спросилъ: почему же ты это узналъ и кто сказалъ? Онъ, показывая на гостя своего, сказалъ: вотъ этотъ человѣкъ сказалъ, потому что онъ служитъ у губернатора калистраторомъ, то вчера только получилъ. Я началъ спрашивать: кто же это требовалъ и писалъ въ Аѳонскую гору, и что мнѣ прислано? Калистраторъ говоритъ: это губернаторъ сдѣлалъ, когда прошлаго года отбирали подробное показаніе, то онъ по оному и спросилъ Аѳонскую гору, твоего игумена Герасима. Отъ игумена прислано свидѣтельство о твоемъ мѣсторожденіи, постриженіи, поведеніи, о проживаніи во Аѳонѣ и о путешествіи во Іерусалимъ, Россію и Сибирь. Это шло чрезъ Константинопольскаго патріарха, русское посольство, чрезъ азіатскій департаментъ,—было писано по-гречески, но въ департаментѣ перевели на русскій языкъ и прислали къ губернатору. Я, слыша такую неожиданную радость, благодарилъ Господа и много отъ радости плакалъ. Потомъ пріѣхалъ изъ собора и владыка, я тутъ же пошелъ къ нему и сказалъ ему мою радость. Онъ же прежде не повѣрилъ,

потомъ позвалъ письмоводителя и распросилъ его и тутъ же послалъ его въ совѣтъ взять дѣло—съ казакомъ только посмотрѣть, а самъ сѣлъ обѣдать, приглашая и меня. Но я отказался. Немного спустя опять зоветъ меня къ себѣ; я пришелъ, владыка держитъ бумаги въ рукахъ, а экономъ сидитъ. Вотъ владыка началъ читать, а самъ не можетъ отъ слезъ выговаривать, читая все взглядывалъ на эконома, а экономъ сидитъ ни живъ, ни мертвъ. Владыка сказалъ мнѣ: вотъ теперь, отецъ П., молись Богу,—твое дѣло пойдетъ въ ходъ.

Дѣло мое ходило изъ Томска до Аѳонской горы и обратно только 7 мѣсяцевъ. Потомъ владыка 1 іюля отправился обозрѣвать епархію и пріѣхалъ уже черезъ 3 мѣсяца, спросивъ меня о дѣлѣ. Я сказалъ, что всѣ дѣла изъ губернскаго правленія переданы въ консисторію. Онъ приказалъ эконому и секретарю дѣлать докладъ въ Святѣйшій Синодъ. Но консисторія сдѣлала докладъ только оставить дѣло къ свѣдѣнію, потому что я подалъ прошеніе въ Синодъ. Но владыка обратилъ дѣло обратно, съ надписаніемъ сдѣлать докладъ для представленія въ Синодъ. Но консисторія опять также написала—къ свѣдѣнію; тогда владыка на нихъ уже оскорбился и, прочитавъ мнѣ дѣло, сказалъ: вотъ какъ тебя любитъ консисторія. Я отвѣтилъ: владыка святый, мнѣ уже давно извѣстно, какъ она любитъ меня, еще сначала и васъ противъ меня вооружала и дѣла мои всѣ запутала, такъ что теперь уже трудно и поправить. Онъ сказалъ: такъ не будетъ же по ихъ, а я сдѣлаю по своему, и написалъ на докладѣ строго, наказавъ секретарю словами: чтобы сдѣлать докладъ въ Синодъ. Что же? консисторія опять сдѣлала по своему, только къ свѣдѣнію. Тогда уже владыка оскорбился и призвалъ всѣхъ членовъ и секретаря, 2-хъ архимандритовъ, 2-хъ протоіереевъ, и секретаря, и поставилъ всѣхъ рядомъ и меня позвалъ. Началъ имъ говорить великолѣпно и серьезно,—вотъ показалъ свой великій санъ и власть, такъ что всѣ затрепетали: слышите вы, члены консисторіи, я вамъ буду

говорить по-русски, да слушайте же: сдѣлайте объ отцѣ Парѳеніи докладъ въ Святѣйшій Синодъ; слышите, что я вамъ говорю—сдѣлать докладъ въ Синодъ, да слышите что ли, я вамъ говорю; а то дуну, такъ ни одинъ не усидитъ. Они всѣ пали на колѣни и сказали: слушаемъ и сдѣлаемъ все, что вамъ угодно. Владыка сказалъ: ступайте, дѣлайте. Что же, къ вечеру все изготовили и принесли ко владыкѣ. Владыка еще сдѣлалъ прибавленіе отъ себя, — поллиста написалъ въ Синодъ: восхвалилъ меня, выше моего недостоинства, и что согласенъ съ любовію принять въ свою епархію. Призвавъ меня, прочиталъ мнѣ. Я сказалъ, залившись весь слезами: владыка святый! я даже недостоинъ такихъ вашихъ отеческихъ милостей. Онъ сказалъ: молись Богу, авось Господь поможетъ намъ опять твое дѣло оживить и свое первое прегрѣшеніе загладить; теперь надо ожидать рѣшенія въ великомъ постѣ. Но его слова не оправдались на дѣлѣ, ибо когда засушили корень, то уже трудно приняться вѣтвямъ. Прошелъ постъ, и прошло лѣто, а отвѣта никакого не было.

Сообщилъ Архимандритъ Никонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ
ИГУМЕНА
ПАРѲЕНІЯ.*)

144.

Вотъ еще надобно мнѣ было вкусить испытаніе, которое едва ли не труднѣе первыхъ; такое испытаніе, что чуть я могъ перенести, только еще Господь подкрѣпилъ меня, а испытаніе слѣдующее:

Въ 1850 году послѣдовала ревизія, а мое дѣло въ Синодѣ еще было не кончено; враги мои этимъ восторжествовали, склонивъ на это и владыку, чтобы меня выключить вовсе изъ монашескаго званія и упрятать въ податное состояніе. Напали на меня всѣ: консисторія и владыка—подавай въ податное сословіе, да и только; до того довели, что едва со мной не случилось удара, ибо цѣлую недѣлю не давали мнѣ покоя день и ночь; но я, устоявъ противъ всѣхъ этихъ бурь, — имъ послѣдній сказалъ отвѣтъ: воля ваша, хотя сейчасъ отправляйте меня въ острогъ, буду тамъ сидѣть и дожидаться окончанія моего дѣла, но я все-таки монахъ, не отрекусь никогда своего званія и

*) Составляя продолженіе (См. декабрьскую кн. *Душепол. Чтенія.* 1899 г.), настоящая статья совершенно понятна и для тѣхъ, кто не читалъ предыдущихъ главъ (около $12^1/_2$ печатныхъ листовъ).

чина и не пойду въ податное состояніе; ежели я не угоденъ въ россійское монашество, то пусть отпустятъ меня въ свой монастырь во святую гору Аѳонскую. Послѣ этихъ словъ владыка умилостивился и обратился опять ко мнѣ сердцемъ. Это уже послѣдняя была попытка меня притѣснить.

145.

1851-го года еще 2-ое я подалъ прошеніе въ Святѣйшій Синодъ, но и на это отвѣта не было, и такъ всѣ мои прошенія остались безъ рѣшенія и безъ всякаго успѣха. Писалъ я письма къ разнымъ лицамъ, просилъ помощи принять участіе въ моихъ дѣлахъ, но всѣ умолчали, и оставили меня одного скорбѣть и терпѣть скорби. Многіе люди—господа и купцы, ѣздившіе въ С.-Петербургъ, обѣщались за меня похлопотать, но всѣ ничего не могли даже и узнать о моемъ дѣлѣ.

Наконецъ въ 1851 году въ іюлѣ мѣсяцѣ обратился я письмомъ къ его высокопреосвященству Нилу, архіепископу Иркутскому и Нерчинскому, и просилъ его ходатайства и покровительства; вотъ прилагаю письмо подлинникомъ.

146.

Его высокопреосвященству великому господину высокопреосвященнѣйшему Нилу архіепископу Иркутскому, Якутскому и Нерчинскому и разныхъ орденовъ кавалеру.

Отъ инока святыя горы Аѳонскія, странствующаго Парѳенія, урожденца Молдавскаго, смиренная епистолія.

Ваше высокопреосвященство всемилостивѣйшій архипастырь, припадая къ стопамъ ногъ вашихъ, со слезами прошу вашего архипастырскаго благословенія и заочно цѣлую властныя ваши руцѣ.

Всемилостивѣйшій архипастырь! Хощу я, паче всѣхъ человѣкъ непотребнѣйшій, обезпокоить ваше высокопреосвященство симъ моимъ посланіемъ; но прихожу въ трепетъ и ужасъ, дабы не оскорбить вашу святыню, но воз-

ложивши всю свою надежду на Господа Бога и ваши архипастырскія милости, и покройте мое невѣжество своимъ благоразуміемъ. Но прежде скажу я вамъ о себѣ, кто я такой и какъ попалъ въ сію Сибирскую страну и какія причины понудили меня обезпокоить васъ и написать вашему высокопреосвященству сію епистолію.

Родился я въ Молдавскомъ княжествѣ, отъ родителей великороссійскаго происхожденія, но расколомъ зараженныхъ; чрезъ что и наши прародители и отлучились своего отечества — Россіи, секты поповщинской — въ чемъ я и воспитанъ. Но я съ самыхъ юныхъ лѣтъ разсмотрѣлъ суету и непостоянство маловременной втой жизни и захотѣлъ съ самой юности посвятить жизнь свою на службу Единому Истинному Господу Богу моему, во святой Троицѣ славимому, и работать Ему во иноческомъ чинѣ, и въ самыхъ юныхъ лѣтахъ оставилъ я домъ, родителей и все, что было, и пошелъ во слѣдъ Господа моего Іисуса Христа. Прежде странствовалъ по Россіи, ко святымъ мощамъ и по монастырямъ, а наиболѣе по раскольническимъ, но не могъ найти себѣ мѣста по совѣсти, паки возвратился въ Молдавію, и препроводивши свою жизнь до 30 лѣтъ въ разныхъ раскольническихъ скитахъ, въ теченіе которыхъ и постриженъ былъ въ монашество. Но хотя и пребывалъ я въ расколѣ и проживалъ между раскольниками, но съ самыхъ юныхъ лѣтъ, касался лучъ божественной благодати до моего сердца, и часто я приходилъ въ сомнѣніе спасенія, и видѣлъ заблужденіе раскольническихъ разныхъ сектъ и толковъ; много проливалъ о томъ слезъ, прося Господа Бога моего, чтобы показалъ мнѣ единую свою святую Соборную Апостольскую Церковь, и сыскавши между раскольниками единомысленную мнѣ братію, съ помощію Бога, совершенно разсмотрѣли раскольническое заблужденіе и погибель. Въ 1836 году оставивши расколъ и съ раскольниками пребываніе, поступили въ Молдавіи, въ православный общежительный монастырь Ворону, и по опредѣленію его высокопреосвященства Веніамина, ми-

трополита Молдавскаго, были присоединены ко святой Соборной Восточной Христовой Церкви, чрезъ мvропомазаніе, и изъ монаховъ сдѣланы послушниками; всѣхъ насъ 12 человѣкъ.

Но въ 1839 году всѣ мы разлучились въ разныя страны и мѣста—6 человѣкъ поѣхали въ Россію, 2-е въ единовѣрческій Таврическій Корсунскій монастырь; а прочіе всѣ попали въ Москву къ митрополиту Московскому Филарету, которыхъ онъ принялъ съ любовію, и завелъ новый скитъ Геѳсиманію, которые и до нынѣ тамъ начальниками. Первый былъ іеромонахъ Макарій, а теперь уже въ схимѣ Иларіонъ, а вмѣсто его теперь начальникомъ іеромонахъ Анатолій, а третій іеромонахъ Александръ казначеемъ; четвертый іеромонахъ Іоаннъ, первый мой другъ,—духовникомъ.

Четверо остались въ Молдавіи въ монастырѣ Воронѣ, а двое пошли во святую Аѳонскую гору, куда я отъ юности имѣлъ желаніе и нетерпимо стремился въ это тихое пристанище, отъ мірскихъ соблазновъ удаленное, и чтобы тамъ найти искуснаго старца и препоручить ему свою душу и тѣло, и жить въ совершенномъ послушаніи и во отсѣченіи своей воли, и препроводить остальную свою жизнь въ пустынѣ, и въ безмолвіи подъ старцемъ.

Пришедши во св. Аѳонскую гору, Господь Богъ и Божія Матерь не лишили моего желанія, ибо такого старца сподобился застать въ живыхъ, что къ нему вся святая гора Аѳонская благоговѣла, и навсегда тамо такихъ старцевъ бываетъ не много, можетъ быть въ вѣки, пустынножителя іеросхимонаха Арсенія, ибо онъ былъ всеобщій духовникъ Русскимъ, Болгарамъ, Сербамъ и всѣмъ духовникамъ духовникъ.

Вотъ такому-то великому старцу сподобилъ меня Господь Богъ препоручить свою душу и тѣло. Сколько былъ великъ старецъ, столько же и великъ наложилъ мнѣ нести крестъ.

Онъ прежде благословилъ меня пожить одному въ пу-

стынѣ; потомъ препоручилъ меня подъ руководство своему ученику иноку Іоанникію на келію, препровождать скитскую жизнь.

Потомъ второго моего старца, монаха Іоанникія, и меня съ нимъ послалъ въ общежитіе къ грекамъ, въ русскій Пантелеймоновъ монастырь, и тамо благословилъ отцу Іоанникію принять священство и духовничество для русской братіи, и принять великую схиму, и нареченъ въ схимѣ Іеронимъ, который и донынѣ тамо обрѣтается въ живыхъ.

Я прожилъ въ общежитіи 5 лѣтъ, въ теченіе которыхъ игуменомъ Герасимомъ былъ постриженъ въ великій иноческій образъ схиму.

Потомъ игуменомъ Герасимомъ и духовникомъ Іеронимомъ, по моему желанію, отпущенъ былъ въ пустыню послужить одному великому старцу, пустынножителю схимонаху Тимоѳею, бывшему Валаамскаго монастыря молчальнику. Но немного я насладился этою тихою равноангельною безмолвною жизнію, только полгода, но грѣховъ ради моихъ великихъ, вывелъ меня Господь изъ тихаго пристанища и высунулъ меня на средину великаго и страшнаго моря претерпѣвать всякіе роды скорбей и странствія.

Ибо мой старецъ, іеросхимонахъ Арсеній, вывелъ меня изъ пустыни, даже и изъ русскаго монастыря, и вѣчно разлучилъ меня со святой Аѳонской горой, сверхъ всякаго моего желанія: прежде послалъ меня въ Іерусалимъ поклониться св. Христову Гробу и прочимъ святымъ мѣстамъ, а потомъ велѣлъ итти въ Россію, въ Сибирскую дальную страну, въ г. Томскъ; я спросилъ: что я тамо буду дѣлать? Онъ же сказалъ: тамо тебѣ Богъ дѣло покажетъ. О! коль горестно было мнѣ слышать такое его вышеестественное распоряженіе, что какъ я могу начать такой дальній путь, почти 12 тысячъ верстъ, по морямъ и по суху, чрезъ границы и карантины, не имѣя при себѣ ни одной копѣйки денегъ, еще и просить ни у кого

не велѣлъ. Но, исполняя свою иноческую обязанность творить волю старцеву даже до смерти, прежде сходилъ въ Іерусалимъ; но возвратившись во св. гору, уже своего старца въ живыхъ не засталъ, ибо 24 марта 1846 г. скончался, самъ пошелъ на вѣчный покой, а меня оставилъ на землѣ странствовать и пить горькую чашу скорбей и бѣдствій.

Хотя я и старался и просилъ Аѳонскихъ старцевъ, чтобы мнѣ разрѣшили жить въ Аѳонѣ до смерти, но всѣ отказали, сказавъ: что твое дѣло кончено и запечатано смертію твоего старца. Потомъ, бывши въ Константинополѣ, просилъ его святѣйшество Константинопольскаго патріарха Анѳима, чтобы разрѣшилъ старцево опредѣленіе; но всѣ сказали: куда старецъ послалъ, туда и иди.—И вотъ въ 2 года окончилъ все свое странствіе и путешествіе и въ 1847 году 11 сентября достигъ до назначеннаго мѣста, до г. Томска; но не безъ скорбей было окончить такой дальній путь, не имѣвши при себѣ ни одной копѣйки денегъ и ни у кого не просивши. Но за молитвы старца не оставлялъ меня Господь Богъ Своею милостію.

По прибытіи въ Томскъ, принявши присягу на вѣрноподданство Россіи, и взявши свидѣтельство изъ губернскаго правленія,—подалъ прошеніе къ его преосвященству Аѳанасію епископу Томскому и Енисейскому, чтобы принялъ меня въ свою епархію; а о постриженіи моемъ въ монашество учинилъ бы справку въ Аѳонскую гору, въ русскій Пантелеймоновъ монастырь. Но получилъ во всемъ отказъ. Потомъ 9 января 1848 года подалъ я самъ прошеніе въ Святѣйшій Синодъ о принятіи меня въ россійское монашество, но и донынѣ на это никакого разрѣшенія и отвѣта не послѣдовало. Я 10-ть мѣсяцевъ проживалъ въ мірскомъ домѣ, у родителей казначеи вашего женскаго монастыря, Маріи Ѳеодоровны Головковой. Потомъ преосвященный Аѳанасій сжалился надо мной странникомъ, 22 іюля 1848 года принялъ меня въ свой архіерейскій домъ, и далъ мнѣ келію, въ которой и донынѣ живу.

Въ томъ же 1848 году въ ноябрѣ, господинъ губернаторъ взялъ съ меня показаніе и учинилъ справку въ Аѳонскую гору, и въ 1849 году въ іюнѣ изъ Аѳонской горы, изъ Русскаго монастыря, отъ игумена Герасима, получено полное свѣдѣніе о моемъ постриженіи въ монашество и о проживаніи въ Аѳонѣ и о путешествіи въ Іерусалимъ и Россію, все въ мою пользу и согласно съ моимъ показаніемъ, прислано на греческомъ языкѣ, но въ азіатскомъ департаментѣ переведено на русскій языкъ; всѣ дѣла мои изъ губернскаго правленія были предоставлены его преосвященству Аѳанасію. Онъ того же года 8 декабря всѣ мои подлинныя дѣла и бумаги, еще и отъ себя написалъ въ мою пользу, о моей жизни, что онъ видѣлъ въ 2 года, и о согласіи принять меня въ свою епархію,—представилъ Святѣйшему Правительствующему Синоду. Но на это и до сего времени никакого нѣтъ отвѣта. Потомъ я 2 марта 1851 года еще второе подалъ прошеніе въ Святѣйшій Синодъ, въ той же силѣ, но и на это еще никакого отвѣта нѣтъ.

Вотъ, всемилостивѣйшій мой архипастырь, какія мои дѣла и скорби; но я конца еще не предвижу; а зачѣмъ меня сюда старецъ послалъ—Богъ вѣсть, вотъ уже доживаю 5-й годъ; да и мѣста въ Томской епархіи не нахожу удобнаго для безмолвія и препровожденія остальныхъ моихъ дней, да и впредь не предвижу, потому что монастырей общежительныхъ и уединенныхъ нѣтъ ни одного, а я къ штатнымъ и среди городовъ монастырямъ не привыченъ и даже не имѣю и расположенія, потому что всю свою жизнь препроводилъ въ пустыняхъ и общежительныхъ строгихъ монастыряхъ, а теперь хотя и живу, но и то только скорблю, егда вспоминаю равноангельное апостольское общежитіе, или уединенную пустынную жизнь.

Вотъ, всемилостивѣйшій архипастырь, въ чемъ состоитъ цѣль моего къ вашему высокопреосвященству посланія, ибо я наслышанъ, что въ вашей паствѣ есть уединенныя общежительныя обители, утвержденныя высшимъ началь-

ствомъ, и къ безмолвію удобныя, къ которымъ я горю любовію, а наипаче къ Чекойской пустынной обители. Итакъ, припадая къ стопамъ ногъ вашихъ, прошу ваше высокопреосвященство, подать мнѣ скорбящему руку помощи: первое, чтобы поскорѣе окончали мое дѣло въ Святѣйшемъ Синодѣ и приняли бы меня въ Россійское монашество; второе, прошу принять меня въ свою епархію, подъ свое покровительство и опредѣлить меня въ какой-либо общежительный пустынный монастырь въ число братства, для препровожденія послѣднихъ моихъ дней жизни, внутри монастыря или подлѣ монастыря на безмолвіе; третіе, прошу дать мнѣ наставленіе, какъ мнѣ еще приступить къ окончанію дѣла моего.

Отъ роду мнѣ 45 лѣтъ; жительство имѣю въ г. Томскѣ, при архіерейскомъ домѣ.

Присемъ смиренно и со слезами припадаю къ стопамъ вашего высокопреосвященства и прошу вашихъ святыхъ молитвъ и благословенія. Навсегда остаюсь вашъ смиренный послушникъ и паче всего міра непотребнѣйшій, странствующій инокъ святыя горы Аѳонскія, святой Пантелеймоновой Русской общежительной обители, всѣхъ послѣдній Парѳеній грѣшный.

24 іюля 1852 года.
Томскъ.

147.

На сіе письмо получилъ отъ его высокопреосвященства слѣдующій отвѣтъ:

Честному иноку Парѳенію.

Со умиленіемъ прочелъ я епистолію твою; она показала мнѣ, сколь велики труды твои и терпѣніе, сколь свято желаніе сердца твоего, но, къ сожалѣнію, просьбу твою нахожу неудобоисполнимою, доколѣ не послѣдовало рѣшеніе отъ Св. Синода. Итакъ, надобно молиться и уповать, когда же Господь утѣшитъ тебя благопріятнымъ рѣшені-

емъ дѣла твоего, мы не откажемся принять тебя и упокоить старость твою въ пустынной Чикойской обители.

Нилъ архіепископъ Иркутскій, Нерчинскій и Якутскій.

8 октября 1852 года.

148.

Но я, не дождавшись отвѣта изъ Иркутска отъ владыки, потому что получилъ отъ посторонняго лица отвѣтъ, что владыка помочь тебѣ не можетъ, и участіе въ твоихъ дѣлахъ не беретъ,—то я вижу, что дѣла мои остаются безъ всякаго дѣйствія и положился обезпокоить Московскаго митрополита Филарета, какъ второго члена Св. Правительствующаго Синода, и написалъ ему письмо слѣдующее:

Святѣйшаго Правительствующаго Синода члену, высокопреосвященнѣйшему Филарету, митрополиту Московскому и Коломенскому, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры священно-архимандриту и разныхъ орденовъ кавалеру.

Отъ инока св. горы Аѳонскія, странствующаго Парѳенія грѣшнаго, урожденца Молдавскаго, покорнѣйшая епистолія.

Ваше высокопреосвященство, всемилостивѣйшій архипастырь! Припадая къ стопамъ ногъ вашихъ, и со слезами прошу вашего архипастырскаго благословенія и цѣлую ваши властныя руцѣ. Всемилостивѣйшій архипастырь, хощу я, паче всѣхъ человѣкъ непотребнѣйшій, обезпокоить ваше высокопреосвященство симъ моимъ посланіемъ, но прихожу въ трепетъ и ужасъ, дабы чѣмъ не оскорбить вашу святыню. Но, возложихъ всю мою надежду на Господа Бога, и на ваши архипастырскія милости, и покройте мое невѣжество своимъ благоразуміемъ.

Ибо вотъ 8 мѣсяцевъ боролся я съ этимъ помысломъ, чтобы извѣстить ваше высокопреосвященство. Но болѣе не могъ терпѣть, полагая, что этотъ помыслъ отъ Бога, ибо любовь ближнихъ понудила меня васъ извѣстить о семъ, что наша братія христіане и наши соотечественники какія несносныя претерпѣваютъ душевныя скорби, внѣ сво-

его отечества; но вамъ можетъ быть еще до сего времени было это неизвѣстно.

Но скажу я вамъ прежде о себѣ, кто я такой и какъ попалъ въ сію Сибирскую страну и какія причины понудили меня обезпокоить васъ, и это написать вашему высокопреосвященству.

Первое то, что яркіе лучи вашей жизни сіяютъ не токмо въ концахъ своего пространнаго отечества, но и за предѣлы онаго, и даже очень ярко достигаютъ и до св. горы Аѳонской и до св. града Іерусалима и повсюду прославляютъ Господа Бога, что и въ нынѣшнія времена поставляетъ таковыхъ ревностныхъ пастырей своей св. Соборной Восточной Апостольской Церкви.

Второе, вижу изъ разныхъ актовъ, что вы обо всѣхъ миссіяхъ имѣете особенное попеченіе и болѣе всѣхъ стараетесь прославить имя Господа Іисуса Христа во всѣхъ концахъ вселенныя.

Третіе то, что любезные и ближайшіе друзья, чрезъ которыхъ и я буду вамъ извѣстенъ, которые и къ вамъ близки, живутъ подъ вашимъ покровительствомъ, въ новоустроенномъ вами скитѣ Геѳсиманія, а именно: іеромонахъ Анатолій, который управляетъ скитомъ; второй іеромонахъ Александръ; третій іеросхимонахъ Иларіонъ, прежде бывшій Макарій. Четвертый, паче всѣхъ ближайшій мой другъ, іеромонахъ Іоаннъ, съ которымъ мы первые помощію Божіею разрушили прегражденія вражды душепагубнаго раскола, въ 1836 году, и странствовали съ нимъ полтора года по Россіи, но паки возвратились въ Молдавію, съ намѣреніемъ ѣхать во св. гору Аѳонскую. Вотъ уже въ то время могли обратиться и прочая наша братія. Но я въ томъ мало содѣйствовалъ, а болѣе самъ Богъ и молитвы отца Іоанна,—ибо они много ему въ томъ обязаны. Но въ 1839 году всѣ мы разлучились, ибо отецъ Іоаннъ съ Анатоліемъ уѣхали въ Россію, а отецъ Макарій съ Александромъ и съ прочими остались въ Молдавіи въ монастырѣ Воронѣ; а мы двое пошли во св. Аѳонскую

гору, куда я отъ юности имѣлъ желаніе и нетерпимо стремился въ то тихое пристанище, чтобы тамо найти себѣ искуснаго старца и препоручить ему свою душу и тѣло и жить въ совершенномъ послушаніи и во отсѣченіи своей воли и препроводить остальную свою жизнь въ пустынѣ и безмолвіи.

Пришедши во св. гору и не лишили меня Господь Богъ и Божія Матерь моего желанія, ибо такого старца сподобился застать въ живыхъ, что къ нему вся св. гора благоговѣла и навсегда тамо таковыхъ бываетъ немного, можетъ быть въ вѣки, пустынножителя іеросхимонаха Арсенія, ибо онъ былъ всеобщій духовникъ русскимъ и болгарамъ и всѣмъ духовникамъ духовникъ, котораго отецъ Александръ зналъ лично, который въ 1840 году пришелъ было во св. гору, чтобы тамо препроводить жизнь свою, но духовникъ Арсеній не далъ ему благословенія жить во св. горѣ, но велѣлъ ему итти въ Россію, и тамо препровождать жизнь свою. Онъ со слезами тогда же вышелъ прежде въ Молдавію, а потомъ въ Россію, — который и теперь живетъ въ вашемъ скиту, въ числѣ моихъ друзей.

Вотъ такому-то великому старцу сподобилъ меня Господь Богъ препоручить свою душу и тѣло. Онъ же прежде благословилъ мнѣ пожить одному въ пустынѣ, потомъ препоручилъ меня подъ руководство своему ученику иноку Іоанникію на келію препровождать скитскую жизнь.

Потомъ второго моего старца монаха Іоанникія и меня съ нимъ послалъ въ общежитіе въ русскій Пантелеймоновъ монастырь, и тамо благословилъ отцу Іоанникію принять священство и духовничество, и принять великую схиму и нареченъ въ схимѣ Іеронимомъ, который и донынѣ обрѣтается въ живыхъ.

Я пожилъ въ общежитіи 5-ть лѣтъ и принялъ великій иноческій образъ; потомъ игуменъ Герасимъ и духовникъ Іеронимъ, по моему желанію, отпустили меня въ пустыню послужить великому старцу, пустынножителю Тимоѳею, Валаамскаго монастыря молчальнику. Но немного

я насладился этой равноангельной безмолвной жизнью, только полгода; но грѣховъ ради моихъ великихъ вывелъ меня Господь изъ тихаго пристанища и высунулъ меня на средину великаго и страшнаго моря претерпѣвать всякаго рода скорби и странствія. Ибо мой старецъ іеросхимонахъ Арсеній вывелъ меня изъ пустыни и даже изъ Русскаго монастыря, и навѣчно разлучилъ меня со св. горой Аѳонской, сверхъ всякаго моего желанія! Прежде послалъ меня въ Іерусалимъ поклониться Гробу Господню, а потомъ приказалъ мнѣ итти въ Россію, въ Сибирскую дальнюю страну, въ г. Томскъ. Я его спросилъ: что я тамо буду дѣлать? Онъ сказалъ: тамо тебѣ Богъ дѣло покажетъ. О! коль горестно было мнѣ слышать его такое вышеестественное распоряженіе, что какъ я могу начать такой дальній путь, почти 12-ть тысячъ верстъ, по морямъ и по суху, чрезъ границы и карантины, не имѣя при себѣ ни одной копѣйки денегъ, да еще и просить запретилъ. Но исполняя свою иноческую обязанность, творить послушаніе и волю старцеву даже до смерти, прежде сходилъ въ Іерусалимъ. Возвратившись во св. гору, уже въ живыхъ не засталъ своего старца, ибо 24 марта 1846 года скончался, самъ пошелъ на вѣчное блаженство, а меня оставилъ на землѣ странствовать и пить горькую чашу скорбей.

Хотя я и старался и просилъ Аѳонскихъ отцовъ, чтобы мнѣ разрѣшили жить въ Аѳонѣ; но всѣ сказали, что твое дѣло кончено и запечатано смертію старца твоего. Потомъ, бывши въ Константинополѣ, просилъ святѣйшаго Константинопольскаго патріарха Аѳима, чтобы разрѣшилъ старцево опредѣленіе; но всѣ сказали, что куда старецъ послалъ, туда и иди. И вотъ слава Богу, въ 2 г. кончилъ свое странствіе и путешествіе. Въ 1847 году 11 сентября достигъ до назначеннаго мнѣ мѣста, до г. Томска, но не безъ скорбей было и не безъ милости Божіей окончить такой дальній путь, не имѣя при себѣ ни одной копѣйки

денегъ, во за молитвы моего старца не оставлялъ меня Господь Богъ своею милостію.

По прибытіи въ Томскъ, принявши присягу на вѣрноподданство Россіи, подалъ прошеніе къ его преосвященству Аѳанасію, епископу Томскому и Енисейскому, чтобы принять меня въ свою епархію, а о постриженіи моемъ въ монашество учинилъ бы справку въ Аѳонскую гору, въ Русскій Пантелеймоновъ монастырь. Но получилъ во всемъ отказъ. Потомъ 9 января 1848 года подалъ я самъ прошеніе въ Святѣйшій Синодъ о принятіи меня въ россійское монашество; но и донынѣ на это никакого рѣшенія и отвѣта не послѣдовало. Потомъ преосвященный Аѳанасій сжалился надо мною странникомъ, не имѣющимъ гдѣ главы подклонити, 22 іюля 1848 г. принялъ меня въ свой домъ и далъ мнѣ спокойную келію, въ которой и донынѣ живу. Въ томъ же году г. губернаторъ взялъ съ меня показаніе и учинилъ справку въ Аѳонскую гору. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1849 года изъ Аѳонской горы, изъ русскаго монастыря, отъ игумена Герасима пришло свѣдѣніе о моемъ постриженіи въ монашество, о проживаніи въ Аѳонѣ, и о путешествіи въ Іерусалимъ и въ Россію, все въ мою пользу и всѣ дѣла мои изъ губернскаго правленія были предоставлены его преосвященству. Онъ того же года 1849 8 декабря всѣ мои подлинныя бумаги и дѣла, еще и отъ себя написалъ въ мою пользу о моей жизни, что онъ видѣлъ въ 2 года, и о согласіи принять меня въ свою епархію,—представилъ въ Святѣйшій Синодъ на утвержденіе. Потомъ я въ нынѣшнемъ 1851 году 2 марта еще подалъ второе прошеніе въ Св. Синодъ; но и на это еще никакого отвѣта нѣтъ.

Вотъ, всемилостивѣйшій архипастырь, какія мои дѣла и скорби, а зачѣмъ меня сюда послалъ старецъ—Богъ вѣсть; вотъ уже доживаю 4-й г. Три года я прожилъ здѣсь, ничего не дѣлалъ и не слыхалъ, но только по принужденію преосвященнаго писалъ многолѣтнее мое странствіе, которое и окончилъ въ прошломъ году.

Вотъ, всемилостивѣйшій мой архипастырь, въ чемъ состоитъ цѣль моего къ вамъ посланія и что я могъ узнать здѣсь въ концѣ прошлаго 1850 года. Ибо съ начала моего пріѣзда въ Томскъ познакомился я съ однимъ торговцемъ, Порфиріемъ Глѣбовичемъ Уфимцевымъ, мѣщаниномъ города Туринска, Тобольской губ.; отъ роду ему лѣтъ около 25-ти. Онъ часто посѣщаетъ мою келью и беретъ у меня духовныя книги для чтенія, ибо онъ и самъ наклоненъ къ монашеской жизни, и мы въ три года никогда не могли разговориться много. Но въ концѣ прошлаго года началъ онъ мнѣ разсказывать свое странствіе по Бухаріи, Киргизскимъ степямъ и по Китайскому государству, ибо онъ отъ хозяина за приказчика ѣздилъ 6 лѣтъ подъ видомъ татарина и бухарца, потому что русскому по тѣмъ странамъ ѣздить невозможно. Онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Въ тѣхъ странахъ, Бухаріи и Китаѣ, видѣлъ онъ русскаго племени людей, а именно въ Бухаріи, въ столичныхъ городахъ: Куканіи и Ташкиніи живутъ болѣе двухъ сотъ русскихъ семей, овые произошли отъ забѣжавшихъ, а больше отъ плѣнныхъ, и всѣ они живутъ на волѣ, своими домами, кормятся мастерствами и торговлею; есть и весьма богатые купцы, имѣющіе свои лавки и сады. Одежду носятъ бухарскую, головы бреютъ и тафьи татарскія носятъ, а то бы бухарцы жить имъ не позволили и принудили бы къ магометанству; но они малое уступали, а великое удержали, ибо вѣру содержатъ христіанскую, а языкомъ говорятъ больше бухарскимъ, но еще и русскій не позабыли. Женъ берутъ бухарокъ, но и жены уже магометанской вѣры не держатъ, а дѣтей пріучаютъ говорить по-русски и учатъ русской грамотѣ, такожде и въ Бухарскія училища ходятъ учиться.

Въ воскресные и праздничные дни собираются всѣ въ одинъ домъ, гдѣ устроена у нихъ молитвенная храмина, въ которой стоитъ много иконъ; тамъ читаютъ и поютъ вечерню, утреню и часы, какъ знаютъ, потому что книгъ русскихъ имѣютъ довольно, ибо просятъ русскихъ купцовъ,

и они привозятъ имъ изъ Россіи, и самъ Порфирій покупалъ въ Макарьевской и Ирбитской ярмаркахъ и привозилъ имъ, ибо они не раскольники, но всѣ православные христіане. Но только вотъ что одно, всякаго плача достойно, что все некрещеные, которые тамо породились, потому что не имѣютъ себѣ священника и о чемъ весьма много скорбятъ и соболѣзнуютъ, да помочь нельзя; хотя и просили свое правительство бухарское, чтобы вытребовать изъ Россіи миссію, но оно на это не согласилось и сказало: мы публичнаго сношенія имѣть съ Россіей не согласны, а васъ не принуждаемъ, какъ хощете, такъ и вѣруйте.

Въ Россію же выѣхать уже не имѣютъ желанія, потому что тамо породились, а языкъ разговорный уже почти позабыли, а женскій полъ весь природный бухарскій—и имѣютъ свои дома и сады.

Еще онъ же, Порфирій, бывши въ Китайскомъ государствѣ, въ городахъ большой и малой Кульджѣ, тамо нашелъ до 15-ти семей русскаго племени, всѣхъ человѣкъ до 50-ти, которые въ древнія времена съ рѣки Амура, изъ города Албазина, китайцами взяты были въ плѣнъ и отведены въ Пекинъ, а потомъ нѣсколько человѣкъ за грубіянство съ китайскимъ правительствомъ, когда требовали первую миссію изъ Россіи, сосланы были въ ссылку на поселеніе въ городъ Кульджу, гдѣ и донынѣ живутъ и уже расплодилось болѣе 50 человѣкъ, которые еще и до нынѣ идоламъ не поклоняются, хотя и живутъ въ самомъ мракѣ язычества, но еще называютъ себя христіанами и русскими, хотя уже и ни одного слова по-русски не знаютъ и даже никогда не видали русскаго человѣка, кромѣ сего Порфирія, даже не знаютъ въ чемъ состоитъ и вѣра христіанская, и что она значитъ; но только получили отъ прадѣдовъ преданіе, что они русскаго племени и христіанской вѣры и не подобаетъ кланяться идоламъ, и приказано почитать и праздновать воскресный день; говорятъ, что въ этотъ день возсталъ Христосъ изъ мертвыхъ. Еще оста-

вили имъ прародители на китайскомъ языкѣ на бумагѣ китайскими буквами написаны двѣ молитвы: Символъ вѣры и молитву Господню, которые всѣ учатъ и читаютъ каждое утро и вечеръ, и съ малыхъ лѣтъ и дѣтей своихъ обучаютъ тому же, а женъ берутъ больше китайскихъ, но и они къ мужьямъ присовокупляются, не ходя уже въ кумирницы; всѣ эти русскіе, такъ называемые, между собою имѣютъ неразрывную любовь, какъ одно семейство. Но о крещеніи даже и не слыхали, хотя и знаютъ, что въ Пекинѣ есть русскій монастырь, но они съ Пекиномъ никакого сношенія не имѣютъ, потому что очень далеко, ибо болѣе 3 тысячъ верстъ и пути весьма трудные, а законы гражданскіе строгіе, и даже въ Пекинѣ никто не бываетъ, кромѣ начальства; а въ Кульджѣ живетъ князь, родной братъ Китайскому царю, тоже за провинку сосланъ вмѣсто ссылки, ибо эта сторона отдалена на югъ, принадлежитъ къ самому Тибету и Бухаріи.

Русскіе имѣютъ свои дома и живутъ очень исправно, занимаются торговлею и разными ремеслами и живописью, имѣютъ свои сады и виноградъ, уже и лица у всѣхъ китайскія и бороды уже не растутъ—совершенно китайцы.

Вотъ, всемилостивѣйшій архипастырь, въ какомъ плачевномъ положеніи находится наша странствующая братія, отлученная отъ своего отечества, ибо я ежедневно проливаю о нихъ слезы и разжигаюсь сердцемъ моимъ; это-то самое и понудило меня къ вашему высокопреосвященству написать сіе посланіе, а если бы было угодно Господу Богу нашему Іисусу Христу, то кажись бы душу свою за нихъ положилъ.

О! Всемилостивѣйшій и добрый архипастырь Христова стада, ежели вамъ не будетъ это тягостно, то возымѣйте попеченіе о тѣхъ заблудшихъ овцахъ Христова стада и блесните своимъ благодатнымъ лучомъ на тѣхъ овецъ, во тьмѣ сидящихъ; ибо вы это можете сотворить, потому что Господь посадилъ васъ на высокомъ престолѣ и поставилъ

васъ на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ; ибо Господу нашему Іисусу Христу очень дорого стоитъ каждая душа человѣческая, а наипаче христіанская, потому что Онъ пролилъ за нее Кровь Свою. Вамъ очень можно тѣмъ заблудшимъ овцамъ помочь: послать одного священника, діакона и причетника, не болѣе 3 человѣкъ; одному ѣхать невозможно, потому что тамъ потребуется освятить храмъ; первый разъ послать тихонько подъ видомъ купцовъ, покуда тамъ огрѣютъ мѣстечко и познакомятся съ тамошнимъ правительствомъ и народомъ; прежде въ Бухарію, потому что Бухарія съ Россіею имѣетъ великую торговлю, и россійскимъ купцамъ въ Бухарію открытый въѣздъ, а Китай съ Бухаріею имѣетъ близкое сообщеніе и торговлю, что позволяютъ бухарцамъ въ Китаѣ жить и свои мечети строить, ибо почти всѣ бухарцы и русскіе въ Бухаріи знаютъ говорить по-китайски; а торговый народъ, китайцы, всѣ знаютъ говорить по-бухарски, и бухарцамъ въ Китай завсегда свободный въѣздъ.

Города Семипалатинска русскій купецъ Самсоновъ, у котораго жилъ Порфирій, ежегодно отправляетъ въ Бухарію много каравановъ товару, и знакомъ въ Бухаріи со всѣми русскими; онъ же чрезъ Бухарію торгуетъ и съ Китаемъ въ Кульджѣ, и чрезъ него что нужно, все можно туда отправить.

Можетъ быть это самое избранное святое сѣмя хранится подъ спудомъ тамъ, которое принесетъ Христу сторичествующій плодъ, можетъ быть чрезъ нихъ-то распространится Христово царство между магометанствомъ и язычествомъ.

Всемилостивѣйшій архипастырь, хощу вамъ открыть влеченіе сердца моего, но боюсь и прихожду въ трепетъ, дабы не вызваться на ратоборство, которое сверхъ силъ моихъ, но однако открою: что ежели бы я имѣлъ санъ священства, то посвятилъ бы всѣ послѣдніе и оставшіеся дни моей жизни на это многотрудное поприще и прискорб-

ный дальній путь; но только бы была воля Божія и Его святая помощь, благоволеніе начальства и благословеніе святой Восточной Христовой Церкви, такожде и ваше архипастырское. Ибо для меня повсюду своя сторона, можетъ быть не затѣмъ ли я сюда посланъ, хотя я и съ самой юности люблю пустынную и тихую, безмолвную жизнь и желаю препроводить жизнь свою единому въ собесѣдованіи со единымъ Богомъ; но Господь Богъ проводитъ меня совсѣмъ другими путями, странствіемъ и скорбями. Но за все благодареніе Господу Богу моему, буди Его святая воля надо мною, и какъ Ему угодно, тако и да будетъ, буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка; ибо знаю, что любовь выше всѣхъ добродѣтелей, а наипаче ежели кого Господь Богъ сподобитъ положить душу свою за братію и за други своя.

Ваше высокопреосвященство всемилостивѣйшій архипастырь! желалъ бы я самъ лично съ вами видѣться, но невозможно, потому что дѣла мои въ Св. Синодѣ не окончаны, и изъ Томска мнѣ отлучиться невозможно.

При семъ письмѣ со 2 прошенія моего прилагаю копію.

Всемилостивѣйшій архипастырь желалъ бы я получить ваши черты и увѣдомленіе, но не имѣю дерзновенія васъ въ томъ утруждать; а съ какою бы любовію я ихъ принялъ и облобызалъ! Но какъ вамъ Господь извѣститъ, тако и да будетъ.

Жительство имѣю въ г. Томскѣ, при архіерейскомъ домѣ.

При семъ смиренно припадаю со слезами къ стопамъ ногъ вашихъ и прошу вашего архипастырскаго благословенія и святыхъ Вашихъ молитвъ. Остаюсь навсегда вамъ смиренный послушникъ и паче всего міра непотребнѣйшій, странствующій инокъ святыя горы Аѳонскія, святой русской обители Пантелеймоновой, всѣхъ послѣдній Парѳеній грѣшный.

8 августа 1851 года.
Томскъ.

Вотъ это-то мое письмо все мое дѣло воскресило, которое уже было мертвое, ибо его высокопреосвященство, получивши сіе письмо, отослалъ въ Сергіеву Лавру къ отцу намѣстнику, архимандриту Антонію, чтобы показать скитскимъ старцамъ и паки обратно ко владыкѣ. Владыка же самымъ подлинникомъ отослалъ оберъ-прокурору Св. Синода, графу Протасову.

Вотъ тогда загремѣло мое дѣло, но еще не скоро окончилось.

Сообщилъ Архимандритъ Ніконъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ
ИГУМЕНА
ПАРѲѲНІЯ.*)

149.

Еще прежде, за годъ, то-есть въ 1850 году всюду я искалъ помощи въ скорбяхъ моихъ и писалъ письмо къ старому моему благодѣтелю Платону Александровичу князю Шихматову-Ширинскому, министру народнаго просвѣщенія, полагая, не приметъ ли онъ участіе въ моихъ дѣлахъ, какъ и прежде принималъ. Письмо слѣдующее:

Христосъ посредѣ насъ,
Ваше Сіятельство,
Платонъ Александровичъ!

Съ вашею христолюбивою супругой Ольгой Николаевной и возлюбленными вашими чадами желаю о Христѣ радоваться.

Ваше сіятельство, свидѣтельствую вамъ наичувствительнѣйшую мою благодарность за ваше страннопріимство, оказанное мнѣ непотребному и всѣхъ послѣднему страннику, бывшему у вашего сіятельства въ 1844 г., грѣшному Пареенію, иноку святыя горы Аѳонскія; за что да наградитъ васъ Господь Богъ въ этомъ вѣцѣ здравіемъ и

*) Продолженіе. См. декабрьскую кн. *Душеполезное Чтеніе* 1899 г.

счастіемъ, а наипаче душевнымъ спасеніемъ, а въ будущемъ вѣцѣ вѣчнымъ блаженствомъ; о чемъ и азъ непотребный молю Господа Бога моего о вашемъ здравіи и спасеніи, и приносимъ свои молитвы во св. горѣ Аѳонской и во св. градѣ Іерусалимѣ, на Христовомъ живоносномъ гробѣ и на прочихъ всѣхъ св. мѣстахъ.

О! коль мнѣ было радостно и весело, когда въ прошедшую зиму, въ 1850 году, прочиталъ мнѣ преосвященнѣйшій мой архипастырь Аѳанасій епископъ Томскій и Енисейскій, что Царь небесный на васъ изліялъ свои милости и щедроты, и возвелъ васъ на высоту престола, и поставилъ васъ яко свѣщу на свѣщницѣ, да свѣтитъ своему великому и благоденственному отечеству, великой благочестивой Россіи.

Также и земный царь на васъ изліялъ милости и свою честь и славу, и препоручилъ вамъ такое великое и высокое начальство не только надъ тѣлами, но болѣе надъ душами и надъ умами своихъ соотечественниковъ.

Когда мой архипастырь прочиталъ сіе, тогда я грѣшный отъ радости много пролилъ слезъ, также и архипастырь мой; заедино мы прославляли истиннаго Господа Бога нашего, что Онъ Царь небесный возноситъ избранныхъ отъ людей своихъ, и посаждаетъ ихъ на высокихъ престолахъ, однимъ только препоручаетъ одни тѣла; а другимъ однѣ души. Но вамъ препоручилъ оба — тѣла вкупѣ и съ душами, ибо мудрый царь земный зналъ кого посадить на такой высокій престолъ и препоручить юныя человѣческія сердца. Ибо и я грѣшный немного знаю вашу добрую душу и вашу любовь ко Господу Богу, къ ближнему и любовь ко свой возлюбленной матери, ко св. восточной соборной апостольской Христовой церкви и православной христіанской вѣрѣ греческаго благочестія; и вашу любовь и вѣрность къ царю и отечеству, и знаю весь вашъ благочестивый корень, отъ котораго вы произросли, знаю вашихъ родныхъ, а наипаче вашего братца, отца Аникиту, который удивилъ своими

благочестивыми подвигами не только свое отечество Россію, но и всю Восточную страну, св. гору Аѳонскую и св. градъ Іерусалимъ, и Аѳины, и всю св. Восточную церковь. Это-то самое весьма радуетъ и веселитъ мое сердце, что и васъ Господь посадилъ на этотъ высокій апостольскій престолъ, просвѣщеніе, и препоручилъ вамъ своего россійскаго государства юныя сердца во управленіе.

Азъ многогрѣшный и недостойнѣйшій инокъ со слезами припадаю къ стопамъ милосердаго Господа моего Іисуса Христа, и прошу Его благоутробіе: да подастъ вамъ съ высоты святыя своея помощь и силу управить вамъ симъ великимъ управленіемъ, по Его св. волѣ, въ пользу Его церкви, въ пользу и во спасеніе вашей души и въ пользу Государя Императора! и въ пользу всего своего благодетственнаго отечества Россіи.

Да подастъ вамъ Господь Богъ духъ разума и вѣдѣнія и разсужденія и духъ ревности, еже прославити Святое Имя Его на землѣ! Да подастъ вамъ Господь Богъ помощь и силу во еже посѣяти и углубити въ юныя сердца человѣческія божественное сѣмя, ученіе страха Божія и благочестія, дабы оно прозябло и возросло и сторичный плодъ принесло: во-первыхъ, святой Восточной Христовой церкви; во-вторыхъ, своему Государю Императору и всему своему Россійскому отечеству; ибо страхъ Божій и благочестіе всему благу источникъ и основаніе: ежели кто имѣетъ страхъ Божій и благочестіе, тотъ и любитъ Господа Бога своего и сколько есть силъ старается исполнять Его святыя заповѣди, слушаетъ и исполняетъ установленіе своей матери, св. Восточной церкви; тотъ воистину вѣренъ и своему царю, какъ помазаннику Божію, и полезенъ своему отечеству! Ибо ученіе Христово и ученіе святой церкви ничему болѣе такъ не учитъ, какъ смиренію и любви и повиновенію всякой власти, поставленной отъ Бога. Вотъ въ чемъ заключается ученіе и просвѣщеніе человѣческаго ума и сердца: еже знати и любити Господа Бога своего и творить Его св. заповѣди; тогда всѣмъ бу-

детъ полезенъ—Богу и царю земному и всему отечеству. Да подастъ вамъ Господь Богъ свою помощь и духъ ревности, еже изгнати злыхъ волковъ, приходящихъ отъ разстроеннаго запада, терзать Христовыхъ овецъ и всѣвать злыя плевелы, посредѣ чистой Христовой пшеницы.

Ежели вамъ угодно узнать о томъ, какимъ случаемъ попалъ я изъ св. горы Аѳонской въ отдаленную сію страну сибирскую, въ г. Томскъ, то я вамъ объ этомъ объясню; но прежде нежели буду объяснять, обмочу письмо сіе слезами и обновлю сердечную мою болѣзнь и паки приведу на память св. гору Аѳонскую; ибо мое сюда прибытіе странное и человѣческому уму невмѣстимое; но можетъ только одному Господу Богу угодное, а оно случилось быть слѣдующимъ образомъ:

По разлученіи моемъ отъ васъ, въ 1844 году, отправился я во св. гору Аѳонскую; въ томъ же году и прибылъ во свою св. обитель благополучно, хотя и безъ всякой пользы для обители. Но чадолюбивые мои Аѳонскіе отцы приняли меня съ радостію въ свою обитель. Потомъ, по моему желанію, отпустили меня въ пустыню на безмолвіе, послужить одному Аѳонскому пустынножителю, можетъ быть и вамъ извѣстному и знаемому прежде бывшему Валаамскаго монастыря молчальнику, отцу Тихону, а во Аѳонѣ въ схимѣ нареченному Тимоѳею; прожилъ съ нимъ въ келіи полгода и былъ отъ обители своей упокоенъ всѣми тѣлесными потребами, даже до смерти. Потомъ въ 1845 году сподобился я въ Аѳонской горѣ встрѣтить и проводить дражайшаго гостя, Его Императорское Высочество Великаго Князя Константина Николаевича. Потомъ вскорѣ, въ самый день нашего храмового праздника, св. Пантелеймона, прилетѣла мнѣ сія огненная стрѣла и пронзила мое сердце, которую и донынѣ ношу и до смерти носить буду, ибо пришелъ изъ своей пустыни мой старецъ и руководитель по тѣсному и прискорбному пути монашеской жизни, пустынножитель и духовникъ іеросхимонахъ Арсеній, которому я препоручилъ сначала прихода

моего въ Аѳонскую гору душу свою и тѣло. Сей-то старецъ Арсеній, другъ и собесѣдникъ и духовный отецъ вашему брату, іеромонаху отцу Аникитѣ, и съ нимъ онъ путешествовалъ въ Іерусалимъ и бралъ ихъ двоихъ со ученикомъ на свой коштъ.—Къ сему-то старцу Арсенію, по прибытіи моемъ въ Аѳонскую гору, Царица небесная направила меня подъ руководительство, и ему-то я препоручилъ свою душу и тѣло!

Онъ-то меня во Аѳонѣ пасъ 6 лѣтъ и питалъ душу мою духовною пищею: прежде постригъ онъ меня во иноческій ангельскій образъ, потомъ послалъ въ общежительный Русскій Пантелеймоновъ монастырь; по его же благословенію здѣсь постриженъ игуменомъ Герасимомъ въ великій ангельскій образъ.

Онъ же въ 1845 г. 27 іюня, на память святого великомученика Пантелеймона, пришелъ къ намъ въ Русскій монастырь и объявилъ игумену Герасиму, чтобы отпустили меня въ Россію, а мнѣ объявилъ, чтобы я безпрекословно шелъ въ Россію, въ Сибирскую страну, въ Томскую губернію, и сказалъ: тако тебѣ есть воля Божія. Но, прежде нежели пойду въ Россію, послалъ меня во Іерусалимъ, поклониться живоносному Христову гробу и прочимъ святымъ мѣстамъ. Но, о! какъ мнѣ было скорбно и несносно слышать такое его распоряженіе, и на такое долгое странствіе, не имѣя ни копѣйки денегъ и никакого въ виду случая.

Но, азъ, слушая своего Господа, что Онъ сказалъ: буди вѣренъ даже до смерти; я вознамѣрился исполнить волю старца своего и творить послушаніе даже до смерти; и отправился въ такое далечайшее странствіе безъ всякой человѣческой помощи и безъ денегъ только съ однимъ отеческимъ благословеніемъ и съ благословеніемъ св. горы Аѳонскія, и св. моей обители, и духовныхъ моихъ отцовъ; возвергъ всю свою печаль и надежду на Господа Бога и на молитвы духовнаго моего отца.

Сходилъ въ Іерусалимъ благополучно милостію Бога и

добрыхъ людей, былъ доволенъ всѣми тѣлесными потребами. Потомъ паки возвратился во св. гору Аѳонскую, но уже въ живыхъ своего старца іеросхимонаха Арсенія не засталъ, ибо 24 марта 1846 года скончался.

Азъ же, исполняя волю старца, отправился въ назначенное мнѣ мѣсто, въ г. Томскъ, куда и достигъ благополучно, хотя и выше всѣхъ средствъ человѣческихъ, ибо совершилъ столь дальнее путешествіе, 12 тысячъ верстъ; начавши не имѣлъ при себѣ ни одной копѣйки денегъ, но однако благодареніе Господу Богу моему, за молитвы старца моего, не былъ искушенъ выше естества моего, хотя и съ прискорбіемъ, но все нужное мнѣ было посылаемо; но это еще великія чудеса, что нигдѣ не просилъ, по завѣщанію старца; но и ноги не устали отъ дальняго пути, по предсказанію старца. Въ Іерусалимъ сходилъ на кораблѣ, а изъ Аѳона до Солуня на мулахъ верхомъ, а изъ Солуня до Молдавіи всѣ 3 моря на пароходѣ, а изъ Молдавіи до Томска на своемъ конѣ; и тако совершилъ помощію Божіею мое путешествіе, надѣясь, что кончились мои двухлѣтнія скорби; но не оправдалась моя надежда; здѣсь-то, въ Томскѣ, и дожидались меня многія скорби, едва, едва выносимыя, которыя и донынѣ еще угнетаютъ. Ибо по прибытіи въ Томскъ, въ 1847 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, подалъ я прошеніе ко владыкѣ, чтобы принялъ меня въ свою епархію, въ число монашествующаго братства, а о постриженіи моемъ учинилъ бы справку въ Аѳонскую гору; но во всемъ получилъ отказъ; вторая моя скорбь паче первой, ибо узналъ, что во всей Томской епархіи нѣтъ ни одного пустыннаго и общежительнаго монастыря; негдѣ мнѣ и главу свою приклонити, а въ штатныхъ монастыряхъ я не могу вмѣстить, ибо всю свою жизнь препроводилъ въ пустынныхъ монастыряхъ. Потомъ съ надеждою на Господа Бога я на молитвы своего старца вознамѣрился обезпокоить высшую власть. 9 января 1848 года подалъ я прошеніе въ Святѣйшій Синодъ о принятіи меня въ число россійскаго монашества, а о постриженіи

моемъ учинилъ бы справку во Аѳонскую гору, въ Русскій Пантелеймоновъ монастырь, а для прожитія моего позволили бы мнѣ въ Томской епархіи устроить общежительную пустынь, на сумму доброхотныхъ дателей. Но и по сіе время отвѣта мнѣ никакого нѣтъ. Вотъ уже третій годъ. Потомъ сжалился надо мной, странникомъ, архипастырь Аѳанасій, епископъ Томскій, и принялъ меня въ свой архіерейскій домъ, въ іюлѣ 1848 года до рѣшенія моего дѣла. Потомъ г. губернаторъ взялъ съ меня показаніе и учинилъ справку во Аѳонскую гору, въ мою обитель. Въ іюнѣ 1849 года получилъ отвѣтъ, ибо игуменъ Герасимъ прислалъ свидѣтельство о моемъ во обители проживаніи, о постриженіи въ монашество и о путешествіи въ Іерусалимъ и въ Россію все въ мою пользу. Потомъ губернаторъ всѣ мои подлинныя бумаги и дѣла передалъ преосвященному. Преосвященный Аѳанасій 8-го декабря 1849 года всѣ бумаги мои отправилъ въ Св. Синодъ, для окончательнаго утвержденія, еще и отъ себя написалъ о моемъ поведеніи, что онъ видѣлъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Но отвѣта и рѣшенія изъ Св. Синода и до сего времени нѣтъ. Вотъ уже прошло болѣе полугода. Теперь уже пятый годъ доходитъ, какъ безпрестанно угнетаемъ такими великими скорбями, и уже истощили всѣ мои силы. Азъ же, не имѣя никого отъ смерныхъ о себѣ ходатая, возложилъ всю мою надежду на Господа Бога и на молитвы своего старца. Но хотя и часто по человѣческой моей немощи подъ симъ тяжкимъ крестомъ изнемогаю, но паки помощь Божія меня подкрѣпляетъ, и донынѣ еще ползаю яко червь, а не человѣкъ, поношеніе человѣковъ и уничиженіе людей. Хотя уже и давно помыслъ меня безпокоилъ написать вамъ письмо, но я ему долго противился и не хотѣлъ васъ безпокоить, да не явлюсь кому въ тягость, но положился все претерпѣвать, даже до смерти. Уже 3 года проходитъ, какъ я въ Томскѣ, но часъ отъ часу, а къ смерти ближе. Но нынѣ, такъ Господу Богу благоизволившу, написалъ вамъ сіе письмецо. Сіи пода-

тели, сибиряки, два духовные брата Григорія и близкіе мнѣ по сердцу и по духу, ибо 2 года прибѣгали въ мою убогую келію, а потомъ, возгорѣвшись совершенною любовію къ Господу Богу, оставили міръ и вся яже въ мірѣ, пошли во слѣдъ Іисуса Христа и отъ юности своей посвятили себя на службу единому истинному Господу Богу и отправились въ далечайшій путь, въ Россію, о которыхъ припадаю къ стопамъ ногъ вашего сіятельства и смиренно прошу васъ принять ихъ, какъ меня, и обласкать ихъ отеческою любовію, какъ странниковъ, изъ толь далечайшія страны Сибирскія, и разспросить ихъ словесно, въ чемъ имѣетъ нужду сія страна Сибирская. Они вамъ все передадутъ подробно.

Но я вамъ скажу вкратцѣ, но искренно, что̀ я могъ замѣтить: сія страна Сибирская великая и пространная, но гладная; но не гладъ хлѣба и воды, ибо здѣсь этимъ преизобильно, но гладъ неслышанія слова Божія, ибо во всей Сибири нѣтъ ни одного общежительнаго монастыря, куда могъ бы прибѣгать гладный народъ и насытиться словомъ Божіимъ и благочестіемъ; а церкви здѣсь очень рѣдки, на 100 в. одна, а то еще и того нѣтъ; а служба въ церквахъ бываетъ только въ самые великіе праздники, но и то не всегда; приходы очень обширные, а священниковъ мало. Хотя неусыпный здѣшній архипастырь день и нощь старается распространить благочестіе и изобильно сѣетъ слово Божіе, ибо ежегодно посѣщаетъ обширную свою паству; она отъ востока на западъ на 1500 верстъ, а съ юга на сѣверъ на 5000 верстъ; ежегодно объѣзжаетъ по 5000 вер. и по 6000 и дѣлаетъ въ проѣздѣ по 3 мѣсяца и болѣе, совершая 90 служеній и 95-ть въ каждомъ селѣ, служитъ всенощную и литургію; во время всенощной между каѳизмъ читаетъ житія святыхъ по Чети-Миней самъ по 2 и по 3 житія переведенныя имъ на русскій языкъ, а на литургіи каждый день говоритъ со слезами проповѣди, ибо онъ безъ слезъ говорить не можетъ и говоритъ безъ приготовленія, на память

по духу народа; ежели гдѣ есть расколы, то объ этомъ и говоритъ; а гдѣ испорченные нравы, то и говоритъ о томъ; гдѣ служитъ—приказываетъ приносить всѣхъ дѣтей ко причастію, и самъ всѣхъ причащаетъ, а когда выходитъ изъ церкви, то всѣхъ до единаго благословляетъ; гдѣ проѣзжаетъ мимо деревни, то останавливается и служитъ молебны, увѣщавая народъ строить новыя церкви. Его старанія и труды не остаются безъ дѣйствія, ибо ежегодно приходовъ по 20-ти вновь открываетъ.

Азъ же грѣшный, хотя и живу 2 года одинъ въ келіи и архипастырь меня утѣшаетъ и спокоитъ, но сердце мое угнетаютъ тяжкія и едва выносимыя скорби—летѣлъ бы въ пустынныя и безмолвныя мѣста, а я живу посредѣ града, и міра и соблазновъ; но только еще и подкрѣпляетъ меня помощь Божія и молитвы моего старца и благословеніе св. горы Аѳонскія и возверсаю всю мою надежду на Господа Бога; и всѣ мои скорби и странствіе предписываю невѣдомымъ судьбамъ Божіимъ и Его неограниченному милосердію, ибо Онъ Самъ Спаситель далъ мнѣ сей, хотя и тяжкій, но спасительный крестъ и Самъ Онъ мнѣ назначилъ этотъ узкій и прискорбный путь, по которому съ Его помощію должно достигать до вѣчныя жизни.

Но еще я все питаюсь надеждой по ветхому человѣку на Господа Бога и на земного Царя, Котораго сердце въ рукѣ Божіей, и на Святѣйшій Синодъ, что можетъ быть и благоволятъ по моему прошенію въ этой отдаленной сибирской пустынѣ устроить разсадникъ благочестія, ради пользы и спасенія души своея и прочихъ, въ которомъ бы могъ я препроводить остальные дни моей скорбной жизни. Но если хотя и откажутъ на всѣ мои прошенія—и за то благодареніе Господу Богу. Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка, и како угодно Господеви, тако и да будетъ.

При семъ, пожелавъ вашему сіятельству и всему вашему христолюбивому семейству получить отъ Господа Бога въ жизни сей здравія и долгоденствія, а въ будущемъ вѣкѣ

вѣчнаго блаженства, навсегда остаюсь усердный вашъ богомолецъ, странствующій инокъ св. горы Аѳонскія, грѣшный и непотребный, и всѣхъ послѣдній монахъ Парѳеній.

20 іюня 1850 г.
Томскъ.

Это письмо, Богъ знаетъ, получилъ или нѣтъ его сіятельство, потому что отвѣта на него никакого не было.

150.

Эти 2 Григорія въ С.-Петербургѣ не были и князя не видали, хотя и намѣревались изъ Москвы итти въ С.-Петербургъ, но не пошли, а отправились въ Кіевъ, тамо и остались жить; а почему не пошли въ Петербургъ, то это поэтому, что въ Хотьковѣ раба Божія Евдокія имъ сказала, чтобы они не ходили въ Петербургъ. Вотъ здѣсь я помѣщу ея слова, которыя они записали и прислали мнѣ въ Томскъ въ 1850 г. Письмо они писали мнѣ изъ Боровскаго Пафнутьева монастыря, отъ 14 октября слѣдующее:

«Проводивши праздникъ преп. Сергія въ Лаврѣ его 26 сентября, вышли изъ Лавры въ Хотьковъ монастырь, и отслужили Спасителю и Божіей Матери молебны объ объявленіи намъ воли Божіей, гдѣ имамы спастися и препровождать остальную свою жизнь. Но Богъ знаетъ, что такое изъявила намъ раба Его Евдокія, мы даже и постигнуть сего не можемъ. Вотъ вамъ ея слова, извольте разобрать куда итти намъ и гдѣ остаться, вовсе не знаемъ,— точно вездѣ хорошо: теперь повѣрю какъ вамъ тяжко жить, также и намъ, ибо сѣмя, всажденное вами въ сердца наши, не можетъ найти такой доброй земли, гдѣ бы оно могло прозябнуть. Отецъ Іоаннъ, твой другъ, говоритъ: нынѣ тотъ уже и затворникъ, который вина не пьетъ! Охъ, возлюбленный Аѳонъ, не ты ли уже наше тихое пристанище? Однако безъ воли Царицы небесной мы къ тебѣ не подступимъ.

Вотъ слова матери Евдокіи:

Пришедши къ ней, мы замолчали. Женщина, живущая съ ней, говоритъ намъ: что же вы молчите; а она вдругъ

снимаетъ съ себя черную шапочку и говоритъ: вотъ имъ что нужно. Немного погодя указываетъ перстомъ на образъ Божіей Матери и говоритъ: Богородица-то молчитъ.— Мы ждемъ, что еще будетъ; а она подаетъ съ окошечка французскую булку и два яблока. Братъ заплакалъ. Потомъ спросила: не устали ли вы? и велѣла покормить. Тутъ уже замолчала не надолго и зачала какъ бы читать: ‹Тонъ деспотэнъ, кэ архіерея имонъ, киріе филатте, ис поллаэти деспота›: васъ поди владыка-то благословилъ. Немного помолчавши, вдругъ поразила насъ своимъ тихинькимъ голоскомъ, яко громовымъ ударомъ: Питеръ та... Мы, услышавъ отъ нея этотъ городъ, о которомъ и не спрашивали ее, — спросили, что, мати, итти ли намъ въ Питеръ? Она: нѣтъ, нѣтъ не ходите, васъ засадятъ, вы невольны. Помянула тутъ же, что говорятъ государь нездоровъ? и еще: въ Кіевѣ говорятъ полки стоятъ? Мы сказали, что не знаемъ; — говоритъ: посмотрите и почитайте Почаевскую Божію Матерь... Мы спросили: гдѣ намъ остаться? Она: гдѣ хочете. Мы спросили: итти ли намъ въ Кіевъ? Но и тутъ Богъ вѣсть къ чему она сказала: въ Кіевъ надо итти 4 недѣли, да оттуда 4 недѣли—это выходитъ 2 мѣсяца. Мы спросили: въ Саровѣ ли? Она: тамъ крыши еще не выкрашены краскою и въ окошечки лазятъ. Мы спросили: въ скиту? Она и тутъ сказала: вы и такъ скитаетесь; поди ноги-то у васъ устали... Много кое-что говорила съ полчаса›,—до здѣ изъ письма Григоріева.

Вотъ они, слыша эти слова ея, не пошли въ Питеръ, но пошли въ Кіевъ и тамо живутъ и по сіе время, 1856 года; но 2 Григорія письмо ко князю Шахматову изъ Москвы послали по почтѣ, а князь въ то время въ Петербургѣ не былъ—ѣздилъ по Россіи, по своимъ учебнымъ заведеніямъ, то попало ли ему въ руки или нѣтъ—Богъ вѣсть.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщилъ Архимандритъ Ніконъ.

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ
ИГУМЕНА
ПАРѲЕНІЯ.*)

151.

1853 г., написавши я 2 книги или 2 тома,—въ одной книгѣ, подъ названіемъ «Торжественникъ», въ коихъ вѣсу 12 фун.,—послалъ къ его высокопреосвященству Филарету митрополиту Московскому, при слѣдующемъ письмѣ:

Вашему высокопреосвященству, всемилостивѣйшему моему архипастырю, отцу моему и благодѣтелю, высокопреосвященнѣйшему Филарету, митрополиту Московскому и Коломенскому, Святѣйшаго Правительствующаго Синода члену, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры священноархимандриту и разныхъ орденовъ кавалеру.

Приношу мой малый трудъ сей, какъ вдовица двѣ лепты. Вы же, всемилостивѣйшій мой архипастырь, пріимите его какъ приняты были оныя лепты.

Сію книжицу «Торжественникъ», въ двухъ томахъ, такъ мною названную, потому что я ее собралъ на всѣ господскіе и богородичные праздники, торжественныя словеса и бесѣды, творенія разныхъ древнихъ св. отцовъ на русскомъ новомъ языкѣ. Заимствовалъ я болѣе изъ Христіан-

*) Продолженіе. См. мартовскую кн. *Душеполезное Чтеніе* 1900 г.

скаго чтенія, изъ Творенія Святыхъ Отцевъ и изъ прочихъ книгъ, какія только могъ собрать.

Понудило меня употребить такой великій трудъ собственное мое желаніе, которое я имѣлъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, ибо проживавши во многихъ монастыряхъ и пустынныхъ обителяхъ, а наипаче во св. горѣ Аѳонской, въ русскихъ, болгарскихъ и сербскихъ обителяхъ, — видѣлъ какой имѣется недостатокъ для чтенія въ великіе праздники, во время всенощнаго бдѣнія, также и во время трапезы часто читаютъ совсѣмъ несоотвѣтственно празднику,—поэтому я завсегда болѣлъ сердцемъ о семъ нужномъ и необходимомъ чтеніи. Наконецъ Господь Богъ исполнилъ мое желаніе;—далъ мнѣ такое свободное время и мѣсто, и какіе могъ имѣть источники, то изъ нихъ нужное повычерпалъ, что для этого было необходимо. Но конечно еще не совсѣмъ наполнилъ свою сокровищницу; потому что не имѣлъ довольныхъ источниковъ изъ чего почерпать. Но благодарю Господа Бога моего, что и это сподобилъ собрать и написать сіи два тома 88 словъ и бесѣдъ, почти изъ столькихъ же и томовъ выписана.

При семъ, препоручая себя вашимъ архипастырскимъ св. молитвамъ, смиренно повергаю къ стопамъ ногъ вашихъ и испрашиваю отъ вашего высокопреосвященства,— вашего архипастырскаго благословенія.

Остаюсь навсегда вашего высокопреосвященства смиренный послушникъ, паче всего міра непотребный, странствующій инокъ св. горы Аѳонскія, русскія Пантелеймоновы обители, всѣхъ послѣдній Парѳеній грѣшный.

Сентября 1853 г.
Томскъ.

152.

Еще того же года списалъ я книгу священноинока Дороѳея, «Цвѣтникъ» называемую, и послалъ ее къ его высокопреосвященству Филарету митрополиту Московскому со слѣдующимъ предисловіемъ:

Во славу св. Троицы, Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь.

Вашему высокопреосвященству, всемилостивѣйшему моему архипастырю, отцу моему и благодѣтелю, высокопреосвященнѣйшему Филарету, митрополиту Московскому и Коломенскому, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры священноархимандриту, Святѣйшаго Правительствующаго Синода члену и разныхъ орденовъ кавалеру.

Приношу малый мой трудъ.

Всемилостивѣйшій архипастырь, такъ какъ я много осыпанъ вашими архипастырскими милостями и благословеніями, хотя я паче всѣхъ непотребнѣйшій, и не сотворилъ вамъ ни единаго въ жизни моей послушанія; то, въ знакъ моей благодарности вашему высокопреосвященству, вознамѣрился послать сей малый мой трудъ—сію хотя и малую, но душеспасительную книгу «Цвѣтникъ», творенія пустынножителя и священноинока Дороѳея. Конечно, хотя она и не моего сочиненія, но я, принявши трудъ, что списалъ съ печатной. Побудила меня къ этому причина такая, что прошло болѣе двухъ сотъ лѣтъ какъ написана сочинителемъ сія книга, но нашей святой соборной Восточной Апостольской Церкви до сего времени мало почти извѣстна, или лучше сказать вовсе неизвѣстна; потому что писатель исторіи о русскихъ писателяхъ и переводчикахъ православной Грекороссійской Церкви, преосвященный Евгеній, митрополитъ Кіевскій, въ своей исторіи вовсе не упомянулъ объ этой книгѣ «Цвѣтникъ» священноинока Дороѳея, ни о писателѣ семъ; или не случилось ему ея видѣть, или можетъ быть не зналъ, кто онъ былъ такой, священноинокъ Дороѳей, и гдѣ онъ проживалъ, и въ какое время, и въ которомъ вѣкѣ; потому что этого ничего въ книгѣ не сказано, а поэтому и видно, что она была почти нашей Церкви неизвѣстна; хотя и есть она печатная, но и то болѣе въ рукахъ раскольниковъ, потому что имъ первымъ досталась эта рукопись, они ее и напечатали; потому православные мало ее и знаютъ, а хотя и

видятъ, но почитаютъ ее раскольническою и оттого хладнокровно ее читаютъ.

Но мнѣ и эта душеспасительная книга извѣстна съ самыхъ малыхъ лѣтъ, потому что она была въ нашемъ домѣ, и она-то напитала мою юную душу благодатными дарами, раскрывъ мнѣ всю превратность и непостоянство, и прелести міра сего и скоропролетающую нашу жизнь, и указала мнѣ тихое и не бурное пристанище иноческой и уединенной пустынной жизни, гдѣ можетъ человѣкъ кромѣ всѣхъ суетъ и попеченій житейскихъ безмолствовать, и которымъ человѣкомъ можетъ распалить совершенно свою душу и сердце въ любовь Божію, и соединиться съ Богомъ, сладчайшимъ своимъ Создателемъ, безпрестанною Іисусовою молитвою, совершаемою умомъ внутри сердца; я вознамѣрился начать этотъ путь съ самыхъ малыхъ лѣтъ и на 13-мъ году моей жизни пошелъ было по этому пути во слѣдъ Господа своего; но воспрепятствованъ былъ родителями; потомъ спустя немного исполнилъ свое желаніе и намѣреніе; но въ пустынѣ единому со единымъ Богомъ не сподобился препровождать жизнь свою, ради моей лѣности и недостоинства, или можетъ быть такъ угодно было Ему, моему Творцу и Создателю. Но посѣянное въ юное мое сердце сѣмя глубоко пустило корни, и донынѣ все еще желаніемъ стремлюсь въ пустыню и не отчаиваюсь! Но какъ угодно будетъ Господу Богу, тако да будетъ.

Но какъ я любилъ читать сію душеспасительную книжицу, то скорбѣлъ и соболѣзновалъ о томъ, кто это былъ священноинокъ Дороѳей и въ какомъ мѣстѣ онъ проживалъ, въ какое время и при какомъ царѣ. Хотя и многихъ спрашивалъ, но всѣ отказывались незнаніемъ. Но однако впослѣдствіи времени въ Стародубскихъ слободахъ отчасти могъ объ немъ узнать кое-что. Это и сообщаю вашему высокопреосвященству:

Проживалъ онъ въ царствованіе благочестивѣйшаго Россійскаго царя Михаила Ѳеодоровича Романова, при святѣйшемъ Московскомъ патріархѣ Филаретѣ, въ Москов-

ской епархіи, близъ одного пустыннаго общежительнаго монастыря, въ отшельничествѣ, въ пустынѣ; тамо по просьбѣ братіи написалъ сію книгу, въ пользу душамъ: то собралъ отъ Священнаго Писанія, то отъ писанія св. отцовъ, а болѣе отъ опыта своей жизни. Оставалась эта книга, въ рукописи, въ той обители, въ частныхъ рукахъ его учениковъ, и 60 лѣтъ переходила изъ рукъ въ руки,— даже до патріарха Никона; когда при Никонѣ патріархѣ возникли расколы, по случаю книжнаго исправленія, тогда и эта рукопись попала въ руки раскольника, и когда начали строго преслѣдовать раскольниковъ въ Россіи, то они побѣжали внѣ своего отечества за границы: кто въ Польшу, кто въ Молдавію, кто въ Турцію, и этотъ раскольникъ, у котораго находилась эта рукопись, ушелъ въ Польшу на Вѣтку и принесъ съ собой эту рукопись; тамъ начали съ нее списывать и прошло въ такомъ положеніи болѣе ста лѣтъ. Когда же раскольники открыли свои типографіи, тогда и потщались отпечатать сію книгу, въ лѣто отъ сотворенія міра 7298, въ Гродненской типографіи. Когда она пошла по рукамъ во множествѣ, то и начали ее каждый читать, и она весьма подѣйствовала на сердца ихъ, въ духовнонравственной жизни.

Этотъ блаженный старецъ священноинокъ Дороѳей не былъ раскольникомъ, но былъ истинный христіанинъ, сынъ святыя грекороссійскія Соборныя Апостольскія Христовы Церкви, потому что въ то время въ Россіи расколовъ еще не было; но вся великая Россія была какъ едина душа— православные христіане. Хотя уже Малороссія и страдала отъ гоненія уніи и отъ происковъ папы Римскаго, можетъ быть и великая Россія претерпѣла отъ злости папы и отъ его хитрыхъ происковъ, а наипаче во время самозванцевъ, чему онъ былъ тогда очевидецъ, потому въ 53 словѣ и велѣлъ блюстись западныхъ волковъ, антихристовыхъ предтечъ.

Но онъ былъ послушенъ тогда бывшему россійскому Московскому патріарху Филарету; ибо онъ явно выразился

въ 54 словѣ объ общежитіи, что должно общежитіе установляться и утверждаться съ благословенія святѣйшаго патріарха; да еще во всей своей книгѣ не дѣлаетъ никакого замѣчанія и напоминанія о расколахъ, потому что тогда ихъ еще въ Россіи не было, и не пишетъ ничего о догматахъ Церкви, потому что онъ весь былъ проникнутъ созерцаніемъ, а сердце его было уязвлено сладчайшею стрѣлою, именемъ Господа Іисуса, т.-е. безпрестанною молитвою Іисусовою, совершаемою умомъ внутри сердца и очи его источали источники слезные, которыми онъ погасилъ пламень страстей. Ибо какъ видно изъ его писанія, что онъ не былъ много ученъ во внѣшнемъ ученіи; да еще тогда въ Россіи ихъ и не было.

Но собралъ онъ сію книгу, какъ мудрая пчела, отъ чтенія Св. Писанія и отъ прочихъ чтеній св. отцовъ. Но болѣе отъ опыта своей жизни, и часто отъ пламенной любви къ Богу и ближнему, повторялъ и тѣ же слова самыя, дабы укоренить и утвердить каждаго въ сердцѣ, а смиреніе его въ томъ видно, что онъ ничего о себѣ не объясняетъ и не написалъ, ибо онъ не своей какой-нибудь искалъ славы и пользы, но ближняго спасенія, а что первое изданіе напечатали раскольники, то они этимъ книги этой не опорочили, но еще и должны мы ихъ за это благодарить, что не дали такой душеспасительной книгѣ прійти въ забвеніе, но оставили ее пользоваться послѣднимъ родамъ; ибо и на западѣ еретики многія изданія св. отцовъ пропустили въ печать на греческомъ и латинскомъ языкахъ, но они тѣмъ не опорочили твореніе св. отцовъ, но объявили ихъ всему міру, ибо и Россія теперь пользуется этими изданіями, и ученые мужи переводятъ ихъ на русскій языкъ.

Но я, зная сію душеспасительную книгу, какъ драгоцѣнную жемчужину, съ самыхъ моихъ малыхъ лѣтъ много о томъ соболѣзновалъ, почему такая книга, драгоцѣнная жемчужина, болѣе двухъ сотъ лѣтъ находится внѣ своей сокровищницы въ чужихъ рукахъ, чужіе пользуются отъ

нея духовною пищею, а свои лишены ея; даже почти и не знаютъ объ ней.

Господь Богъ, по непостижимымъ судьбамъ Своимъ, далъ мнѣ случай и такое свободное время, что я ее переписалъ помощію Божіею во градѣ Томскѣ, при архіерейскомъ домѣ, въ странѣ Сибирской. Печатныя же они очень дороги и рѣдки.

Вотъ и препровождаю ее къ вашему высокопреосвященству. Вы же, всемилостивѣйшій архипастырь, пріимите, какъ отъ вдовы двѣ лепты, этотъ мой малый трудъ, какъ малую драгоцѣнную жемчужину и положите ее въ свою богатую сокровищехранительницу, причисливъ къ своимъ драгоцѣннымъ брилліантамъ, пусть и она будетъ находиться тамъ, гдѣ ей подобаетъ быть, дабы и ей пользовались чада св. Соборныя Апостольскія Грекороссійскія Христовы Церкви.

И при семъ препоручая себя вашимъ святымъ архипастырскимъ молитвамъ, смиренно повергаю къ стопамъ ногъ вашихъ и испрашиваю отъ вашего высокопреосвященства архипастырскаго благословенія.

Остаюсь навсегда вашъ смиренный послушникъ, паче всего міра непотребнѣйшій, странствующій инокъ св. горы Аѳонскія, русскія Пантелеймоновы обители, всѣхъ послѣдній Парѳеній грѣшный.

16 іюля 1853 г.
въ Томскѣ.

Сообщилъ Архимандритъ Никонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ИГУМЕНА

ПАРѲЕНІЯ.*)

153.

Письмо оберъ-прокурору графу Протасову:

Его сіятельству, господину оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, члену государственнаго совѣта, Его Императорскаго Величества генералъ-адъютанту, генералъ-лейтенанту и кавалеру графу Николаю Александровичу Протасову.

Смиренная епистолія.

Осмѣливаюсь я, паче всего міра непотребнѣйшій и ничтожный, дерзновенно обезпокоить ваше сіятельство и припасть къ стопамъ ногъ вашихъ, излить свою скорбь и просить у вашего сіятельства во многоскорбной моей жизни хоря малѣйшаго утѣшенія.

Въ 1847 г. прибылъ я изъ св. горы Аѳонской, по благословенію духовнаго моего отца, во градъ Томскъ. По прибытіи я обратился къ его преосвященству Аѳанасію, епископу Томскому и Енисейскому съ прошеніемъ о принятіи меня въ его епархію въ число монашествующихъ, но получилъ отказъ.

*) Продолженіе. См. ноябрьскую кн. *Душеполезное Чтеніе* 1900 г.

Потомъ дважды обращался съ прошеніями въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, но и оттуда удовлетворенія никакого не получилъ.

Потомъ въ 1851 г. имѣлъ случай, обратился письмомъ къ его высокопреосвященству Филарету, митрополиту Московскому, — его высокопреосвященство принялъ участіе въ моихъ скорбяхъ, ибо извѣстили меня о семъ друзья мои, проживающіе въ скитѣ Геѳсиманіи, что онъ письмо мое показывалъ имъ и спрашивалъ о мнѣ и о моемъ поведеніи. Потомъ подлинникомъ мое письмо отослалъ къ вашему сіятельству на разсмотрѣніе, а потому дѣло мое вашему сіятельству не безызвѣстно, также равно и самое мое желаніе и намѣреніе.

Но вотъ уже и этому второй годъ, но не имѣю никакого извѣстія о моемъ дѣлѣ, пошло ли оно въ ходъ или нѣтъ.

Поэтому, припадая къ стопамъ вашего сіятельства, прошу со слезами: возимѣйте попеченіе о мнѣ странникѣ, окончить мою участь къ одному концу; ибо, проживая уже седьмой годъ въ Томскѣ, безпрестанно угнетаемый скорбями внутренними сердца, уже и не мало лишилъ своего здоровья.

Ежели очень затруднительно оставить меня въ Сибирскихъ краяхъ, также и исполнить мое желаніе, писанное въ письмѣ къ его высокопреосвященству, то благоволите мнѣ выѣхать въ Московскую епархію, въ скитъ Геѳсиманію, къ моимъ друзьямъ; тамо въ тишинѣ и безмолвіи препроводить остальные дни моей скорбной жизни.

Но впрочемъ, препоручая себя въ полное милостивѣйшее благораспоряженіе вашего сіятельства,

Остаюсь на всю жизнь мою вамъ смиренный послушникъ и богомолецъ, паче всего міра непотребнѣйшій и странствующій инокъ горы Аѳонской, всѣхъ послѣдній Парѳеній грѣшный.

7 ноября 1853 года
въ Томскѣ.

154.

Отвѣтъ его сіятельства оберъ-прокурора графа Протасова на мое письмо:

Отношеніе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода графа Протасова къ его преосвященству Аѳанасію, епископу Томскому и Енисейскому, отъ 8 декабря 1853 г. № 7964.

По поводу поступившей ко мнѣ отъ проживающаго въ Томскѣ при архіерейскомъ домѣ монаха Аѳонской горы Парѳенія просьбы, въ коей онъ испрашиваетъ, между прочимъ, дозволенія ему выѣхать въ Московскую епархію, въ Геѳиманскій скитъ, долгомъ поставляю покорнѣйше просить ваше преосвященство приказать объявить, чрезъ кого слѣдуетъ, монаху Парѳенію, что отъ него зависитъ обратиться о семъ съ просьбою по принадлежности къ преосвященному митрополиту Московскому.

Получивши я отъ оберъ-прокурора отвѣтъ, весьма обрадовался, что показалъ мнѣ путь, ибо онъ очень хорошо узналъ, что меня въ Томскѣ тѣснятъ, и я немедленно написалъ письмо къ его высокопреосвященству Филарету, митрополиту Московскому, слѣдующее:

155.

Святѣйшаго Правительствующаго Синода члену, высокопреосвященнѣйшему Филарету, митрополиту Московскому и Коломенскому, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры священноархимандриту и разныхъ орденовъ кавалеру.

Инока горы Аѳонской Парѳенія уроженца Молдавскаго, по мірскому Петра Аггеева.

Прошеніе:

Всемилостивѣйшій мой архипастырь! Вамъ уже извѣстны отчасти мои скорби, которыя я претерпѣваю въ Сибирской странѣ. Вотъ уже седьмой годъ, ибо я въ 1851 г. въ августѣ обращался къ вашему высокопреосвященству письмомъ, въ коемъ объяснилъ всѣ мои скорби и дѣлопроизводство, которое вы изволили отправить къ его сія-

тельству г. оберъ-прокурору Св. Синода графу Протасову, и оно дало дѣйствіе дѣлу моему, бывшему почти въ совершенномъ забвеніи.

Святѣйшій Синодъ въ прошломъ 1853 г., вначалѣ всѣ мои документы и дѣла изъ Томской консисторіи вытребовалъ, также и изъ монастыря Аѳонской горы вытребовалъ вторичное свидѣтельство о моемъ мѣсторожденіи и постриженіи, о чемъ я былъ извѣщенъ. Но изъ Свят. Синода до сего времени никакого мнѣ разрѣшенія не послѣдовало.

Того же 1853 г. въ ноябрѣ, я просилъ письмомъ его сіятельство г. оберъ прокурора Св. Синода графа Протасова сдѣлать со стороны его разрѣшенія моего дѣла съ тѣмъ, ежели встрѣтится затрудненіе въ дѣлахъ, оставить меня въ Сибирскихъ краяхъ, то благоволено бы было выѣхать въ Московскую епархію, въ скитъ Геѳсиманскій.

Его сіятельство на это изволилъ дать знать, что ежели я желаю въ скитъ Геѳсиманію, то долженъ просить ваше высокопреосвященство, а какъ дѣло мое еще не рѣшено, и я по настоящее время нигдѣ не опредѣленъ, документы же всѣ мои находятся въ Св. Синодѣ, то и осмѣливаюсь припасть къ стопамъ вашего высокопреосвященства и просить вашихъ архипастырскихъ милостей излить на меня, странника, неимѣющаго гдѣ главы преклонити, принять меня во врученную вамъ Московскую епархію и причислить въ число братства Геѳсиманскаго скита, а для проѣзда оттуда прислать, или, кому слѣдуетъ здѣсь приказать, выдать мнѣ билетъ. На что и осмѣливаюсь ожидать всемилостивѣйшей вашего высокопреосвященства архипастырской резолюціи.

Января 4 1854 года.

Вотъ это послѣднее было мое прошеніе, которое кончило всѣ многолѣтнія мои дѣла.

156.

Но это прошеніе спаслось отъ истребленія чудеснымъ образомъ, слѣдующимъ происшествіемъ:

Оно было написано 4 января и уже окончено было часа въ 4 вечера; въ пятомъ часу я принесъ на почту, ибо въ пять часовъ вечера начинаютъ принимать; пришелъ почтмейстеръ Михаилъ Матвѣичъ, близкій мой знакомый. Я подаю ему прошеніе. Онъ принялъ и посмотрѣлъ на меня и со стыдомъ сказалъ: отецъ Парѳеній, я не могу отъ тебя принять теперь прошеніе. Я сказалъ: почему же М. М. ты еще только начинаешь принимать. Онъ отвѣтилъ: точно я только начинаю, но я не зналъ, что ты принесешь прошеніе; послѣ утренняго пріема страховой чемоданъ запечатанъ, никогда такъ не случалось, а давиче вздумали да и запечатали. Я было сталъ его просить, чтобы принялъ. Онъ даже заплакалъ и сказалъ: батюшка, неужели бы я это для васъ не сдѣлалъ, какъ для друга, но я тебѣ истинно говорю, что запечатанъ и страховыхъ посылокъ никакъ нельзя принять; — уже подожди 3 дня—это не очень долго.

Такимъ образомъ мое прошеніе осталось у меня до осьмого числа, уже тогда я его и подалъ и оно дошло благополучно. Что же сдѣлалось съ этой почтой отъ 4 числа,— ее около Василья Сурскаго, Нижегородской губерніи, разбойники разбили; деньги взяли, а бумаги всѣ сожгли и истребили. Вотъ бы пропало и мое прошеніе, ибо которые подавали 4 числа, то деньги въ Томскѣ выдавали имъ обратно, а кто посылалъ бумаги у тѣхъ всѣ были они истреблены и пропали, а я послалъ уже 8 января и оно дошло благополучно,—такимъ образомъ Господь сохранилъ мое прошеніе, и я наипаче удостовѣрился, что мнѣ есть воля Божія выѣхать обратно въ Россію.

Чрезъ 6-ть мѣсяцевъ я получилъ указъ изъ Св. Синода, что принятъ въ россійское монашество и причисленъ въ скитъ Геѳсиманскій и я 3 іюля выѣхалъ изъ Томска, а 8 августа прибылъ въ Москву.

Но возвратимся опять въ Томскъ на первые годы.

Сообщилъ Архимандритъ Никонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ
ИГУМЕНА
ПАРѲЕНІЯ.*)

157.

Хотя я былъ съ одной стороны угнетаемъ великими скорбями, которыми хотѣли стереть меня съ лица земли, и претерпѣвалъ всѣ клеветы и поношенія, какія только можетъ человѣкъ изобрѣсть; но съ другой стороны—Господь всѣ утѣшенія изливалъ ведрами; вся пространная Сибирь была ко мнѣ расположена, исключая немногихъ; ежедневно ко мнѣ въ келію толпами сходился народъ; но это болѣе враговъ моихъ подвигало на зависть, такъ что самъ владыка многажды мнѣ говорилъ, чтобы я не принималъ въ келію никого, но я ему скажу: владыка святый! я никого къ себѣ не приглашаю, а кто придетъ въ келію, то не могу никого выгнать, такъ что нѣсколько разъ караульные ко мнѣ никого не допускали. Также великую имѣлъ переписку, почти ни одной почты не проходило, чтобы я не получилъ писемъ, также и посылалъ. Два года утѣшали меня два брата Григорія и другіе монахи. Вся Сибирь питала надежду, что я останусь тамо навсегда, но Богу тако не изволившу; здѣсь Господь меня

*) Продолженіе. См. декабрьск. кн. *Душеполез. Чтенія* 1900 г.

утѣшилъ тѣмъ, что чрезъ десять лѣтъ, шесть мѣсяцевъ и двадцать дней отверзъ мое глухое одно ухо, 1848 г. 14 ноября, въ день моего рожденія. Потомъ въ 1852 г. и послѣднее мое ухо отверзла Царица небесная, слѣдующимъ образомъ:

158.

Пришелъ я на почту,—меня спрашиваютъ: не знаю ли я одного монаха сборщика изъ Одриной пустыни—ему прислано много иконъ, но ящикъ разсыпался. Я посмотрѣлъ всѣ иконы Божіей Матери Споручницы грѣшныхъ и сказалъ тому монаху, ибо стоялъ у моего знакомаго. Но послѣ того мнѣ нетерпимо захотѣлось имѣть эту икону Споручницы грѣшныхъ; у меня было 3 руб. сер. я всю ночь не спалъ—такъ мнѣ хотѣлось этой иконы. Я рано утромъ взялъ послѣднія деньги и пошелъ на квартиру къ монаху; даю ему деньги и извиняюсь, что мало, ибо только имѣю. Но онъ не хотѣлъ и этого взять. Мы, говоритъ, беремъ съ богатыхъ, а ты монахъ, мы тебѣ безо всего дадимъ; но я такъ не взялъ,—деньги оставилъ, а икону взялъ съ великою радостію. Пришедши прежде въ церковь, священникъ покропилъ святою водой, послѣ литургіи принесъ въ церковь и у меня въ тотъ же день отверзлось и послѣднее мое ухо, и совершенно пересталъ въ головѣ шумъ. Вотъ Господь меня въ Сибири какимъ великимъ утѣшеніемъ утѣшилъ, которое для меня неоцѣненно, а то бы не быть мнѣ священникомъ.

159.

Еще многажды Господь утѣшалъ меня въ скорбяхъ моихъ во снѣ; но только здѣсь 2 сна опишу—слѣдующее:

Въ одну нощь вижу я себя въ нѣкоихъ садахъ, неизрѣченными ароматами благоухающихъ; что же, вижу предъ собою дѣвицу неизрѣченной красоты: лицо сіяетъ какъ солнце и лучи исходятъ огненные, какъ у молніи, благоуханіе исходитъ ароматическое, одежда свѣтозрачная;—я стою, весь отъ сладости растаявъ, смотрю на нее. Она

испустила гласъ, которымъ поразила меня сладостію: я твоя невѣста; я весь растаялъ и бросился къ ней, хотя бы коснуться ея одежды. Она сказала: не прикасайся, мнѣ еще время не пришло, а теперь приложись къ этой иконѣ, показывая мнѣ рукой, ибо по лѣвую сторону ея недалеко стояла великая икона Воскресенія Господня. Я послушался ея и приложился къ иконѣ и проснулся; многіе дни ощущалъ въ сердцѣ моемъ какую-то великую радость.

Эта невѣста моя, какъ я послѣ узналъ отъ нея же,— церковь Христова; уже я съ ней обвѣнчался въ Москвѣ въ 1855 году января 18, о чемъ сказано будетъ послѣ, въ своемъ мѣстѣ. Еще и второй сонъ былъ для меня утѣшителенъ.

160.

Въ одну нощь вижу себя, стоящаго на площади между великими дворцами; подходитъ ко мнѣ одинъ юноша, неизрѣченной красоты, въ одеждѣ свѣтозрачной, лицо его меня поразило отъ свѣтлости, волосы на головѣ кудрявые, разсчесанные лежатъ по плечамъ,—говоритъ мнѣ: пойдемъ въ этотъ дворецъ—тамъ царя посмотришь. Я пошелъ за нимъ по лѣстницамъ во второй этажъ; лѣстница и перила, какія-то необыкновенныя. Привелъ меня въ чертоги, умъ человѣческій превосходящія; но тутъ никого нѣтъ;—мой проводникъ говоритъ, показывая рукою впередъ: иди одинъ туда во внутреннія покои. Я пошелъ, и какой-то трепетъ меня обуялъ, и я взошелъ во внутреннія чертоги; осмотрѣлся кругомъ, вижу около стѣнъ стоятъ все диваны или одры позлащенные, а на нихъ возлежатъ люди. Когда я хорошенько всмотрѣлся, то всѣхъ почти узналъ, это возлежатъ пророки, апостолы и святители; но что-то это меня не заняло, а хочется чего-то болѣе увидѣть. Но когда всѣхъ осмотрѣлъ, то устремилъ очи впередъ, что же, вдругъ меня поразило, ибо увидѣлъ я также возлежащаго Самого Господа Іисуса Христа; когда я Его увидѣлъ, то весь началъ таять отъ сладости, такъ что никуда не могу дви-

нуться. Онъ же меня Своею рукою манитъ, говоря: подойди сюда, ко Мнѣ. Я говорю: Господи! не могу,—весь растаяваю отъ сладости. Онъ же сказалъ: иди, иди небойся. Я съ этихъ словъ нѣсколько укрѣпился и по малу началъ къ Нему подвигаться, и Онъ протянулъ руку Свою помогъ мнѣ подойти къ Себѣ, и благословилъ меня; я поцѣловалъ руку Его и проснулся; сердце мое наполнилось радости и сладости,—слезы отъ радости да и только, а сердце кипитъ; владыка замѣтилъ во мнѣ перемѣну. Воистину Сладчайшій Іисусъ души моей утѣшеніе. Тутъ не надобно ни всего богатства міра сего, ни даже царства небеснаго, а только бы была эта сладость въ сердцѣ; воистину какъ говорится пословица, что съ Богомъ повсюду рай. Но конечно, ежели бы эта сладость завсегда осталась въ сердцѣ, то уже ни къ чему бы не былъ способенъ, ничего не говорить, ни дѣла дѣлать, а только бы отъ сладости плакать и безпрестанно умомъ созерцать Господа своего. Но конечно, ничего бы не нужно было, кромѣ Господа.

Послѣ стала мало по-малу проходить эта сладость, а потомъ и вовсе остыла. О Господи Іисусе Христе, хотя бы не въ этомъ мірѣ, но въ будущемъ сподобилъ этой сладости, хотя по капелькѣ и довольно для услажденія души, и то весь міръ позабудешь.

161.

Еще въ Томскѣ не мало меня утѣшалъ рабъ Божій Осинька Блаженный, который жилъ какъ птица, не имѣя ни дому, ни пристанища, но всѣ его желали имѣть въ своемъ домѣ. — Онъ за мѣсяцъ предсказалъ мнѣ смерть свою; исповѣдался и причастился св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой и скончался 1852 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ домѣ купца Семена Васильевича Ярлыкова; лежалъ мертвый три дня съ половиной, въ самый жаръ, и ничего не измѣнился въ лицѣ, даже ногти не почернѣли, а лицо сдѣлалось пріятное, какъ восковое съ румянцемъ; запахъ исходилъ какой-то пріятный ароматическій; весь Томскъ былъ на его погребеніи. Чудное было зрѣлище, когда его несли на

кладбище, ибо купцы, господа и мѣщане не давали нести его одинъ другому; какъ 10 саженъ и безпрестанно смѣняли, ибо каждому хотѣлось, хотя немного понести раба Божія, ибо было извѣстно всему Томску, что онъ былъ великій угодникъ Божій, ибо каждый почти испыталъ на дѣлѣ его чудодѣйствіе. Здѣсь на погребеніи позабыли всѣ свое приличіе, госпожи и купчихи, какъ всѣ лѣзли хотя прикоснуться къ его гробу, а кольми паче хотя бы немного понести.

Но весьма онъ гнушался и не любилъ всѣхъ вообще раскольниковъ и еретиковъ, хотя они его любили и желали, чтобы онъ взошелъ въ домъ ихъ; хотя онъ и взойдетъ, то все плачетъ; но въ другихъ мѣстахъ завсегда онъ былъ веселъ и смѣялся,—кажись бы ему и несвойственно плакать. Вотъ разсказывали сами на обѣдѣ, на его погребеніи; жена говорила, а мужъ утверждалъ. Жена Екатерина Ивановна, православной Церкви чадо, а мужъ Иванъ Михеичъ, раскольникъ, и Осинька часто къ нимъ ходилъ, потому что жена была раба Божія и почти исповѣдница за Христову Церковь. Когда, говоритъ, ни придетъ къ нимъ и покуда нѣтъ хозяина дома, онъ веселъ и смѣется; какъ пришелъ хозяинъ, начнетъ плакать. Жена спроситъ: Осинька, о чемъ ты плачешь, или мы очень грѣшны, скажи-ка ты намъ, батюшка? Онъ скажетъ: нѣтъ, тётка Екатерина, я не о тебѣ плачу, а о дядѣ Иванѣ—ему очень худо.

Но хотя жена говорила это при всей публикѣ и самъ мужъ тоже подтверждалъ, но все остается въ расколѣ. Вотъ какое закоснѣніе и сколько расколъ глубоко запускаетъ корни въ сердце человѣческое; это покрывало врага-діавола, что отнюдь не допускаетъ воззрѣть на свѣтъ Христовъ, узнать и увидѣть истинную Христову Церковь.

Но когда погребали Осиньку, то деньги носили богатые люди корзинками и раздавали бѣднымъ.

Я написалъ его жизнь подробно въ «Цвѣтникѣ» моемъ, ибо тамъ всѣ Сибирскія замѣчанія.

Сообщилъ Архимандритъ Ніконъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).